

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ф.Ф. Серебряков

**Е.А.БОБРОВ КАК ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ В
РОССИИ**

Учебное пособие

Казань 2013

УДК 1(091)
ББК 87.3
С32

*Печатается по рекомендации
Редакционно-издательского совета
Философского факультета Казанского (Приволжского)
федерального университета*

Научный редактор – доктор философских наук, профессор **М.Д.Щелкунов**

Рецензенты:

доктор филос. наук, проф. **А.Б.Лебедев**
доктор филос. наук, проф. **А.Н.Юзеев**

Серебряков Ф.Ф.

С32 Е.А.Бобров как историк философии и просвещения в России:
учебное пособие/Ф.Ф.Серебряков. – Казань: Казанский университет, 2013. -
157с.

ISBN 978-5-00019-162-0

В учебном пособии рассматривается учёная деятельность профессора трёх российских университетов Евгения Александровича Боброва, как историка философии и просвещения в России, на основе его разнообразных произведений. Изложение философии и просвещения в России в интерпретации профессора Е.А. Боброва, как правило, сопровождается показом общего культурно-исторического фона (прежде всего, в области образования и становления философии в России) того периода, о котором идёт речь.. Отмечаются основоположения собственных философских воззрений профессора как методологической базы изложения им истории философии и просвещения в России, а также особенности его исследовательского подхода к рассматриваемой проблематике.

Пособие предназначено, в первую очередь, для студентов КФУ, занимающихся по курсу «Философская мысль в Казанском университете», но может представлять также интерес для всех, кто неравнодушен к истории философии и просвещения в России, к деятельности её подвижников на поприще её исследования и освещения.

ISBN 978-5-00019-162-0

УДК 1(091)
ББК 87.3

© **Серебряков Ф.Ф., 2013**
© **Казанский университет, 2013**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Исследования Е.А.Боброва по философии и просвещению в России	6
О главнейших философских направлениях и о себе	20
О началах, проблемах и характере философской традиции в России	36
<i>О просвещении и философии. Век XVIII</i>	38
<i>О философских течениях, философах и литераторах. Век XIX</i>	54
Университетская философия в России	94
Литература	118
Темы рефератов	121
Приложение 1. Труды Е.А.Боброва по философии и просвещению в России	122
Приложение 2.Маковельский А.О. Работы профессора Е.А. Боброва по философии	125
Приложение 3. Беляев М. Работы профессора Е.А. Боброва по истории русской литературы и просвещения	133
Приложение 4. Радищев Н.А. Эпитафия	144
Приложение 5. Два письма П.Я. Чаадаева Шеллингу	145
Приложение 6. Бобров Е.А.: Несколько слов о жизни автора книги	152
Приложение 7. Из «Инструкции директору Казанского университета», Высочайше утверждённой 17 января 1820 г.	155
Приложение 8. О возложении наблюдения за преподаванием логики и психологии в Университетах и Ришельевском Лицее на Главных Наблюдателей за преподаванием закона Божия в светских учебных заведениях	157

ПРЕДИСЛОВИЕ

«История русской литературы до сих пор есть исключительно история литературы столичной – петербургской и московской, – писал в 1904 году Евгений Александрович Бобров, к тому времени уже ординарный профессор Варшавского университета, а за плечами были ещё университеты Юрьевский и Казанский. – Провинция как бы не существует для исследователей судеб литературы в России»¹. И далее убеждённо продолжал, имея в виду уже казанских литераторов: они «ничем не хуже весьма многих продуктов столичной литературы того времени, а потому в общем обзоре истории русской культуры заслуживают, конечно, нечто большее, чем просто молчание»².

Первое - увы! – относится не только к истории русской литературы, но и к истории философии в России. Но и второе – «ничем не хуже продуктов столичной литературы» - также справедливо и в отношении университетской философии в «провинции» тоже.

Именно эта мысль возникла у меня, когда я впервые прочитал приведённые строчки профессора Е.Боброва, знакомясь с историей казанской университетской философии. Справедливой, может быть, даже ещё более справедливой, она представляется мне и сегодня, когда я знаю больше. Поэтому одним из мотивов, побудивших меня написать настоящее учебное пособие, было возмущение этой «столичноцентричной несправедливостью», или – что одно и то же – желание восстановить справедливость в отношении «провинции», насколько это окажется в моих силах. Не только тёплые чувства к *alma mater*, Казанскому университету, были тому причиной, но и, надеюсь, оправданное, понимание того, что обращение к малоизученным, но, при изучении, как оказывается, весомым страницам отечественной, в данном

¹ Бобров Е.А. А.А.Фукс и казанские литераторы 30-40-х годов/ Бобров Е.А //Русская старина. – 1904, июнь. – Т.118. – С. 481.

² Бобров Е.А. А.А.Фукс и казанские литераторы 30-40-х годов/ Бобров Е.А //Русская старина. – 1904, июль. – Т.119. – С. 34.

случае, «провинциальной» литературы, позволяет получить более пространное и более объёмное представление о философии и просвещении в истории России.

И этот мотив – стремление обосновать научно-объективный резон обращения к обозначенной теме – изложен подробно в первом разделе настоящего пособия, который называется «Исследования Е.А.Боброва по философии и просвещению в России».

Учебное пособие, насколько удалось, раскрывает содержание одного из аспектов спецкурса «Философская мысль в Казанском университете», который читается на пятом курсе философского факультета КФУ³, а именно творчество Е.А.Боброва (как историка философии и просвещения в России), занимавшего казанскую кафедру с 1897 по 1903 годы и ещё в дореволюционной России известного своими работами в этой области⁴, но, к сожалению, в этом качестве малоизвестного у нас, в нашей новейшей литературе. А между тем его соответствующие работы способны расширить наше представление по философии в России, дать более рельефную, значит – более объёмную картину отечественной истории философии и просвещения.

Отдавая себе отчёт в том, что специального исследования достоин и ряд других представителей казанской университетской философии⁵, мы должны заметить, что в обозначенной области выделяются именно труды Е.А.Боброва и сам он как историк философии и культуры в России.

Сказанное позволяет нам думать, что настоящее учебное пособие, посвящённое данной стороне его деятельности «на поприще науки и литературы», как было сказано в одном сборнике, выпущенном в его честь, является вполне уместным.

³ Подробнее о цели и задачах курса см.: Серебряков Ф.Ф. Философское образование и философская мысль в Казанском университете/ Серебряков Ф.Ф. – Казань: Казанский университет, 2009. – С.4-8.

⁴ Ссылки на труды Е.А.Боброва мы находим в историко-философских сочинениях ряда исследователей дореволюционной поры. Имеются даже работы, в том числе написанные известными в России представителями философии, посвящённые ему.

⁵ Отрадно, что такие исследования есть: например, о Н.А. Васильеве, архимандрите Гаврииле.

ИССЛЕДОВАНИЯ Е.А. БОБРОВА ПО ФИЛОСОФИИ И ПРОСВЕЩЕНИЮ В РОССИИ

Обычно знают несколько более или менее «говорящих» имён авторов дореволюционных или первых послереволюционных изданий по истории русской философии, точнее, о «путях развития философии в России»⁶: Э. Радлов, А. Введенский, Г.Флоровский, Г. Шпет... Специалисты могут назвать ещё⁷. Здесь не место обсуждать достоинства и недостатки⁸ их произведений - некоторые из них, понятно, имеют большей частью лишь историческую ценность, но у книг по истории философии вообще, как правило, недолго век, в особенности, с оценочно-содержательной стороны. И лишь очень немногие из них являются исключением из этого. Даже старик Гегель⁹ не во всём бесспорен.

Впрочем, это вовсе не означает, что современные исследования по истории философских учений непременно интереснее и глубже «антикварных», даже если они написаны с учётом «новых, ранее неизвестных, материалов» или основаны на результатах «всех самых последних изысканий». Напротив, бывает, с новой силой просыпается интерес к литературе классической или просто «старой». Там, где «поле ещё не распаханно», а проблема не «замордована» скрупулёзными или просто многочисленными разработками, можно найти интересные интуитивные прозрения, пусть и недостаточно обоснованные, широкие и искренние мысли, свежие предположения, занимательные «фантазии», догадки, часто неразвёрнутые, порой, «очень простые» для последующего перегруженного учёностью исследовательского ума, но сильные ясностью мысли, не приемлющей какой бы то ни было

⁶ Так – «Пути развития философии в России» - называется очерк М. Ершова, изданный в 1922 году во Владивостоке.

⁷См., например, «список», приведённый В.В. Зеньковским в 1 томе его «Истории русской философии» (Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х томах./Зеньковский В.В. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004. - Т.1. - С. 26-31).

⁸ Краткую, но, конечно же, небесспорную характеристику некоторых из них даёт тот же В. Зеньковский.

⁹ Имеется в виду его «Лекции по истории философии».

эклектичности. В этом привлекательность классики, а, может быть, просто «старой литературы».

Не только этим объясняется, однако, возросший интерес к творчеству «провинциальных авторов», среди которых немало замечательных мастеров своего дела. Тем, видимо, ещё, что пришло осознание того, что «палитра» российской философской культуры куда богаче её «столичных красок», и много теряем мы от того, что российскую философию ограничиваем философией московской.

К числу работ, написанных этими «провинциальными»¹⁰ авторами, принадлежат и труды по истории философии, просвещения и культуры в России Евгения Александровича Боброва.

Е. А. Бобров был профессором по кафедре философии в трёх российских университетах, в том числе с 1896 по 1903 год – в Казанском. Естественно, что среди его работ значительную долю занимают сочинения чисто философского характера (по гносеологии, онтологии, этике, логике и т.п.)¹¹. Но на протяжении всего долгого творчества своего – от годов пребывания в Дерптском (Юрьевском) университете, который он закончил ещё в 19 веке (1889 году) и в котором начинался его путь исследователя и философа¹², и до служения в Ростовском университете уже в советский период,¹³ – его внимание неизменно привлекали история русской литературы и история русской философии.

«Горячая любовь к литературе и философии одушевляла и подкрепляла меня с малых лет и всю мою жизнь», - признался он однажды.¹⁴ Причём

¹⁰ В начале своей, как некогда говорили, учёно-педагогической деятельности, правду говоря.

¹¹ Мы будем обращаться к ним в той мере, в какой в них содержится интересующий нас материал по теме настоящей работы.

¹² В списке трудов Е. А. Боброва, помещённом в сборнике «Харитес. Профессору Евгению Александровичу Боброву признательные ученики в честь четвертьвековой – 1888-1913 – его работы на поприще науки и литературы» (Варшава, 1913) первая работа («Искусство и нравственность» в «Вопросах философии и психологии») обозначена 1893 годом, а изданная в Юрьеве («О понятии искусства») – 1894 годом. Но ещё, будучи студентом Юрьевского университета, он поместил в газете «Русские ведомости» (от 20 мая 1888 года) некролог своему учителю, профессору философии Г. Тейхмюллеру – этот год и рассматривается исследователями его творчества, как начало научной и литературной деятельности профессора.

¹³ Варшавский университет, в который Е.А. Бобров перешёл из Казанского в 1903 году, был, в связи с началом первой мировой войны, переведён (в 1915 году) в Ростов-на-Дону. Умер профессор в 1933 году.

¹⁴ Бобров Е. А. Философия и литература. Сборник статей (1888-1898). Т.1/ Бобров Е. А – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. – С.6.

живейший интерес у него вызывали все, даже малейшие, «мелочные» проявления русской культурной жизни¹⁵, столичной и провинциальной: люди, события, журналы, книги, а не только «эпические» темы, например, «этические воззрения графа Толстого».¹⁶ Ему было интересно всё полотно русской культуры, а не только крупнорельефные узоры на нём, и без того видные всему миру. Сам он находил этому и, так сказать, объективно-научное объяснение, в котором всё равно проглядывала любовь к отечественной культуре и русской истории. «Наше отечество, - писал русский профессор, - достигшее столь высокого положения, столь мало ещё изучено в его прошлом и настоящем»¹⁷.

Быть может, создай он академические систематические курсы по истории русской литературы или философии, они бы читались и цитировались, но вполне возможно, что их ждала бы и судьба очень многих такого рода произведений – они, быть может, были бы скучны (просто в силу своей «учёности»). Не всем дано писать столь глубокомысленно как Гегель («Лекции по истории философии») или столь живо и «индивидуально», «субъективно» как Б. Рассел («История западной философии»). Немного есть подобных произведений в нашей и европейской истории, которые, гармонично сочетая живую мысль и живое слово, постигающий смысл и проникающее слово, были бы интересны и современному читателю.

Но подобные «курсы» и «истории» - резюме, итог, более или менее удачно и живо скроенный, творческой истории философии и литературы, созревший плод её. Но не может быть видно в этих итогах всей живой, трепещущей, рождённой в муках, заблуждениях, прозрениях, надеждах, в проявлениях человеческой слабости, даже в неблагоприятных поступках, истории человека: философа, литератора, писателя, поэта. Не видно «мелочей», в

¹⁵ Один из сборников его статей так и называется: «Мелочи из истории русской литературы».

¹⁶ Так, «Этические воззрения графа Л.Н.Толстого и философская их критика», называется одна из работ Е.Боброва.

¹⁷ Бобров Е.А. Отзыв о рукописном сочинении «Философский элемент в сочинениях В.Г.Белинского»/Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. – С.4.

которых зачастую философ и поэт нам раскрываются больше, чем в исследованиях их творчества, становятся нам понятнее, а то и ближе¹⁸.

И хотя в наследии Е. А. Боброва есть и произведения, представляющие собой достаточно скрупулёзные исследования творчества одного автора (например, поэта А. Полежаева, писателя и философа А. Радищева, «первого романтика в русской литературе» П. Г. Каменева, русского шеллингианца профессора Д. М. Велланского, поэта Д. В. Веневитинова), но в основном это - «материалы, заметки», этюды, «мелочи». Вот, например, начальные слова названий ряда произведений Е. А. Боброва, посвящённых разным страницам и страничкам истории русской литературы и русской философии: «этюды», «заметки», «мелочи», «материалы», «силуэты», «к биографии», «из истории», «к истории», «эпизод», «биографические сведения». Эти «этюды» и «мелочи» и дают нам возможность увидеть «сцены» русской литературной и философской жизни, а ведь именно из сцен и складывается любая пьеса, её фабула, её целое. Причём, публиковал он их и в журналах, таких, например, как «Русская старина», «Исторический вестник», «Журнал Министерства Народного Просвещения», и в газетах («Рижский Вестник», «Варшавский Дневник»), тем самым делая доступными эти «сцены» и «сценки» публике более широкой, чем «учёное сообщество». Не знаю, было ли это сделано намеренно или вызвано особенностями жанра («мелочи»), а скорее всего, верно последнее, но нельзя не признать, что он старательно, неустанно и с любовью¹⁹ сеял «разумное, доброе, вечное».

Потом он собирал эти произведения (далеко не все, только опубликованные в периодических изданиях) в «Сборники» (это уже выдавало

¹⁸ Например, рассказанный (на основе архивных материалов) Е. Бобровым эпизод из казанского периода жизни писателя И. Лажечникова, когда тот, не имея ни учёного звания, ни университетского образования, ни опыта, но только - горячее желание, добивался места преподавателя словесности в университете, рисует нам «внутренний портрет» автора «Ледяного дома» и «Басурманина» живее, чем сухие строчки, уделяемые ему в «Курсах» и «Историях» - См.: Бобров Е. А. Неизданная рукопись И. И. Лажечникова/Бобров Е. А //Русская старина. - 1904, октябрь. – С. 130 -139.

¹⁹ Без любви к этому труду нельзя было по собственной инициативе (одним из первых, во всяком случае) создавать для студентов кружки: философский, педагогический, исследовательский историко-литературный соответственно в университетах Казанском, Варшавском, Северо-Кавказском (Ростовском впоследствии), в которых он преподавал.

стремление к самовыражению и – что говорить – тщеславие Автора) – в таком виде они и стали преимущественно «источниковедческой базой» (см: Приложение 1) темы: «Е. А. Бобров как историк философии и просвещения в России».

Однако Е. А. Бобров не просто историк литературы, хотя у него немало заметок и этюдов чисто историко-литературного или литературоведческого характера, даже, на иной взгляд, скучно-филологических, или – если деликатнее – строго-филологических, например, «Значение русской народной поэзии» или «Слово о погибели русской земли», вновь найденный памятник древнерусского поэтического творчества».

Но всё же философия была, так сказать, первой его профессией (не скажу любовью, ибо литература, словесность, Слово – это «врождённое первое» всякого мыслителя). В Предисловии к сборнику «Философия и литература» он писал: «Оба направления, *философское и эстетическое* (курсив мой - Ф.С.), между которыми в эти годы делилась работа моей мысли, нашли здесь выражение»²⁰. Но всё же это – «не оба направления», как, видимо, хотелось думать профессору, который находился между молотом и наковальней (и потом всю жизнь) двух этих своих «пламенных страстей», а взгляд на русскую литературу и русские проявления духовной жизни²¹ с точки зрения философа; «философский анализ», «философско-методологический подход», как выразились бы сегодня. Он не смог освободиться от этого бремени (или дарованной богами привилегии) – быть философом и тогда, когда писал о Белинском, Радищеве, Гоголе, Толстом или Чаадаеве, очень философских наших писателях, и тогда, когда рассуждал о «значении русской народной поэзии» или о «Чацком и Рудневе», хотя многие гётевские Вагнеры («Фауст») и ныне умудряются в них увидеть просто «литературных героев», тогда как «в них прозвучало их время», как гениально сказал однажды Бо Цзюй И, великий классический китайский поэт. Но, чтобы выразить это прозвучавшее время,

²⁰ Бобров Е. А. Философия и литература. - С.5.

²¹ В работах нашего автора затрагиваются темы, выходящие за пределы литературы (хотя и не словесности).

мало быть любителем российской словесности, надо поместить их в контекст этого самого времени. Однако это не чисто литературоведческая работа, а философская: «лицом к лицу лица не увидать». Маленький образчик такого подхода представляют собой, например, его заметки «Тип шестидесятника», опубликованные в «Известиях Северо-Кавказского государственного университета» уже в советский период²², когда профессор Бобров Е. А. почти полностью переключился на работу в области историко-литературных исследований²³.

Вот этой «печатью философской работы» отмечены многие плоды его «работы на поприще литературы», говоря словами из «Харитес». И хотя среди сочинений Е. А. Боброва немало таких, которые без претензий могут быть помещены в чисто литературоведческие сборники, всё же вот этой своей особенностью – связью с философией – они интересны для нас. Эту особенность Боброва-исследователя литературы аналитики его творчества отмечали давно. Так, профессор Северо - Кавказского университета М. Беляев, коллега Е. Боброва по кафедре, имевший удовольствие быть участником «устных бесед» с ним, писал: «Изучение философии в представлении Е. А. тесно связывается с изучением литературы. Совершенно справедливо он признаёт для всякого, изучающего литературу, необходимость хорошего знакомства с философией»²⁴.

Это не случайно и не просто «дело вкуса», это убеждённость, сознательный выбор, исследовательский, мировоззренческий и методологический, если так можно выразиться. Вот что писал он ещё в отзыве на медальное сочинение «Философский элемент в сочинениях В. Г. Белинского» своего студента (в Казанском университете), в будущем профессора Казанского и Северо-Кавказского университетов И. И. Ягодинского

²² Бобров Е. А. Тип шестидесятника/ Бобров Е. А. // Известия Северо-Кавказского государственного университета.- 1930. - Т.1 (XIV) – С.201-205.

²³ По переезде Варшавского университета в Ростов-на-Дону (1915 г.) Е. Бобров занимал сначала кафедры философии и педагогики, потом перешёл на кафедру русской литературы, на которой и работал все последние годы своей жизни.

²⁴ Беляев М.. Работы пр. Е. А. Боброва по истории русской литературы и просвещения/ Беляев М. // Известия Северо-Кавказского государственного университета. - 1928. - Т.III (XVI) – С. 9.

(1900): «Философия, а затем и политическая экономия играют такую важную роль в умственном обиходе людей, занимавшихся литературной деятельностью XIX в., что изучение литературы этой эпохи становится невозможным без хорошего знакомства с философией и политической экономией... Учёному, занимающемуся лишь одною изящною литературой и не ознакомленному специально с философскими течениями эпохи, приходится либо оставлять целые группы явлений в стороне и не видеть подземных ключей, питающих реку литературы, либо ограничиться избитыми местами и банальными суждениями»²⁵.

Вот этой внутренней «установкой» зрелого исследователя – «видеть подземные ключи, питающие реку литературы» - вот этим плодом напряжённой, по всему, рефлексии над основаниями собственного исследовательско-методологического мышления Е. А. Бобров, несмотря на всю неугасимую и страстную любовь к «изящной литературе», руководствовался в своих историко-литературных и литературоведческих трудах.

Но для человека, которому небезразличны все, даже мельчайшие «кровеносные сосуды» русской культуры (а без них нет и целого организма), литературы и философии, прежде всего, и те (отмеченные «философской печатью»), и другие, «чисто» историко-литературные, работы Боброва Е. А. будут небезынтересны, однако, в равной степени.

Прежде, чем «идти дальше», хотелось бы обратить внимание на следующее. Работа над данной темой – анализ («презентация») бобровской методологии исследования философии и просвещения в России, а также «его» истории философии в России - весьма полезна и тем, что материал темы («Бобров как историк философии в России») не носит только антикварного, сугубо-исторического характера, а может дать пищу, толчок, импульс к собственным размышлениям над вполне теоретическими (методологическими, в том числе) историко-философскими проблемами. Так, уже упомянутый

²⁵ Бобров Е.А. Отзыв о рукописном сочинении «Философский элемент в сочинениях В.Г. Белинского/Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. – С.5.

профессор М. Беляев, приведя процитированные выше из отзыва Е. Боброва на сочинение И. И. Ягодинского слова, продолжает: «Сказанные почти тридцать лет тому назад, эти слова *в настоящее время имеют ещё большее значение*»²⁶(курсив мой – Ф. С.).

Полагаю, что, здесь, прежде всего, имеется в виду мысль, которую я у Е. Боброва уже отметил – мысль о питающих реку литературы «подземных ключах», которые могут быть выявлены только в *контексте* социально-философского и политико-экономического анализа. Такой подход был продуктивным не только в «настоящее время», как думал профессор М. Беляев, ибо его можно вполне принять *вообще* в качестве методологического в рамках историко-философского (историко-литературного) исследования. Но профессор прав в другом: особенно ясным («имеют ещё большее значение») это стало со временем («в настоящее время», как пишет он, тем более: в наше настоящее) в силу накопленных за полтора-два столетия разных практик историко-философских исследований, осознания и осмысления их достоинств и недостатков, в силу взросления, «мудрости» некоего обобщённого «историко-философского ума». «Видеть подземные ключи», то есть помещать предмет исследования в более широкий социально-философский и культурно-экономический контекст – это только один из аспектов методологического подхода к истории философии и истории литературы. Только один. Но замечательно свидетельствующий об историко-философском чутье профессора Е. А. Боброва. Профессор, кстати, и сам в одной из своих работ достаточно подробно очертил свой исследовательский метод (правда, применительно к историко-литературному анализу, но он всецело применим и к сочинениям историко-философского характера). Эта работа, к сожалению, мне оказалась недоступной, поэтому заметки «К вопросу о методе» (так называется работа) я приведу в изложении профессора М.Беляева, который, как уже было сказано, имел удовольствие быть участником и устных бесед с Е.Бобровым. «Евгений Александрович, прежде всего, требует подробного изучения развития

²⁶ М. Беляев. Указ.соч. – С.10.

писателя или поэта во всех деталях и случайностях этого развития, затем реального и также подробного изучения эпохи быта, и, наконец, установления, как он говорит, «равнодействующей этих двух моментов, их, так сказать, координации»²⁷.

Однако предмет нашей работы другой и не стоит более, видимо, останавливаться на этом.

Основные (не все) работы Е. А. Боброва по русской философии, истории русской литературы и просвещения в России представлены в нескольких сборниках: «Философия в России» (6 выпусков), «Философия и литература», «Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки» (4 тома). Есть ещё 4 тома «Философских этюдов» (Варшава, 1911)²⁸ и 5 выпусков «Мелочей из истории русской литературы» (Варшава, 1903), сборник «Дела и люди» (Юрьев, 1910). Но последних книг нет в нашей университетской библиотеке, и они мне оказались недоступны. Кроме того, есть ещё не объединённые работы, опубликованные либо в журналах, либо в сборниках (например, в Сборнике Учёно-литературного общества при Юрьевском университете²⁹), либо отдельными изданиями. Некоторые из последних произведений имеют важное значение в контексте нашей темы, – мы к ним будем обращаться.

Хронологически содержание как историко-философских, так и историко-литературных работ Е. А. Боброва охватывает преимущественно XIX век (особенно первую его половину), но местами захватывает и век XVIII.

Как уже было сказано, это не систематические «истории» и «курсы», скажем, последовательно, хронологически или тематически (проблемно),

²⁷ Там же. – С.12.

²⁸ О них не упоминают ни А. О Маковельский («Работы проф. Е. А. Боброва по философии»), ни М. Беляев («Работы пр. Е. А. Боброва по истории русской литературы и просвещения») в посвящённом сорокалетию научной и общественно-педагогической деятельности Е. А. Боброва выпуске «Известий Северо-Кавказского государственного университета» (1928. - Т. III (XVI) – см. Приложения 2 и 3. Но сведения о «Философских этюдах» есть в Харитес.

²⁹ «Заметки по истории русской литературы и просвещения XIX в.» (в Сборнике за 1908 г.), «Этюды по истории русской литературы и просвещения» (в Сборнике за 1909 г.). Названия некоторых работ из этих сборников, а также из «Дела и люди» мне известны из «Краткого указателя к работам проф. Е. А. Боброва», составленного М. Беляевым. – См.: Известия Северо – Кавказского государственного университета. - 1928. - Т. III (XVI).

охватывающие эти периоды, а сборники статей и очерков, заметок разного объёма, затрагивающие иногда даже частные случаи из биографии или *философской* биографии того или иного философа или писателя. Есть, конечно, и более или менее полные и специальные изложения философских воззрений (хотя бы в отдельном отношении) некоторых из них, например, Г. Тейхмюллера или А. Козлова, Д. Веневитинова.

С этой стороны их правильно характеризует В. В. Зеньковский: серии работ Е. А. Боброва «представляют ряд отдельных этюдов». С содержательной стороны он о них говорит так: «хотя кое в чём устарели, являются всё же важными»³⁰. «Кое в чём устарели» - так можно сказать и о многих других работах, названных здесь же В. Зеньковским, как, впрочем, и о самом сочинении профессора Богословского Православного института в Париже (так указано на обложке первого парижского издания произведения автора).

Но нас интересует не столько история русской философии или литературы, не сами предметы, о которых речь идёт в работах Е. А. Боброва, а его воззрения на эти предметы, характер и особенности его историко-философских и историко-литературных взглядов, следовательно, его персона как исследователя. А в этом случае «истинное» и «устаревшее» одинаково важны. Как важны (если этот пример будет корректен) для понимания воззрений и верования первых христиан в одинаковой степени и канонические новозаветные произведения, и апокрифические евангелия, послания и т. д. Хотя, конечно, эту мысль - «кое в чём устарели» - мы не должны игнорировать.

Основной труд Е. А. Боброва, в котором представлена «его» история философии в России – 6 выпусков «Философии в России», которые и В. В. Зеньковский называет первыми в ряду его сочинений по истории русской философии. Характерно название – не «История философии в России», а «Философия в России». Тем самым как бы подчёркивается то, что я уже выше отмечал в отношении характера его историко-философских исследований, – не

³⁰ В. В. Зеньковский. История русской философии. Т. 1. – С.29.

систематический и хронологически последовательный курс, а собрание разных (по тематике и по охватываемому историческому времени) этюдов, материалов, заметок.

Представление о структуре работы (пока только о структуре), а также иллюстрацию сказанного в предыдущем абзаце даёт посборниковое перечисление входящих в неё произведений.

В первом из них: Жизнь и труды А. А. Козлова.

Воспоминания о Г. Тейхмюллере.

Во 2-ом: Философские произведения Д. В. Веневитинова; Философские книги в провинции; Из биографии Иоганна Шада; Заметки о Д. М. Велланском; О сочинениях А. А. Козлова; Натурфилософия М. Г. Павлова.

В третьем выпуске: Труды Д. М. Велланского по животному магнетизму.

А. Н. Радищев, как философ.

В 4-ом: Шеллинг и Чаадаев; Ученики М. Г. Павлова; Иоганн Шад, его товарищи и преемники по кафедре; М. Н. Катков на кафедре.

В 5-ом: П. М. Терновский; «Физическая» теория Д. М. Велланского; К истории философских кружков. В Приложении: Г. А. Левитский; И. В. Киреевский; Д. М. Велланский.

Шестой выпуск: Представители философии при духовных академиях в XVIII веке (рассматриваются представители Киево-могилянской академии, в том числе, Феофан Прокопович и Георгий Конисский, а так же - Московской духовной академии – Ф.С.).

«Основной труд», но не единственный – надо иметь в виду (повторим ещё раз) и все вышеназванные сборники. Так, и сам А. Е. Бобров (в «Отчёте о занятиях во время командировки с учёной целью летом 1909 года») говорит, например, что история философии в России XVIII века ещё очень мало изучена, но «кое-что» об этой философии имеется в его «Философии в России», а *также* в «Этюдах по истории русской литературы и просвещения».

И отдельные произведения (о чём тоже говорилось выше), даже непосредственно не посвящённые истории русской философии и культуры,

также дают материал для нашей темы, скажем, одно из ранних его сочинений (1894 года) «О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование», в котором речь идёт также и о воззрениях Г. Тейхмюллера и А. Козлова. Очень скудные, правда, но всё же кое-какие мысли о философии в России имеются и в Предисловиях к произведениям её представителей, написанных Е. А. Бобровым, например, к двум работам Г. Тейхмюллера: «Бессмертие души. Философское исследование» (Юрьев, 1895) и «Дарвинизм и философия» (Юрьев, 1894).

Вернёмся к «Философии в России» и будем пока ориентироваться только на названия работ, здесь имеющих.

Сами сборники, если материал, в них размещённый, рассматривать в хронологическом порядке, «непоследовательны». Так, в 1-ом из них материал относится к веку XIX (середина и вторая его половина), во втором мы возвращаемся преимущественно к первой половине того же века, а в третьем – оказываемся одновременно и в XIX, и в XVIII. Далее снова XIX век, наконец, в последнем (шестом) выпуске - вновь XVIII.

Ещё «мозаичнее» материал выпусков со стороны содержательной. Здесь и «университетская философия»: Шад (Харьковский университет), Терновский (Московский), Владимирский (Казанский); и философия в России (Тейхмюллер), русская философия (Радищев, Чаадаев, Козлов, И. Киреевский); русские шеллингианцы; представители духовных академий...

Это, действительно, не более, чем очерки (более или менее большие). И ввиду их тематического и хронологического «беспорядка», возникает вопрос, как они выбирались, чем обусловлено было обращение Е.А.Боброва к тем или иным персонажам своих очерков, чем он при этом руководствовался? Закрадывается подозрение, что ничем. Точнее, ничем, кроме собственной познавательной страсти, даже собственного «всеедства» применительно к русской культуре в самых разных её проявлениях; ничем, кроме любознательности и некой исследовательской мании. Хотя при этом (и здесь М.Беляев, автор статьи о нём в «Известиях Северо-Кавказского университета»,

прав) очерки и заметки эти небесстрастны: в них есть чувство, интерес, выражены симпатии, упрёки, иногда даже любование.

Отметим одно обстоятельство. Бросается в глаза, что здесь нет стержневых для «философии в России» тем и имён, например, западников и славянофилов (всего лишь 7 страниц об И. Киреевском, чуть-чуть о Самарине, Кошелёве, И. Аксакове, кружке Станкевича), нет «почвенников», нет представителей «религиозной философии».

Складывается впечатление, что Е. А. Бобров если даже и брал крупные имена (Радищев), то ввиду спорности, явной неоднозначности оценки их творчества в тогдашней русской литературе и, очевидно, в связи с этим выбирал, зная, что может сказать здесь что-то новое. Но преимущественно сосредоточился не на непосредственном анализе философского творчества (в целом) тех или иных известных представителей философии в России (за исключением Тейхмюллера и Козлова), а на исследовании либо отдельных аспектов этого творчества, либо на «малоизвестных страницах» (иногда периферийных) философии в России.

И вот здесь, пожалуй, мы находим ещё одно, быть может, ведущее (как у исследователя) объяснение такому поразительному обилию затронутых материалов, разнообразию интересов (даже в рамках гуманитарной области)³¹. Полагаю, правильное объяснение даёт М.Беляев, поэтому обратимся к нему, к его объяснению. Заметки и исследования Е.Боброва, его «монографии» - произведения, «всегда разъясняющие, - пишет М.Беляев, - *какую-либо новую сторону жизни или деятельности писателей или устанавливающие значение отдельных идеологических или литературных направлений...*Здесь мы имеем массу небольших заметок биографического, историко-литературного и бытового характера, с критическим освещением *каких-либо подробностей,*

³¹ «Евгений Александрович, - пишет М.Беляев, - дал русской науке громадное количество, более трёхсот, работ в русских журналах по философии, истории русской литературы, истории науки, логике, психологии, педагогике, истории просвещения». - Беляев М. Работы пр. Е. А. Боброва по истории русской литературы и просвещения/ Беляев М. // Известия Северо-Кавказского государственного университета. - 1928. - Т. III (XVI) – С. 8.

недостаточно, неточно или неправильно установленных в предшествующих работах других исследователей»³² (курсив мой – Ф.С.).

Ещё более чем в философии последнее обстоятельство становится заметным при ознакомлении с исследованиями Е. А. Боброва в области истории русской литературы. Здесь и Гоголь, и Пушкин, и Грибоедов, и Достоевский, и Языков, и Полежаев, и Добролюбов, и Толстой, и Хемницер..., но это – «заметки», «мелочи», относящиеся либо к отдельным моментам биографии либо творчества, либо «истории сюжета и героев» их разных произведений и т.д. (исключение составляют, пожалуй, лишь «этические воззрения графа Толстого» - книга, вышедшая в Юрьеве в 1897 году, насчитывает 100 страниц,³³ и творчество Полежаева).

Безусловно, о философском и литературном (либо философско-литературном) творчестве ряда русских авторов (Велланском, Веневитинове, Полежаеве, «первом русском романтике» казанском купце Каменеве) мы из работ нашего профессора можем получить и в целом достаточное представление, и детальное в иных отношениях. Много интересного и добротного-пригодного для дальнейших, уже наших, размышлений материала мы можем черпать из бобровских исследований творчества Радищева, Тейхмюллера и др.

Однако можем ли мы из этих этюдов, заметок, мелочей и заметок получить, хоть и не в систематическое, но всё же более или менее внятное, представление об истории русской философии в целом, имея ввиду, например, такие кардинальные её темы, как: об истоках и характере русской философской традиции; об основных направлениях и «школах»; об университетской философии; о перспективах русской философии и прочее?

Можем. Правда, суждения и сведения эти будут очень неравномерно «прикреплены» к названным темам: как говорится, где густо, а где пусто.

³² Беляев М. Работы пр. Е. А. Боброва по истории русской литературы и просвещения/Беляев М. // Известия Северо-Кавказского университета. - 1928. - Т. III (XVI). – С.10, 11.

³³ См.: Бобров Е. А. Этические воззрения графа Л.Н. Толстого и философская их критика./ Бобров Е. А. – Юрьев, 1897.

Кроме того, эти материалы не носят системного, подробного характера, а часто представляют отдельные оценки. Наконец, даже об этих оценках Е. А. Боброва, порой, приходится делать опосредствованные выводы, делать не очевидные (со ссылками на цитаты) заключения, а предполагать их на основе косвенных суждений.

Однако прежде, чем приступить к этой работе, необходимо, по-моему, получить ясное представление о собственных философских воззрениях Е. А. Боброва. Это потому, что тогда станут понятными, во всяком случае, в некоторых нюансах, и его суждения и оценки людей, событий и процессов в философии в России. Ибо совершенно прав М.Беляев, констатируя, что Е.А.Бобров, выработав, как философ, «определённое мировоззрение», перенёс «принцип его потом в другие области своего исследования», как это естественно вообще для всякого серьёзного и самостоятельного исследователя, добавим мы.

А для того, чтобы получить представление о собственных философских воззрениях Е.А.Боброва, необходимо, в свою очередь, знать о его взглядах на (воспользуемся его собственным определением) «главнейшие философские направления». Среди работ Е. А. Боброва достаточно таких, которые позволяют вынести мнение на сей счёт. Причём здесь он весьма откровенен и ясно говорит о своих философских симпатиях и антипатиях, о своих воззрениях, учителях и единомышленниках.

О ГЛАВНЕЙШИХ ФИЛОСОФСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ И О СЕБЕ

Под главнейшими философскими направлениями здесь имеются в виду не направления в русской философии только, но «главные типы или великие направления», возможные в философии вообще, с одним из которых Е. А. Бобров идентифицирует и собственные философские воззрения. Выяснение этих направлений не является просто умозрительной задачей, продиктованной теоретическим любопытством или учёной педантичностью, а имеет вполне

практическое значение, осознаёт Е. А. Бобров. «В философии, - пишет он, - ответ на любую проблему вполне обуславливается направлением, к которому «принадлежит философ».³⁴ И далее в той же работе («О главнейших философских направлениях») ещё определеннее указывает на это практическое значение: «при изложении истории философии нельзя держаться летописного или чисто хронологического порядка, а приходится как-либо систематизировать материал».³⁵ А сделать это, как явствует из мыслей профессора, можно, лишь имея ясное представление о «главнейших философских направлениях».

Свои размышления об этих направлениях Е. А. Бобров излагает в ряде работ; наиболее развёрнуто – в лекции, прочитанной 31 января 1897 года при вступлении на кафедру философии Казанского университета, названной «О главнейших философских направлениях»³⁶. Основные идеи лекции (относительно направлений в философии) были уже изложены в некоторых более ранних работах Е. А. Боброва. Потом он будет повторять их и в ряде более поздних сочинений. Здесь же (как, впрочем, и в других произведениях, более раннего и более позднего периодов) говорится и о собственной позиции относительно этих направлений, о своих учителях и единомышленниках.

Кроме названной лекции среди этих работ следует назвать такие, как «О понятии искусства», «Из истории критического индивидуализма», «О координальном бытии», «О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А.А. Козлова», «О самосознании», «Историческое введение в логику», «Этические воззрения графа Л.Н. Толстого и философская их критика» и др. По мере надобности мы будем обращаться к большинству из них.

О главнейших философских направлениях. Возражая тем, кто говорит о полной неопределённости в философии, отсутствии в ней стержневых путей, её

³⁴ Бобров Е. А. Философия и литература. Сборник статей (1888-1898). Т.1/Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. – С.26.

³⁵ Там же.

³⁶ Опубликованной в сборнике «Философия и литература» (1898 г.). Ещё раньше (в том же году, что и прочитана, 1897) она была напечатана в газете «Рижский вестник» и, таким образом, Е. А. Бобров эти свои идеи сделал достоянием аудитории значительно более широкой, чем студенческая.

«иррациональности» в смысле наличия в ней великого множества течений и направлений (по числу философов), одним словом, о философии, как о настоящем лабиринте, Е. А. Бобров убеждённо замечает, что имеются (как ныне, так и в прежние времена) только «три главных типа или великих направления в философии: материализм, универсализм (или идеализм) и критический индивидуализм».³⁷

Об этом же он пишет и в более поздней работе «А. Н. Радищев, как философ» (в 3 выпуске «Философии в России»), что свидетельствует о продуманности и крепости этой его мысли. Здесь он несколько конкретизирует свою мысль: «возможные философские мировоззрения» суть 1. материализм – механицизм (атомизм); 2. универсализм (идеализм); 3. критический индивидуализм (панпсихизм)³⁸. В 50-ти страничном сочинении «Из истории критического индивидуализма» Е. А. Бобров обосновывает её подробно на историко-философском материале, рассматривая учения философов от досократиков до Гербарта, Лотце и Тейхмюллера.³⁹ Не формулируя непосредственно мысль так, что де существуют три вот таких-то главнейших направления, он рассматривает подробно (в том числе в историко-философском плане) их содержание (называя при этом, конечно, их «имена») также в работах «О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова»⁴⁰ и «Психологические воззрения древних греческих философов»⁴¹ Наконец, несомненное значение как для уяснения бобровского понимания существа этих трёх направлений, так и собственных философских воззрений Е. А. Боброва имеют его работа «О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование»⁴², содержание которой выходит за пределы «понятия

³⁷ Бобров Е. А. О главнейших философских направлениях/ Бобров Е. А // Философия и литература. Т.1. - С. 40.

³⁸ См.: Бобров Е.А. Философия в России. Выпуск 3/ Бобров Е.А. – Казань, 1900. – С.224.

³⁹ См.: Бобров Е. А. Из истории критического индивидуализма/ Бобров Е. А. - Казань: Типо - литография Императорского университета, 1898. – 51 с.

⁴⁰ См.: Бобров Е. А. О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова/ Бобров Е. А – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. – 76 с.

⁴¹ См.: Бобров Е. А. Психологические воззрения древних греческих философов/Бобров Е. А – С.-Пб: типография П. П. Сойкина, 1906. – 54 с.

⁴² Бобров Е. А. О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование/ Бобров Е. А – Юрьев: Печатня К. А. Германа, 1894. – 248 с.

искусства», а также «Этические воззрения графа Л.Н.Толстого и философская их критика» (особенно 4 глава этого сочинения).

Что это за бобровские «главнейшие философские направления» при ближайшем рассмотрении? Критерием их различия профессор делает признание/непризнание индивидуальной субстанции (субстанциональности индивидуальной души), что уже сразу, впрочем, выдаёт и его собственную философско-мировоззренческую позицию.

Здесь я изложу соответствующие взгляды Е. А. Боброва, что вовсе не означает, что во всём согласен с ним. Напротив, по некоторым принципиальным вопросам не согласен вовсе. Однако, не считая возможным избегать характеристик, я вместе с тем нисколько не ставлю перед собой задачи дать непосредственную критику тех воззрений Е. А. Боброва, которые мне кажутся заслуживающими того.

Итак, «имеются три главных типа или великих направления в философии: **материализм, универсализм (или идеализм) и критический индивидуализм**».

Сказать, что Е. А. Бобров относился к **материализму** однозначно отрицательно, я не могу. Хотя известное пренебрежение к «ходячему материализму» он не скрывал никогда. Так, в предисловии к книге Г. Тейхмюллера «Бессмертие души. Философское исследование» писал: «Чтение этой книги, несомненно, принесёт громадную пользу всякому, кто, не удовлетворяясь ходячим материализмом в его открытых и затушёванных видах, ищет своему мировоззрению иных опор и притекает к философии за сердечным успокоением»⁴³. Под «ходячим материализмом» он имел в виду материализм локковского типа с его признанием первичных качеств, механистический французский материализм XVIII века.

Материализм Е. А. Бобров иногда называет атомизмом – это для него настоящая форма материализма. И вот с этим связано признание им

⁴³ Г. Тейхмюллер. Бессмертие души. Философское исследование. Перевод под ред. Е. Боброва/Тейхмюллер Г. – Юрьев, 1895. – С.IV.

позитивного в материализме. Вот как он сам это формулирует: «Истина материализма состоит в признании индивидуальных субстанций»⁴⁴. Под последними он подразумевает атомы, которые суть индивидуумы. И, таким образом, материализм есть для него одна из форм индивидуализма. Что это такое, Е. А. Бобров разъясняет в работе «Из истории критического индивидуализма»: «Философские направления, отождествляющие понятие субстанции⁴⁵ с понятием индивида, особи или личности, можно назвать метафизическим индивидуализмом»⁴⁶.

Вот здесь, при таком, говоря языком логики, основании деления, происходят самые интересные вещи: на одной стороне оказываются материализм, религия, субъективный идеализм, на другой – идеализм объективный.⁴⁷ В самом деле, по Е. Боброву, «понятие метафизической индивидуальной субстанции» обще и материализму, и философии Лейбница, и христианству, которые, таким образом, оказываются разными формами *одного и того же* «метафизического индивидуализма».⁴⁸ Как явствует из суждений профессора, в этом, то есть в том, что материализм есть «метафизический индивидуализм» следует видеть его достоинство.

Но хотя материализм и «признаёт субстанции индивидуальными, не считает душу субстанцией»⁴⁹.

Ущербность, «неистинность» материализма Е. Бобров видит в том, что атомы материальны, в том, что он, материализм, признаёт «внешний мир». Поэтому материализм (атомизм) для него хотя и есть форма индивидуализма,

⁴⁴ Бобров Е.А. Философия и литература. – С.33.

⁴⁵ Под субстанцией Е.А. Бобров понимает «существо, из понятия которого можно вывести все предикаты, которые в течение времени могут быть о нём высказаны». - Бобров Е.А. Из истории критического индивидуализма. – С.23.

⁴⁶ Бобров Е. А. Из истории критического индивидуализма / Бобров Е. А – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. – С.4.

⁴⁷ Он нигде не употребляет этих понятий, идеализм субъективный и объективный, даже принципиально разводит их, как увидим, но именно их он имеет в виду.

⁴⁸ Одно это обстоятельство ясно показывает, мягко говоря, спорность выделения «главнейших философских направлений» по критерию универсализм/индивидуализм, принятому Е. А. Бобровым, вместо сложившейся в европейской философии со времён великих немецких философов оппозиции материя/дух (неважно – субъективный или объективный). Эта, на мой взгляд, изрядно искусственная бобровская конструкция, как будет видно далее, постоянно обнаруживает свою (как минимум) противоречивость и, при применении её к анализу истории философии, вызывает много вопросов.

⁴⁹ Бобров Е. А. Философия в России. Вып.3/ Бобров Е. А. – Казань, 1900. – С.224.

но форма, как он выражается, не критического индивидуализма. В связи с этим он подвергает достаточно резкой критике всякую точку зрения, исходящую из признания «внешнего мира». Следует признать, пишет он, «лишь условное, символическое значение за временем, пространством и материей»⁵⁰. В другом месте: «Тела и весь материальный мир – не что иное, как чисто субъективные реальности, феномены, которые происходят единственно лишь из нашей собственной природы»⁵¹.

В общем, материализм оказывается хотя и «великим», но ложным направлением в философии, даёт «несостоятельное объяснение ходу вселенной»⁵².

Названного «недостатка» материализма (не считает субстанцию духовной) лишено другое из «возможных философских мировоззрений» - «**универсализм (или идеализм)**» - речь идёт, в действительности, об объективном идеализме, втором из «главнейших философских направлений», которое, да, «признаёт духовное начало». Но зато ему, по мнению профессора философии, присущ другой порок, едва ли ни более худший, чем недостаток, имеющийся у материализма: «видя субстанции только в общностях (универсалиях), отрицает субстанциональность индивидуальной души»⁵³. И это, безусловно, делает «универсализм» также неприемлемым для Е. А. Боброва.

Вообще, это направление в философии для Боброва есть «одно из грандиознейших заблуждений человеческого ума»⁵⁴. Почему? Ибо происходит гипостизация понятий в силы и существа. По Е. А. Боброву, это, безусловно, шаг назад по сравнению с Сократом, в лице которого «философия впервые попадает на свой настоящий путь, принимается за своё подлинное дело – анализ понятий и идейного бытия»⁵⁵ вообще», переходит из области «бытия в

⁵⁰ Бобров Е.А. Философия и литература. - С.43.

⁵¹ Бобров Е. А. Из истории критического индивидуализма. – С.21.

⁵² Там же. – С.46.

⁵³ Бобров Е. А. Философия в России. Вып.3. – С.224.

⁵⁴ Бобров Е. А. Из истории критического индивидуализма. – С. 8.

⁵⁵ Под «идейным бытием» Е. А. Бобров, опираясь на Г.Тейхмюллера, понимает «совокупность всего данного сознания в противоположность к реальному бытию», т.е. наличности. – Бобров Е.А. О понятии бытия. Учение

царство духа»⁵⁶. А последний («дух») Е. А. Бобров связывает исключительно с индивидуальностью и критикует даже тех философов, которые исходили из общего. Характерно в этом смысле его отношение к Аристотелю, который, «в сущности, недалеко ушёл от Платона: и он не даёт разгадки индивидуальности», ибо и у него «идея (форма) выходит важнее индивида», и у него «важна в субъекте не его индивидуальность, а общая сущность». А наука, по Аристотелю, «образует понятия, имеющие своим предметом сущность, которая и есть бытие (как форма) без материи»⁵⁷.

В работе «О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование» Е. Бобров упрекает даже своего кумира А. А. Козлова, «бесспорно, замечательнейшего из современных русских философов»⁵⁸, за его «ошибку» - превознесение идеализма, ибо последний «не может дать переход от общей идеи к единичным вещам; идеализм не может представить обещанного вывода материального принципа из духовного».⁵⁹ Это замечание, пожалуй, хорошо объясняет отрицательное отношение профессора к универсализму (идеализму).⁶⁰ Почему же не может? Об этом, собственно, уже было сказано выше – «духовный принцип» в универсализме есть лишь гипостизация понятий в силы и существа. Но «идеи...суть продукты нашей собственной мыслительной деятельности»⁶¹, бытие надо искать «в нём самом [субъекте], ...в глубине индивидуального сознания нашего Я».⁶² Е. А. Бобров нападает на «универсализм (или идеализм)» даже сильнее, чем на материализм⁶³: «цель философии ...показать, что элементы сознания, полагаемые нами сущими «вне нас», - «там», т.е. за пределами нашей души не

Г. Тейхмюллера и А.А. Козлова/ Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. – С.19.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. – С. 10.

⁵⁸ Бобров Е. А. О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование. – С.3.

⁵⁹ Там же. – С.7-8.

⁶⁰ То есть идеализму объективному.

⁶¹ Бобров Е.А. Философия и литература. – С.31.

⁶² Там же. – С.32.

⁶³ Даже выражения подбирает соответствующие этому стремлению: так, о своей работе «О понятии искусства» пишет, что она представляет попытку «сокрушить владычество идеализма в одной из его твердынь... эстетике» - Бобров Е. А. Философия и литература. – С.43-44.

существуют, а что они кроются в нас самих».⁶⁴ Вот даже так – опровержение объективного идеализма объявляется целью всей философии. Неудивительно поэтому, что, по мнению Е.А. Боброва, например, «система Платона представляет собой спорную область»⁶⁵. Хотя профессор при этом считает нужным указать на «капитальную заслугу идеализма», которая состоит в том, что он показал «призрачность телесности»⁶⁶.

И, наконец, третье «главнейшее философское направление», единственно истинное, свободное от недостатков первых двух, – **критический индивидуализм**, как его называет Е. А. Бобров, или панпсихизм (по А.Козлову), или персонализм (по Г. Тейхмюллеру), приверженцем которого он себя и объявляет. «Я исповедаю»⁶⁷ - так формулирует он собственную позицию в отношении этого направления. Из истории же философии оно нам известно как субъективный идеализм. Самого же Е. А. Боброва, как философа, мы соответственно можем назвать субъективным идеалистом. Его, приводимые далее, разъяснения относительно того, в чём заключается критический индивидуализм, не оставляют на сей счёт никаких сомнений⁶⁸.

Что такое критический индивидуализм? По всей видимости, это название Е.А. Бобров образовал как синтез двух начал – того, что он именует метафизическим индивидуализмом, и критической философии. Напомним, что под метафизическим индивидуализмом он имеет в виду философские направления, «отождествляющие понятие субстанции с понятием индивида, особи или личности». Однако эта субстанция - духовная. И такой синтез духовной субстанции и «индивида, особи или личности», т.е.

⁶⁴ Там же. – С. 29.

⁶⁵ Бобров Е. А. Психологические воззрения древних греческих философов/ Бобров Е. А. – С.-Пб: типография П.П. Сойкина, 1906. – С.22.

⁶⁶ Бобров Е.А. Из истории критического индивидуализма. – С.9.

⁶⁷ Бобров Е. А. О понятии искусства. – С.15. В другом месте этой же работы пишет также: «Я охотно назвался бы «эгоистом», т.е. приверженцем философии «я», что довольно точно близко выражало бы сущность дела». - Там же. – С.9.

⁶⁸ В одной современной статье о нём так и говорится – «представитель российской субъективно-идеалистической философии». – Ивлева М.И. Эстетическое бытие человека как онтологического субъекта в философии Е. А. Боброва/Ивлева М.И.//Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии. Материалы Международной научно-образовательной конференции. 20-21 апреля 2012г., Казань. – Казань: Казанский университет,2012. – С.54.

субстанциональность индивидуальной души он находит в критической философии. Впрочем, именно так он и сам разъясняет «этимологию» этого понятия в 4, важной для «идентификации» его философских воззрений, главе своей книги «Этические воззрения графа Л.Н.Толстого и философская их критика», которая называется «Краткое разъяснение главных признаков философского направления «критический индивидуализм»⁶⁹.

Несколько высказываний Е. А. Боброва из его произведений дадут вполне ясное представление о том, что он понимает под критическим индивидуализмом. Хотя, если говорить по существу дела, то этим понятием он только вносит путаницу в привычные и точно-строгие философские определения. Я имею в виду такое определение как «субъективный идеализм» - понятие, которое совершенно точно выражает суть философского направления Е.А. Боброва без того камуфляжа, который накладывает на это направление «критический индивидуализм». И не только накладывает камуфляж, но и создаёт логически недопустимую, теоретически (гносеологически, прежде всего) несостоятельную и странную ситуацию, когда по одну сторону оказываются (в качестве «метафизического индивидуализма») материализм, христианство, монадология Лейбница, философия Беркли, а по другую – философия Платона, Гегеля. В связи с этим термин, обозначающий обычно философские взгляды А. А. Козлова, которые разделяет, по его собственному признанию, Е.А. Бобров, – «панпсихизм» - яснее и определённое представляет характер этого философского направления. Впрочем, также как и более развёрнутое определение (описание) «критического индивидуализма», которое мы находим у Е.А. Боброва, - признание «субстанциональности индивидуальной души».

Но обратимся к этим собственным определениям «критического индивидуализма», которые приводит Е. А. Бобров.

Сделать это лучше, следуя логике Е.А.Боброва в работе «Из истории критического индивидуализма», прослеживая становление «критического

⁶⁹ См.: Бобров Е.А. Этические воззрения графа Л.Н.Толстого и философская их критика. – С. 37-52.

индивидуализма» («панпсихизма») исторически, по моменту, начиная с появления христианства (христианской философии), в котором философский (метафизический) индивидуализм в приведённом выше бобровском понимании впервые проявился ясно.

«Христианство, - пишет профессор в этой работе, - подарило миру новую метафизику, дало новое надёжное основание – «мы», разумеет принцип личности»⁷⁰. И далее: «Основными факторами миропонимания вместо физических элементов становятся психические»⁷¹. И, справедливо указывая на значение Августина в становлении такой метафизики, резюмирует его исследования в этом отношении: «Душа есть единообразное живое целое личности, которая уверена в своём бытии из непосредственного самосознания как из надёжнейшего источника»⁷². Такое понимание, по мнению Е. А. Боброва, далее философски закрепляется схоластиками в «коренном вопросе философии», а именно в понятии «субстанции как особи»⁷³.

Решающее же значение – и это справедливо – имеют в оформлении такого («бобровского») философского направления континентальные и британские философы Нового времени, как следует далее из текста. И это связано с её преимущественной проблематикой – «проблемой познания, критикой знания». «Новая философия, - пишет наш профессор, - критична.., неразрывно связана с критицизмом..Декарт – критик познания»⁷⁴.

Но в самой общей форме эту мысль (о значении философии Нового времени в рассматриваемом вопросе) Е.А. Бобров формулирует в работе «Психические воззрения древних греческих философов» в следующих словах: «Пантеизм, философия общего, заменяется со времени Декарта критическим индивидуализмом, философией личности...Сознание и индивидуальная

⁷⁰ Бобров. Е.А. Из истории критического индивидуализма. – С.11.

⁷¹ Там же. – С.13.

⁷² Там же.

⁷³ См.: там же. – С.14.

⁷⁴ Там же. – С.17.

субстанция – вот основы новой психологии и метафизики. Критическая философия преодолела древний эллинский догматизм»⁷⁵.

Особое, пожалуй, даже решающее, значение в этом деле Е.А. Бобров придаёт философской деятельности Лейбница, которую оценивает чрезвычайно высоко – настолько, что иногда называет и «своё» философское направление (к которому причисляет и Тейхмюллера, и Козлова) «неолейбницианством».⁷⁶ Лейбниц, утверждает Е.А. Бобров, демонстрирует «начало нового объединяющего и завершающего периода в истории понятия индивидуальной субстанции».⁷⁷ И заслуга немецкого философа в том, продолжает профессор, что он на этом пути показал, что «все наши представления... исходят только из нашего собственного основания».⁷⁸ И, резюмируя «миропонимание» такого философского направления, такого философского принципа, пишет: «Тела и весь материальный мир – не что иное, как чисто субъективные реальности, феномены, которые происходят лишь из нашей собственной природы».⁷⁹

И, как завершающий штрих к «портрету» «критического индивидуализма» («панпсихизма») и, вместе с тем, формулируя собственное философское *credo*, добавляет (в лекции «О главнейших философских направлениях»): «Сознание своего бытия... сознание существования своего «я» и сознание своих функций... вот единственное, что существует», сознание «остаётся единственным критерием бытия».⁸⁰ Многочисленные же заявления, встречающиеся в его сочинениях, – вроде такого, например: «свойство вещей принадлежат не самим этим внешним для нас вещам, а суть наше собственное

⁷⁵ Бобров Е.А. Психологические воззрения древних греческих философов». – С.54. См. также добавления о Декарте в работе «Этические воззрения графа Л.Н.Толстого и философская их критика».

⁷⁶ Ученик Е.А. Боброва по Казанскому университету И.И. Ягодинский настолько пристрастился к философии Лейбница, надо полагать под влиянием учителя, ещё в студенческие годы, что не переставал заниматься ею и во все последующие (в том числе советские) годы своей жизни. Так, уже и в 1928 году он опубликовал в «Известиях Северо-Кавказского государственного университета» (т. III/XVI/общественно-литературный) большую статью «Неизданные наброски Лейбница» (для сравнения укажем, что, например, его работа «Первый печатный очерк философской системы Лейбница и вызванная им полемика» появляется ещё в 1907 г.).

⁷⁷ Из истории критического индивидуализма. – С.18.

⁷⁸ Там же. – С.19.

⁷⁹ Там же. – С.21.

⁸⁰ Бобров Е.А. Философия и литература. – С.35.

достояние»⁸¹ - есть лишь органичное следствие такой философской позиции и приверженности этому из «главнейших философских направлений».

Пожалуй, в «речи, произнесённой 5 ноября 1897 года на торжественном акте Императорского Казанского университета» - «О самосознании» - Е. А. Бобров отчетливее всего сформулировал суть своего «критического индивидуализма», а вместе с этим и следствия-воззрения, вытекающие из этой сути на проблему материи, пространства, времени и т. д. В дальнейшем эти воззрения не претерпели сколь-нибудь существенных изменений.⁸² Я «раскавычу» бобровское изложение: критический индивидуализм, будучи критическим, считает внешний мир и традиционно используемые для его описания космологические категории: материя, пространство, время, движение только идеями мыслящего субъекта, результатом деятельности его сознания, а будучи индивидуалистическим, признаёт подлинным бытием только индивидуальные субстанции, а именно множество «я», где «я» - это самосознание, единство индивидуального сознания, а вовсе не человек как единство духовного и материального компонентов.

Каждый без труда во всех приведённых утверждениях Е.А.Боброва узнает субъективный идеализм. Да и сам профессор, почти вторя Беркли, заявляет: «Мир для нас есть только совокупность впечатлений», «мои представления»⁸³.

Итак, таковы, по мнению Е.А. Боброва, три «главнейших направления» в истории мировой философии, таковы взгляды (мнения) о них нашего профессора философии и такова его собственная философская позиция (точка зрения, мировоззрение) – в последнем случае я имею в виду его приверженность к третьему из рассмотренных направлений.

⁸¹ Там же. – С.29.

⁸² В связи с этим забавным выглядит заверение коллеги Е.А.Боброва по Северо-Кавказскому университету профессора М.Беляева, что «философские работы Е.А. являются показательным примером того, как своими путями русская философская мысль от иных исходных точек шла к тому, что теперь утверждается в философии диалектического материализма»: теория «критического индивидуализма» «направлялась, в сущности, к материализму, являясь в существе дела обоснованием энергетического и социологического принципа». – Беляев М. Работы проф. Е.А.Боброва по истории русской литературы и просвещения// Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1928. – Т.III (XVI).общественно-литературный. – С.9.

⁸³ Бобров Е.А. Этические воззрения графа Л.Н.Толстого и философская их критика. – С. 67.

Изложенное выше об этих направлениях можно в известном смысле рассматривать как характеристику некоторых оснований методологического подхода Е.А. Боброва к анализу им истории философии и культуры в России. Ведь выше уже было сказано, что, по его мнению, – справедливому, должен сказать, - «в философии ответ на любую проблему вполне обуславливается направлением, к которому принадлежит философ». Вот поэтому нам и понадобилось выяснить, исходя из его собственных сочинений и деклараций, то «направление, к которому принадлежит философ» Евгений Александрович Бобров как предварительное условие исследования его воззрений на явления философии и культуры в истории России.

То, что этот подход («ответ...обуславливается направлением..») «работает» в философских и историко-философских исследованиях, видно не только по известным историко-философским сочинениям, скажем, объективного идеалиста Гегеля («Лекции по истории философии»), позитивиста Дж.Г. Льюиса («История философии в биографиях») или «логического атомиста» Б.Рассела с его убеждённостию в том, что « в философии, даже в самой лучшей философии после Демокрита, плохо то, что в ней делается чрезмерный упор на человека в ущерб стремлению к познанию Вселенной» («История западной философии»). Справедливость такого подхода (в том смысле, что он есть, проявляется, «детерминирует») вполне обнаруживается и в тех, уже цитированных работах Е.А. Боброва, в которых он касается истории античной и европейской философии. Обнаруживается он в оценках, которые профессор даёт философам, прежде всего, при характеристике их философской «ведомственной», «лагерной» принадлежности, их значения в становлении и развитии философской мысли и, конечно, при интерпретации («своём прочтении») их ключевых положений или вообще сути, итогов философской деятельности тех или иных мыслителей, школ либо даже периодов. Приведём несколько примеров.

Так, в произведении «Из истории критического индивидуализма» Е.А. Бобров рассматривает всех античных и последующих философов под углом

зрения «правильного (! - Ф.С.) роста философии в смысле дальнейшего развития индивидуализма»⁸⁴(этот фрагмент – из оценки им средневекового номинализма, который «заключал в себе задатки правильного роста»). То есть, как ясно, с точки зрения движения либо в направлении «высшей формы философского умозрения», в которой «истинный и строгий критицизм» находится «в соединении с индивидуалистической метафизикой»⁸⁵(«критический индивидуализм») – и тогда мы имеем, надо полагать, «правильный рост философии», либо в направлении «от него» или в сторону «от него», по крайней мере.⁸⁶

Поэтому неудивительно, что, например, «система Платона» - «спорная»⁸⁷, что Ф. Бэкон мало чего стоит, как философ,⁸⁸ в отличие от Беркли, которого Е.А. Бобров оценивает высоко; что «развитие философии развенчивает призрачность телесности»⁸⁹, что в «системе материализма психологии в нашем смысле не может быть, ибо нет самого объекта психологии – души»⁹⁰ («Психологические воззрения древних греческих философов»), что «критицизм окончательно развенчивает иллюзию проекций и первичные качества становятся собственностью самого разума»⁹¹ («О понятии искусства»), что, хотя слабое место досократиков состоит в «признании материальности многих самостоятельных субстанций», но, в конце концов, следуя логике философского движения, они пришли к понятию субстанции и далее – к «великому моменту в истории понятия субстанции» - к «бесчисленному множеству субстанций» (в атомизме)⁹². А из сказанного выше ясно, что

⁸⁴ Бобров Е.А. Из истории критического индивидуализма. – С.14.

⁸⁵ См.: Там же. – С.41.

⁸⁶ Впрочем, если такая манера историко-философского мышления дозволена Аристотелю и Гегелю, то, почему надо осуждать за это Е.Боброва? Тем более, что вряд ли может быть какой-либо другой в серьезных историко-философских исследованиях у самостоятельных мыслителей.

⁸⁷ Впрочем, в другой работе он о ней говорит «великая идеалистическая система» - Бобров Е.А. Историческое введение в логику/ Бобров Е.А. – Варшава: Типография Варшавского Учёного Округа, 1913. – С.32.

⁸⁸ См.: Бобров Е.А. Из истории критического индивидуализма. – С.16.

⁸⁹ Бобров е. А. Из истории критического индивидуализма. – С.9.

⁹⁰ Бобров Е.А. Психологические воззрения древних греческих философов. – С.13.

⁹¹ Бобров Е.А. О понятии искусства. - С.33.

⁹² См.: Бобров Е.А. Из истории критического индивидуализма. – С. 5 и сл.

философия пришла к этому «великому моменту» для того, чтобы в дальнейшем прийти к ещё более великому – «критическому индивидуализму».

Таким образом, выяснение собственной, Е.А. Боброва, общефилософской позиции в контексте выделяемых им, как принципиально важных для понимания позиции философа, трёх «главных типов или великих направления в философии», является необходимым предварительным условием анализа бобровских представлений о философии в России.

Как увидим, такой подход у Е.А. Боброва проявляется и в его исследованиях философии в России, в его оценках мыслителей, философских произведений и идей: написанная Е.А. Бобровым «философия в России» - это, действительно, «его», Боброва Евгения Александровича философия в России. Но вовсе не значит, что эта, «его», философия в России носит исключительно необъективно-пристрастный, только субъективный характер, лишена общезначимого интереса, глубоких и метких наблюдений, прозрений, сильного теоретического анализа, как всего этого, известно, не означает, например, очень личный характер гегелевских «Лекций по истории философии».

К оценке литературных явлений, русской литературы вообще этот подход, разумеется, малоприменим, если применим вообще. Но и здесь, в этих оценках, конечно, проявляются мировоззренческий «навигатор» профессора Е.А. Боброва, его личные эстетические пристрастия, вкусы – всё как обычно. Впрочем, одно замечание из работы Е.А.Боброва « О понятии искусства» говорит, кажется, о том, что он считал возможным распространять этот подход и на явления литературы, и в историко-литературных исследованиях. «Принцип личности в русской литературе, - говорит он здесь, - явление не абсолютно чуждое».

Чтобы не быть голословным, укажу на произведение Е.Боброва «Этические воззрения графа Л.Н.Толстого и философская их критика», которое замечательно иллюстрирует этот подход, то есть то, что в философии «ответ на любую проблему вполне обуславливается направлением, к которому принадлежит философ». Воззрения графа Л.Н.Толстого на религию, на мир, его

этические воззрения и пр. профессор Е.Бобров рассматривает (и подвергает критике, солидаризуясь в этом вопросе вполне с А.Козловым) именно с точки зрения «критического индивидуализма», делая «признаки» последнего, точнее, соответствие/несоответствие им, критерием истинности толстовских суждений. Понятно, что коль «соответствуют» – истинны, не соответствуют – «не выдерживают критики». Впрочем, у писателя суждения почти ни в чём «не соответствуют»⁹³. Так, профессор критикует писателя за его «докритический догматизм», за то, что Толстой видит в «материи не явление сознания, а реальное бытие», ибо «признание реальности материи влечёт за собою и признание реальности пространства и времени», а также за то, что индивидуальное у Толстого « не есть нечто неизменное, а существует лишь временно и уничтожается со смертью»⁹⁴.

Завершая этот раздел, имевший целью выявить философские основания исследовательского метода Е.А.Боброва, вынужден заметить, что в дальнейшем я буду рассматривать профессора только как историка философии и просвещения в России, избегая в основном анализа его трудов в области литературы. Это объясняется тем, что немалая часть его работ в этой области оказалась мне недоступной, но прежде всего тем, что это – тема отдельного специального исследования, которое, учитывая характер трудов Е.Боброва здесь, в значительной мере неизбежно будет носить литературоведческий характер, а не характер, так сказать, «философии литературы»⁹⁵.

⁹³ Это вовсе не значит, что мы вполне разделяем воззрения великого писателя по этим вопросам.

⁹⁴ Бобров Е.А. Этические воззрения графа Л.Н.Толстого и философская их критика. – С.9.

⁹⁵ Обзорное (даже слишком обзорное) представление о работах Е.А.Боброва в области истории русской литературы, но без всяких притязаний на анализ литературно-философский, а, пожалуй, литературоведческий только, можно получить до некоторой степени из статьи М.Беляева: Беляев М. Работы пр. Е. А. Боброва по истории русской литературы и просвещения/ Беляев М. // Известия Северо-Кавказского государственного университета. - 1928. - Т.III (XVI). – См.: Приложение 3.

О НАЧАЛАХ, ПРОБЛЕМАХ И ХАРАКТЕРЕ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ

Пространно и непосредственно касательно вопроса о началах и характере русской философской традиции Е.А. Бобров нигде не говорит и приходится выносить суждения на этот предмет по косвенным и относящимся к другим темам высказываниям его.

Казалось, кое-что можно извлечь на сей счёт из последнего, шестого, сборника «Философии в России», который называется «Представители философии при духовных академиях в XVIII веке» и посвящён постановке дела философии в Киево-Могилянской академии и Московской духовной академии в обозначенный период (подзаголовок сборника: «I. Киевские префекты. II. Московские префекты»⁹⁶). В первой преподавали Георгий Конисский и Феофан Прокопович, что, думалось, позволяло бы высказаться об этом деле (философии) и «ретроспективно», раздвигая покров, накинутый на «философскую Россию» под XVIII веком. Но глубже этого века, обозревая «философию в России», Е.А. Бобров специально, кажется, нигде не опускается (не так при экскурсах в историю русской литературы).

Можно было бы надеяться познакомиться с размышлениями Е.Боброва о нашем предмете, выскажись он о (тогда ещё, правда, очень редких) материалах и очерках по истории философии в России, которые появились незадолго до выхода в свет его первого сборника «Философии в России» и о которых он, надо полагать, был осведомлён. Я имею ввиду «Материалы для истории философии в России» Я.Н.Колубовского, опубликованные в «Вопросах философии и психологии» (1890-1891годы, кн. 4,5,6)⁹⁷, очерки М.М. Филиппова «Судьбы русской философии» в журнале «Русское богатство» за 1894 год (№№4,8,9,11) и А.И. Введенского «Судьбы философии в России»

⁹⁶ Е.А. Бобров поясняет: «Преподаватели философии соединялись с должностью префекта». – Бобров Е.А. Философия в России. Вып.6/Бобров Е.А. – Казань, 1902. – С.3. *Префект (здесь) – инспектор духовной семинарии.*

⁹⁷ Следует назвать ещё написанное им приложение «Философия у русских» к его же переводу 3 тома «Очерков истории философии» Ибервега-Генце Ф. (СПб., 1890, пер. с 7 нем. изд.), изданного под названием «История Новой философии».

(«Вопросы философии и психологии», 1898, кн.42) и, конечно, увидевшую свет ещё в 1840 году в Казани «Историю русской философии» («Русскую философию») архимандрита Гавриила (В.Н.Воскресенского), тоже некогда читавшего лекции по кафедре философии Казанского университета. Особенно замечательные возможности в этом отношении предоставляло последнее произведение, усматривавшее истоки русской философии ещё у Иоанна, экзарха Болгарского, Никифора, митрополита Киевского, и Владимира Мономаха⁹⁸. Но таких высказываний я не нашёл у профессора Е.Боброва.

Вполне вероятно, что Е.А. Бобров считал возможным начинать историю философии в России только (и в лучшем случае) с XVIII века, что можно понять⁹⁹. И тогда мы имеем его мнение об общей картине «состояния философии» в России, начиная с этого исходного, хоть и не первородного времени. Оно изложено во 2 выпуске его «Философии в России» в очерке «Философские произведения Д.В.Веневитинова».

Вот что он здесь пишет. «Развитие философии в России, как известно, текло по двум руслам. С одной стороны, существовала школьная философия, которая преподавалась в университетах, гимназиях, духовных академиях и семинариях. Философские направления, находившие себе место в этом русле, были схоластика, вольфианство и различные оттенки универсализма¹⁰⁰. Эта школьная философия была безжизненная и оставалась почти без всякого отклика и влияния на общество, была искусственным насаждением и служила лишь практическим целям обучения и воспитания. Представители этого течения философии в России зачастую не были даже специалистами...,они были чиновниками.

⁹⁸Об этой непростой для однозначной оценки работе см., например: Серебряков Ф.Ф. Философия и религия, или архимандрит Гавриил. // Наука и религия в глобализирующемся мире. Сб. статей. – Казань: Изд. Казан.ун-та, 2007. – С. 152-161, а также: Медянцева М.П., Никитина Т.И. Из истории философской мысли Казанского университета. Духовное наследие В.Н. Воскресенского //Учёные Записки Казанского университета. Том 137.Экономика. Философия. – Казань: Унипресс,1999. – С.223-235.

⁹⁹ Небезынтересно здесь привести точку зрения профессора философии Харьковского университета, современника Е.А.Боброва и некогда его предшественника по кафедре философии Казанского университета Ф.А. Зеленогорского: «у нас нет *ни в истории* (курсив мой - Ф.С.), ни в настоящее время представителя в философии и в науке». – Зеленогорский Ф.А. О методах исследования и доказательства/Зеленогорский Ф.А. – М., 1998. – С.21.

¹⁰⁰ Напомним, что под универсализмом Е.А.Бобров имеет в виду объективный идеализм.

С другой стороны, были философские направления, которые время от времени увлекали собою...почти всю русскую интеллигенцию. Такую роль философии всех образованных играли в XVIII веке материализм («вольтерьянство»), а также мистики и франкмасонство; во 2 половине 19 века то же самое значили материализм, социализм, позитивизм, спиритизм»¹⁰¹.

Что касается «школьной философии» 18 века и даже первых десятилетий следующего, то, да, она «была безжизненная», и, конечно, ни о каком влиянии её на общество речи быть не может, тем более и представители её, вероятно, не очень хорошо ещё свыклись с той мыслью, что они – философы. Но она всё же заслуживает быть отмеченной.

Что же касается «влияния на общество», и вообще общественного интереса к философии, то и в конце века 19 известный в то время русский философ, представитель «университетской философии» и, судя по всему, кумир Е.А. Боброва, профессор Козлов А.А. в письме в редакцию «Вопросов философии и психологии» замечал, надо полагать, не без горечи: «В нашем Отечестве интерес к философским наукам столь слаб...».¹⁰²

О ПРОСВЕЩЕНИИ И ФИЛОСОФИИ. XVIII ВЕК

Русский 18 век всё же представлен в творчестве Е. А. Боброва, хотя и менее богато, чем век следующий. Впрочем, надо отметить, что за исключением большой работы о Радищеве и ещё нескольких небольших заметок – это по преимуществу историко-литературные исследования. Основные из них представлены в сборниках. Таких, как «Материалы, исследования и заметки по истории русской литературы и просвещения в XVIII и XIX столетиях», «Философия и литература», «Философия в России», «Этюды по истории русской литературы и просвещения».

¹⁰¹ Бобров Е.А. Философия в России. Вып. II. – С.2.

¹⁰² Вопросы философии и психологии. - Год второй. - М., 1891. - №2, кн.6. – С.59 (Полемика).

Что касается философии и «философской работы» в России за этот период, то, по словам профессора в «Отчёте о занятиях во время командировки с учёной целью летом 1909 года» («Два иностранца-философа в России XVIII в.»), «история философии в России XVIII в. ещё очень мало изучена»¹⁰³. И добавляет, имея ввиду вышеназванные сборники, что «кое-что» в её изучении сделал и он.

Но по объективным причинам, а откровенно говоря, из-за отсутствия самого предмета «история философии в России 18 в.» («история русской философии 18в.»),¹⁰⁴ это «кое-что» могло быть либо анализом творчества Г. Сковороды,¹⁰⁵ А.Радищева, либо изучением преподавания философии в Московском университете и в духовных образовательных учреждениях (и, соответственно, философских взглядов, насколько о них можно говорить, преподавателей). И действительно, по признанию Е. А.Боброва, его исследование философского произведения А.Н. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанное почти через сто лет после появления этого сочинения, является едва ли ни первым: «этой стороны деятельности Радищева, сколько я знаю, никто ещё не касался».¹⁰⁶ И ещё: «это сочинение почти совершенно неизвестно».¹⁰⁷ А ведь речь идёт, пожалуй, о самом крупном оригинальном философском произведении на русском языке в 18 веке, которое, по словам профессора, есть «важное явление в истории философии на Руси».¹⁰⁸

О суждениях Е.А.Боброва об этом труде русского писателя и философа будет сказано ниже. Здесь же остановимся на других (очень немногих) его

¹⁰³ Бобров Е.А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии./ Бобров Е.А. – Б.г., б.м. – С.20.

¹⁰⁴ Достаточно сказать, каким смутным, фрагментарным, часто случайным выглядит изложение философии 18 века в первой по времени «Истории русской философии» архимандрита Гавриила.

¹⁰⁵ Одно из немногих тогда исследований философских взглядов Г.Сковороды будет написано в 90-е годы 19 века А.Ф.Зеленогорским, одно время занимавшим кафедру философии в Казанском университете. –См.: Зеленогорский А.Ф. Философия Григория Саввича Сковороды, украинского философа XVIII столетия/ Зеленогорский А.Ф. // Вопросы философии и психологии. – М., 1894. – ГодV, кн.3 (23); Год V, кн.4 (24).

¹⁰⁶ Бобров Е.А. Философия в России. Вып.3/ Бобров Е.А. – Казань, 1900. – С.57. Часть 3 «Очерков по истории русской культуры» П.Н.Милюкова, в которой говорится о трактате Радищева, увидит свет в 1903 году: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: Часть 3.Выпуск 2. Национализм и общественное мнение/Милюков П.Н – СПб.,1903.

¹⁰⁷ Там же. – С.77.

¹⁰⁸ Там же. – С.243. О неоднозначной оценке этого произведения в русской историко-философской литературе тех лет будет сказано ниже.

высказываниях о философии в России в век, который принято называть (имея в виду, увы, не наше Отечество) «веком философов».

В шестом выпуске своей «Философии в России» Е.А.Бобров пишет: «Главным и чуть ли не единственным приютом философии в России XVIIIв. были духовные училища, и по преимуществу, духовные академии, или те школы, из которых академия впоследствии развилась»¹⁰⁹. Речь у Е.Боброва идёт о Киево-Могилянской коллегии (академии с 1701 года). «В ряду её префектов, и, стало быть, профессоров философии было много знаменитых иерархов», - пишет он¹¹⁰. И об основанной ещё в 1685 году Славяно-Латинской, потом (в 1775-1814 годы) Славяно-Греко-Латинской академии.

В ряду префектов первой были Феофан Прокопович, префект с 1708 года, с 1711 – ректор. В Киеве преподавал 10 лет, сохранились его лекции по философии, фрагменты которых приведены архимандритом Гавриилом в его «Истории русской философии».

Георгий Конисский, префект с 1747 по 1751 годы, ректор (до 1775 года), епископ, умер в 1795 году. Также сохранились его лекции по философии, отрывки из которых находим у того же архимандрита Гавриила (§153). По оценке иеромонаха Макария Булгакова, автора «Истории Киевской академии», «система» Конисского – «образчик схоластического».

Об уровне преподавания философии в этом духовном заведении можно, пожалуй, до некоторой степени судить по следующему любопытному факту, который сообщает С. Смирнов в своей «Истории Московской славяно-греко-латинской академии» (М., 1885. - С.25). М.В. Ломоносов решил перейти в Киев « для слушания лекций философских; могло быть, что ему много наговорили о процветании философии в Киевской академии. Он отправился туда, но в 1735 году воротился назад, не нашед в лекциях...никаких особенностей»¹¹¹.

¹⁰⁹ Бобров Е.А. Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Вып. VI /Бобров Е.А. - Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. – С.1.

¹¹⁰ Там же. – С.5.

¹¹¹ См.: Там же. – С.11.

Из московских префектов следует выделить, пожалуй, Феофилакта Лопатинского, воспитанника Киевской академии, префекта с 1704 года, ректора, умер в 1741 г. В академии он читал метафизику, физику, логику, психологию – всё по авторитету Аристотеля. Его философские лекции сохранились, сообщает Е.А. Бобров.

О степени осведомлённости представителей тогдашнего образованного общества в области философии и об их «интересе к философским наукам» можно получить мнение по сочинению Е.А. Боброва «Радищев, как философ» (в биографической его части), опубликованному в 3 выпуске «Философии в России», одному из самых больших в этой серии «материалов, исследований и заметок» по философии в России.

Так, он приводит воспоминания Радищева о годах студенчества: «Читали [книгу Гельвеция «Об уме»] со вниманием, и в оной мыслить научались»¹¹² - это, если так можно выразиться, весьма репрезентативное свидетельство по этому вопросу. От себя профессор добавляет: «Гельвеций был в моде среди русской знати»¹¹³.

В работе Е.А. Бобров даёт справку о некоторых источниках Радищева в трактате, и по ним можно, надо полагать, судить о популярной тогда в среде образованного слоя русского общества (слоя, правда, очень и очень тонкого) западной философии, по которой «мыслить научались». А тем самым «входили в философию» - так и складывалась (что говорить, – нетрадиционная ещё к этому времени для русского ума) привычка «философствовать». Бобров, правда, не останавливается сколь-нибудь подробно на этих источниках. Они, представляющие для нас интерес именно в этом плане, изучены И.И.Лапшиным¹¹⁴ в статье «Философские воззрения Радищева» в издании «Полного собрания сочинений А.Н.Радищева» (Т.2.СПб, 1907), вышедшем через несколько лет после работы Боброва; а потом – в сокращенном виде – в

¹¹²См.: Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.3/Бобров Е.А. – С.76. Г.Шпет в вопросе о распространении и влиянии идей Гельвеция в Росси как на хороший источник ссылается на 3 главу «Введения» Э.Радлова к русскому переводу сочинения Гельвеция «Об уме» (Пг., 1917) - http://heraclit.ru/radishev_o_cheloveke.html

¹¹³ Там же. – С.75. Что, впрочем, было, вероятно, сродни «вольтеризму» Екатерины II.

¹¹⁴ Об этих источниках говорит в названной выше работе и П.Н. Милуков.

отдельном издании её - «Философские взгляды Радищева», выпущенном в Петрограде в 1922 году.¹¹⁵ Получить представление о затронутом вопросе можно и по «Очеркам развития русской философии» Г.Г. Шпета, увидевшим свет также после работ Е.А. Боброва. В частности, он пишет здесь о первой книге философского трактата Радищева, что «она составлена в духе немецкой, так называемой, популярной философии, т.е. в духе рационализма, ослабленного влиянием английской, французской и швейцарской (Бонне¹¹⁶) физиологической психологии, в свою очередь смягчавшейся в Германии спиритуализмом Лейбница».¹¹⁷

Но далее мы останавливаться на этом не будем - здесь речь идёт всё же не непосредственно об «интересе к философским наукам» в то время и не об источниках, питавших этот интерес, а о Е.А.Боброве, как историке философии в России, следовательно, начертаниях относительно философии в России того периода, наброшенных именно им. Приведём, в связи с этим, его, уже цитированные, слова из другой работы: тогда были распространены «схоластика, вольфианство и разные оттенки универсализма...материализм («вольтерианство»), а также мистики и франкмасонство».

«Радищев, как философ» - главное произведение Е.А. Боброва по философии в России 18 века. Для нас оно интересно в нескольких отношениях.

Во-первых, по собственному признанию профессора, и, надо полагать, учитывая его аккуратность и скрупулёзность, компетентному, «этой стороны деятельности Радищева, сколько я знаю, никто ещё не касался», следовательно, мы можем судить, если так можно выразиться, о первичном вкладе в изучение философского творчества Н.А. Радищева, а значит истории философии в России, произведённым именно Е.А. Бобровым.

¹¹⁵Г.А.Гуковский так отзываясь о статье И.И.Лапшина: « суммировал всё то, что было сделано в данном направлении до него и прибавил к этому ряд своих разысканий». – См.: А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений. В 3 томах/ А.Н. Радищев – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т.2. – С.372. Г.Шпет также пишет: «Вопрос об источниках Радищева после тщательного этюда И.И. Лапшина можно считать выясненным почти что до конца» - http://heraclit.ru/radischev_o_cheloveke.html

¹¹⁶ Шарль Бонне (1720-1793) - швейцарский натуралист и философ.

¹¹⁷http://heraclit.ru/radischev_o_cheloveke.html

Во-вторых, эта работа рельефно демонстрирует, что, говоря его собственными словами, «в философии ответ на любой вопрос обуславливается тем направлением, к которому принадлежит философ», а поэтому не только позволяет увидеть направление, к которому принадлежит философ Е.А. Бобров, но и наблюдать «работу» этого принципа в действии, то есть наблюдать философское пристрастие исследователя при освещении (изложении) им историко-философского материала. В данном случае – философского творчества Радищева.

Н.А. Радищев, который предстаёт перед нами в этой работе приверженца «критического индивидуализма» Е.А.Боброва, – это «Радищев» Е.А. Боброва, его Радищев, его интерпретации «О человеке, о его смертности и бессмертия», это лейбницианец, «двигавшийся» к «критическому индивидуализму», а вовсе не почитатель Гельвеция. Эта сторона дела, кстати, имеет значение (хотя она и не уникальна, а лишь ещё одно подтверждение тому) и для понимания исследовательского историко-философского творчества вообще, в частности, «метода» изложения авторами «своих» «историй философий».

В-третьих, наконец, сочинение Е.А. Боброва позволяет вынести ясное представление и о некоторых особенностях конкретного (частного) подхода Е. А. Боброва в историко-философских работах. А именно, Е.А. Бобров, если упоминается какое-нибудь имя в биографии его персонажа (философское, историческое), тут же (в основном тексте или в примечаниях) даёт подробную справку о нём, сопровождая её чаще всего библиографией. Это мы наблюдаем в данной работе, но то же самое находим и в других.

Объясняя своё обращение к разбору произведения Н. А. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии», этого «важного явления в истории философии на Руси», Е.А. Бобров пишет: «Ни общественное, ни историко-литературное значение Радищева ещё не установлено. История литературы либо забывает его, либо отделяется парой строчек»¹¹⁸. Что же касается

¹¹⁸ Бобров Е.А. Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Вып. III/ Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография Императорского университета,1900. – С.56.

основного философского сочинения русского писателя и философа, то оно, как было уже сказано, по мнению профессора, и вовсе «почти совершенно неизвестно».

Работа Е.А. Боброва была напечатана отдельным изданием в 3 выпуске его «Философии в России», а до этого (почти параллельно) – в «Учёных Записках Казанского Императорского университета»¹¹⁹.

Труд нашего профессора состоит из 200 страниц (с 55 по 256 названного издания).¹²⁰ Причём, собственные его суждения и оценки относительно положений и рассуждений Радищева (то есть собственно содержания текста) занимают меньшую часть книги (примерно 40 страниц), а большую (78-205 страницы) – пересказ всех 4 книг сочинения философа (причём, десятки страниц представляют собой просто «перепечатку» радищевской работы). Такая манера «презентации» трактата Радищева является вполне понятной и оправданной, учитывая то, что «это сочинение почти совершенно неизвестно» русской публике спустя и сто лет после его опубликования¹²¹.

Заслугой Е.А.Боброва, научной и гуманистической, таким образом, следует считать и - в определённой степени - открытие для более широкой русской образованной общественности «одного из первых оригинальных философских произведений на русском языке в XVIII веке»,¹²² известного дотоле лишь немногим специалистам.¹²³ Тем более, скажем, в названной выше работе Милюкова П.Н., представляющей очень широкое полотно русской культурной жизни за несколько веков и увидевшей свет почти в те же годы, что и сочинение Е.А. Боброва, такого «пересказа», иногда повторяющего Радищева фраза за фразой, не было.¹²⁴

¹¹⁹ В книгах за 1898, 1900, 1901 и 1903 годы.

¹²⁰ Бобров Е.А.. Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Вып. III. – Казань, 1900.

¹²¹ Впервые трактат А.Радищева был опубликован (правда, в необработанном виде) в 1809 году в Собрании его сочинений, подготовленном сыновьями писателя.

¹²² Е.А. Бобров. Философия в России. Вып. III. – С.56-57.

¹²³ Со времени опубликования сыновьями писателя трактата в «Собрании оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева» (1809) прошло почти сто лет.

¹²⁴ «Полное собрание сочинений А.Н. Радищева», во 2 томе которого будет опубликован трактат философа, увидит свет только в 1907 году.

И в исследовательском плане потом появятся работы И.И. Лапшина¹²⁵, Э.Радлова¹²⁶, Г. Шпета¹²⁷, в которых мы найдём ссылки – одобрительные или критические – на труд Е.А. Боброва¹²⁸. И оценки, солидаризирующиеся с мнением нашего профессора либо (например, у Г.Шпета) резко расходящиеся с ним, даже противоположные ему. Но всё же так или иначе отправляющиеся от подобной, как у Е.А.Боброва, точки зрения на значение трактата Радищева. Даже автор предисловия к этой работе Радищева (Г.А.Гуковский), опубликованной в составе академического (Академии наук СССР) издания Полного собрания сочинений его уже в советский период, спустя более чем 40 лет после выхода произведения Е.Боброва, сочтёт необходимым выразить своё отношение – отрицательное – к общей оценке им, Е.А.Бобровым, философской позиции Радищева¹²⁹.

Прежде всего, следует, вероятно, сказать об общем мнении Е.А.Боброва о творческой личности Радищева, писателя и философа, необходимость высказать которое вот уже без малого 200 лет в России вынуждается известной оценкой Пушкина о Радищеве.¹³⁰ Во всяком случае, авторитет Пушкина принуждает всякого, кто пишет или говорит о Радищеве, высказаться и об этой оценке великого поэта. Это становится вполне понятным, если хорошо вспомнить известную статью Пушкина 1836 года «Александр Радищев». Напомним некоторые места из неё. О трактате: «Умствования оно пошлы и

¹²⁵ См. выше.

¹²⁶ Радлов Э. Очерк истории русской философии/ Радлов Э – Пб., 1920.

¹²⁷ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Ч.1/ Шпет Г.Г. – Пг., 1922.

¹²⁸ Две последние работы уже представляют собой не собрание «материалов, исследований и заметок», как «Философия в России» Е.А. Боброва, а систематический очерк развития философии в России. Например, об «Очерке» Шпета М.К. Поливанов, автор предисловия к сборнику его статей «Философские этюды», пишет, что он остаётся «непревзойдённым по объёму охваченного материала и тщательности разбора» - См.: Г.Г. Шпет. Философские этюды. – М: Издательская группа «Прогресс», 1994. – С.8. Но это совершенно разные жанры: без собрания самых разных «материалов, исследований и заметок», подобных «Философии в России» Боброва, вряд ли были бы возможны жанры «шпетовского типа», а «материалы» Е.А. Боброва к тому же, кажется, пионерские. Но дело даже не в этом. «Материалы» Е.А. Боброва – это тоже очерки, очерки в буквальном смысле этого слова, по истории философии в России, каждый из которых представляет собой самостоятельный, «микрокосмический» узелок истории русской культуры, живой, говорящий мирок многоцветного и многобогатого мира российской культуры, «космос», которой и пытался воссоздать в своей «Философии в России» Е.А. Бобров.

¹²⁹ См.: А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений в 3 томах/ А.Н. Радищев. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. - Т.2. – С.374.

¹³⁰ Столь компетентный специалист как Ю. Лотман писал: «Тема «Пушкин и Радищев» давно уже волновала исследователей. ...Неоднократно рассматривалась в научной литературе» - <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lot/lot-765-.htm>

не оживлены слогом». О «Путешествии»: «Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны». В целом: «Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне».

Но после этого вполне понятной становится и не менее известная оценка Герценом этой статьи Пушкина: не делает «особенной чести поэту».

Е.А. Бобров присоединяется к этой оценке Герцена; решительно, хотя и сдержанно возражает Пушкину как в части общего суждения о трактате («Ни мысли и доводы его в пользу бессмертия, ни чувства, одушевляющие его, никак не могут быть названы пошлыми»¹³¹), так и касательно «философской идентификации» Радищева, которую даёт Пушкин: «ученик Гельвеция». По последнему поводу Е.А. Бобров говорит: «Считать Радищева последователем французских теорий XVIII века¹³² с бо́льшим правом можно было бы, разбирая его взгляды социально-политические»¹³³, он – «мнимый последователь Гельвеция»¹³⁴. Кстати, и Г.Шпет, в другом расходясь с Бобровым, придерживается этой же точки зрения. Но вот в советской литературе в вопросе, говоря словами Е. Боброва, «к какому философскому лагерю принадлежат воззрения Радищева», напротив, придерживались мнения Пушкина¹³⁵.

С мнением Е.А.Боброва о трактате Радищева мы уже знакомы, - как видим, оно очень высокое. Такого же взгляда, кстати, придерживался и И.И. Лапшин, в работе, как указывалось, появившейся через несколько лет после труда профессора Е.Боброва – «оригинальное» философское сочинение,

¹³¹ Е.А. Бобров. *Философия в России*. Вып.3. – С.218. См. также: «Мнения Пушкина об образовании Радищева и относительно исследуемого философского трактата не согласуются с фактами и несправедливы». - Там же. - С.215. Это, как видим, значительно мягче и сдержаннее, нежели высказывания Пушкина о Радищеве.

¹³² «Подчиняясь поверхностному взгляду Пушкина», добавляет профессор Е.Бобров.

¹³³ Там же. - С.219.

¹³⁴ Там же. – С.220.

¹³⁵ См., например, названную выше статью Г.А. Гуковского, а также: Галактионов А.А., Никандров П.Ф. *История русской философии*/ Галактионов А.А., Никандров П.Ф. – М., 1961.

выдающее «пытливость мысли». Для сравнения, скажем, что не все современники названных авторов, занимавшиеся исследованием истории русской философии, были того же взгляда. Так, Г.Шпет, вообще не особенно церемонившийся с персонажами своего «Очерка развития русской философии», и оценки которого не всегда бывают справедливыми, порой возмущающими своими формулировками и вызывающими сомнение в правоте приведённого ранее утверждению автора предисловия к его «Философским этюдам», что шпетовские очерки по истории русской философии остаются «непревзойдёнными по тщательности разбора», писал, что трактат Радищева - «ученический реферат о четырёх-пяти прочтённых книгах», «он [Радищев] оригинален лишь в ...сентиментальных восклицаниях», «компилятор»...

Правда, кажется, Шпет не замечает, что противоречит сам себе, когда вместе с тем пишет, что «как произведение писателя, обращаемого к широкой публике, оно – будь оно закончено и своевременно выпущено в свет – могло бы иметь свое, даже философское значение и влияние»¹³⁶.

В самом деле. «Могло бы иметь философское значение и влияние» будь оно «закончено», пишет Г.Шпет. Что нет оснований говорить о «незаконченности» произведения Радищева, показал Г.А. Гуковский в названной выше публикации. Да, будучи ещё раз обработанным оно могло бы приобрести более «законченный вид», как, впрочем, и всякое сочинение, подвергнувшееся данной процедуре. Но у всякого знакомого с этим трудом писателя, полагаю, не возникает впечатления несвязанности текста. Вот и у Шпета читаем: «Что касается выполнения работы, то ...план его ясен» и т.д. Таким образом, это обстоятельство перестаёт быть препятствием для признания за работой Радищева «философского значения».

«Будь оно своевременно выпущено в свет» имело бы «философское значение». Работу Радищев начал писать в 1792 году в Илимске, опубликована она была посмертно в 1809 году. Имеет ли Шпет в виду, что трактат вышел

¹³⁶http://heraclit.ru/radischev_o_cheloveke.html

малым тиражом, делающим его недоступным для широкой публики, а тем самым, во всяком случае, ограничивающим его «влияние»? Вряд ли. Для тех времён это не было новостью, а для «приобретения влияния» вовсе не нужно было «всей России», достаточно было читающих Петербурга и Москвы – это и была «широкая публика», другой просто не было. К тому же это ровным счётом не имеет никакого отношения к «философскому значению» произведения.

Но что, собственно, изменилось со дня написания и до посмертного опубликования трактата? Какое другое сочинение на русском языке, имеющее «философское значение и влияние», до 1809 года появилось? Никакого! Так что если и говорить в этом аспекте, то можно только о сочинении Радищева.

О «влиянии» на русскую неподготовленную (хотя бы и образованную), публику, конечно, говорить не приходится (вспомним сетования А. Козлова и через сто лет: «интерес к философским наукам в нашем Отечестве столь слаб»). Если же речь идёт о влиянии на последующую философскую мысль, то и здесь, разумеется, не приходится говорить о чём – либо подобном: пройдёт ещё несколько десятков лет, прежде чем философские сочинения русских авторов, прошедших европейскую (в основном, немецкую) «философскую выучку», начнут оказывать влияние на других русских авторов, пишущих на философские темы.

Но «философское значение» при этом сочинение всё же иметь может. Труд Радищева показал, что русские могут не только, говоря словами Г.Шпета, «переписывать, буквально переводя», а ещё и понимать, относиться со знанием дела к предмету и рассуждать о нём, философствовать. Философствовать на языке тех авторов, для которых «быть в философии» - значит «быть у себя дома». Можно ли назвать в этом отношении другое сочинение такого рода русского автора того времени? Стоит ли удивляться после этого таким определениям, которые мы уже прочитали у Е.Боброва и И. Лапшина: «одно из первых оригинальных произведений» (Е.Бобров), «оригинальное» философское сочинение, выдаёт «пытливость ума» (И.Лапшин). Это (пусть будет так

сказано) – один из первых русских входов в философию. Разве этого мало, чтобы иметь «философское значение»?

Но и в отношении более конкретном, просветительском даже, наверное, сочинение Н.А. Радищева имеет «философское значение» - в нём речь идёт не только о «смертности человека» (души) и о её (души) бессмертии. Но затрагивается круг очень непростых философских проблем и понятий (материя, движение, протяжённость, отражение и т. д.), причём, в том смысле, в котором они находились в контексте философского, а не богословского «дискурса», а тем самым эта проблематика именно как философская проблематика становилась понятной умам, не искушённым ещё «софистиками» «еллинских мудрецов», как выразился сердито один русский богослов 17 века¹³⁷. Круг чтения и размышления русской, желающей мыслить молодёжи, мог заметно расшириться, в их лексикон могли войти понятия из области «философства». И в этом тоже «философское значение» сочинения Александра Николаевича Радищева.

Не говорю уже о том значении, которое могло иметь в обществе с тотальным господством религиозного мировоззрения, да ещё в консервативной византийско-православной форме, произведение, в котором обсуждались фундаментальные для этого мировоззрения вопросы и при этом автор, если верить Пушкину, «охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого атеизма».

Но вернёмся к произведению Е.А.Боброва. К тем его местам, где он «идентифицирует» философские воззрения Радищева и высказывается о суждениях и аргументах автора в пользу «смертности» или «бессмертности» души (большая часть работы, как было уже сказано, представляет собой «переписывание» – здесь уместно это выражение Г. Шпета – трактата Радищева).

¹³⁷ «Нас, овец Христовых, не перемудряйте софистиками своими, нам ныне некогда философия вашего слушать». – Из истории русской философии. – М., 1948. – С.88.

Известно заключение А.С. Пушкина по этому вопросу («за» или «против» Радищев бессмертия души): Радищев, «хотя и вооружается противу материализма, но в нем все еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма». Против такого вывода протестовал Е.Бобров. И Г.Шпет назвал его несправедливым, не приведя, впрочем, никаких аргументов «против».

Я не хочу сказать, что Пушкин прав потому, что он – Пушкин. Но и у меня сложилось тоже такое впечатление: « охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого атеизма». И у меня сложилось мнение, что первая книга трактата (в «пользу» смертности души) объективно сильнее, а доводы и наблюдения, приводимые в ней, убедительнее, нежели остальные, даже (справедливо) признавая, что автор «вооружается противу материализма», даже абстрагируясь от вопроса, насколько Радищев зависит от Гельвеция и зависит ли вообще. И совсем не возникло впечатления, что, как уверяет Е.А.Бобров, автор представил «стройное и последовательное изложение доктрины бессмертия»¹³⁸. Напротив, доводы в пользу бессмертия души, приводимые в четвёртой книге, производят впечатление, мягко говоря, логически далеко небезупречных, а то и просто слабых. Например, в начале четвёртой книги довод, основанный на том, что «существо мыслящее» - простое, несложное, а поэтому неразрушимое, следовательно, бессмертное. Или когда Радищев из закона сохранения материи выводит бессмертность «мысленности».

Однако у нас речь идёт не о трактате Радищева как таковом, а об анализе его и оценки профессором Е.А. Бобровым.

Профессор не комментирует суждения Радищева (или его источников) по отдельным философским темам (движение, материя и т.д.), он главным образом останавливается на тех местах, в которых автор приводит доводы в пользу бессмертия души и делает обобщающие выводы относительно того, « к какому философскому лагерю принадлежат воззрения Радищева». Об общей оценке Е.Бобровым этих доводов (возражая Пушкину) уже было сказано: « Ни мысли

¹³⁸Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.3. – С.225.

его в пользу бессмертия, ни чувства, одушевляющие его, никак не могут быть названы пошлыми».

Далее. Е.А.Бобров (чтобы обосновать, к «какому лагерю принадлежат воззрения Радищева») считает необходимым сначала изложить «общее» - известные уже нам его взгляды на три возможных типа философского мировоззрения. И подводит воззрения Радищева под третий, «истинный», тип мировоззрения. Каким образом? Через характеристику доводов Радищева в пользу бессмертия души, тех самых доводов, о которых Пушкин, напротив, вынес мнение, что философ «хотя и вооружается противу материализма...охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого атеизма». Ещё точнее, из-за признания Радищевым¹³⁹ бессмертия души. По мнению Е.А.Боброва, как было уже сказано, Радищев представил «стройное и последовательное изложение доктрины о бессмертии»¹⁴⁰.

Е.А. Бобров убеждён, что Радищев «энергично выступал против материализма. Надобно раз и навсегда перестать причислять его (подчиняясь поверхностному взгляду Пушкина) к последователям французского материализма XVIII века»¹⁴¹.

А именно: «защищать бессмертие, то есть неуничтожимость отдельной (индивидуальной) души не может, оставаясь последовательным себе, ни материалист, ни универсалист. Одни только приверженцы критического индивидуализма могут защищать «бессмертие души»¹⁴². Теперь понятно, почему профессору понадобилось здесь, в этой книге¹⁴³, предварительно ещё раз обозначить критерии принадлежности к философским «лагерям» - важнейшим типам философского мировоззрения.

¹³⁹ По мнению Е.А. Боброва, не вызывающим сомнения.

¹⁴⁰ Своё отношение по поводу того, насколько это - «стройное и последовательное изложение доктрины», я уже высказал выше.

¹⁴¹ Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.3. - С.225. Чуть ниже Е.А.Бобров добавляет: «Он прямо выступает против наиболее существенной логической и психологической доктрины Гельвеция», «доктрины о воспитании» - Там же. - С.226.

¹⁴² Там же. - С.224-225.

¹⁴³ Как было показано, он сделал это ещё раньше.

К какому же «лагерю» следует отнести Радищева? «Приходится признать...лейбницевцем, приверженцем философии Лейбница»¹⁴⁴, утверждает профессор Евгений Александрович Бобров. На каком основании? «Влияние Лейбница через Платнера¹⁴⁵ видно у Радищева именно в понимании души»¹⁴⁶. Далее Е.А.Бобров пытается доказать, что аргументы Радищева в пользу бессмертия души – от Лейбница. Так, он пишет, что «уничтожение Радищев по-лейбницевски понимает, как «изъятие из вселенной», «вся возможность перешла в действительность перед началом уже времён», «то, что будет, уже было в неизблемом порядке» и т.д. – можно подобрать множество подобных выражений, чисто в духе Лейбница»¹⁴⁷.

Вероятно, «можно подобрать», но это всё же не является убедительным доказательством столь решительных выводов, которые делает профессор Е.А. Бобров, признавая Радищева, безусловно, представителем «критического индивидуализма»: «надобно причислить к представителям критического индивидуализма или панпсихизма»¹⁴⁸. На каком основании? Как «строгого, основательного и последовательного защитника бессмертия индивидуальной души»¹⁴⁹. И в доказательство сказанного пишет: «Общий способ доказывать бессмертие души, с точки зрения Лейбница¹⁵⁰ и Радищева, почти такой же самый, что и в современных нам книгах *этого направления* (выделено мной – Ф.С.)»¹⁵¹. И в качестве примера ссылается на книгу признанного представителя «этого направления» профессора Дерптского университета, учителя Е.А.Боброва Густава Тейхмюллера¹⁵² «Бессмертие души».

¹⁴⁴Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.3. – С.232.

¹⁴⁵ Эрнст Платнер (1744-1818), немецкий антрополог, медик, философ (Лейпцигский университет), последователь Лейбница и один из источников Радищева.

¹⁴⁶Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.3. – С.237. Приведём, однако, и мнение на сей счёт Г.Шпета: «Указывали ещё на Платнера, но и это влияние сомнительно, если оно не затерялось где-нибудь в частностях».

¹⁴⁷ Там же. – С.231.

¹⁴⁸ Там же. – С.227. А вот Г.Шпет в связи с этим делает существенное замечание: «Нематериалистические в общем тенденции Радищева побудили проф. Боброва сделать его [Радищева] чистым последователем Лейбница...Но быть лейбницианцем в ту пору значило или быть вольфианцем, или примыкать к «популярной философии», усвоившей Локка и Лейбница «Новых опытов».

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ А монадология Лейбница «до сих пор остаётся единственно завершённой системой философии критического индивидуализма». – Там же.

¹⁵¹ Там же. – С.229.

¹⁵² О нём – ниже.

Любопытно, что Е.А.Бобров, будучи при всём желании не в силах отрицать и вовсе влияние на Радищева французских философов эпохи Просвещения, в частности Гельвеция, и ограничивая это влияние кругом идей социально-философских, политических («освободительных»),¹⁵³ замечает, что и это находится вполне в духе критического индивидуализма, во всяком случае, ему не противоречит. «Идеи индивидуальной свободы и равенства людей, - пишет он, - хорошо вяжутся с метафизикою критического индивидуализма, которая провозгласила принцип личности»¹⁵⁴. Не исключено, пожалуй, что у читателя может и мнение сложиться, что Радищев стал «поклонником французских освободительных идей», будучи последовательным (желая быть последовательным) в своей приверженности «метафизике критического индивидуализма». Можно сформулировать и иначе: последовательная приверженность «метафизике критического индивидуализма» неизбежно и логично приводила его (толкала его) и в области социально-политической к признанию «французских освободительных идей».

Оценивая в целом значение и место трактата Н.А. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии» в истории философии в России, Е.А.Бобров заключает, что он был не только «одним из самых ранних по времени плодов русской философской мысли, был одним из первых памятников лейбницевой философии на русском языке».¹⁵⁵

Думаю, что справедливым будет заметить, что, как бы ни оценивать аргументацию и выводы Е.А. Боброва, его работа «Радищев, как философ» является серьёзной и заслуживающей интереса к ней со стороны исследователей истории русской культуры,¹⁵⁶ а его точка зрения на философские взгляды Радищева, нашедшие выражение в этом трактате писателя и философа, заслуживает того, чтобы её принимать во внимание (хотя

¹⁵³ « Не принадлежа к последователям материалистической метафизики французской философской школы XVIII века, Радищев всю жизнь оставался поклонником французских освободительных идей». – Е.А. Бобров Е.А.Философия в России. Вып.3. – С.225. Это признавал и Г.Шпет, также называвший «несправедливым» мнение Пушкина, что Радищев – «ученик Гельвеция».

¹⁵⁴ Там же. – С.225.

¹⁵⁵ Там же. – С.232.

¹⁵⁶ Как мы видели, она ещё при жизни Е.А. Боброва привлекла к себе внимание историков русской философии.

бы и в критическом аспекте) при оценке философского творчества Радищева наряду с распространенной в нашей исследовательской литературе оценкой его (близкой к пушкинской) как последователя «метафизических» взглядов французских философов, оценкой, названной Г.Шпетом «легендой».

Одно из этих критических замечаний мы находим у Г.А.Гуковского в предисловии к трактату философа, изданному в составе его полного собрания сочинений в 1941 году: «Мысль о прямой зависимости взглядов Радищева от Лейбница, развитая Е.Бобровым, убедительно отвергнута всеми последующими исследователями». ¹⁵⁷Но для нас работа профессора Е.Боброва в одном отношении не вызывает сомнений: она ещё раз свидетельствует о том, уже подчёркнутом ранее и известном обстоятельстве, что оценки, даваемые исследователями предшествующим философам (тем более, если исследователи сами являются философами), зависят (иногда очень сильно), даже при всём их стремлении к объективности и беспристрастности, от их собственных философских взглядов, от того, к какому «лагерю» они сами принадлежат. ¹⁵⁸

Названными в этом параграфе работами, пожалуй, исчерпывается «вторжение» Е.А.Боброва в XVIII век. Значительно богаче и всестороннее в историко-философском и историко-культурном творчестве профессора представлен следующий, XIX, век.

О ФИЛОСОФСКИХ ТЕЧЕНИЯХ, ФИЛОСОФАХ И ЛИТЕРАТОРАХ. XIX ВЕК

Деятели русской культуры XIX века, писатели, философы и разные философские направления представлены как в достаточно больших работах Е.А.Боброва, так и в небольших статьях, заметках и набросках ¹⁵⁹.

¹⁵⁷Н.А.Радищев. Полное собрание сочинений в 3 томах. – М.-Л.: Издание АН СССР, 1941. – Т.2. – С.374. Но, как мы видели в случае с одним из таких «последующих исследователей», Г.Шпетом, не все они всё же отрицают эту зависимость, хоть, правда, и с оговорками – см. выше замечание Г.Шпета относительно будто бы «чистого лейбницианства» Радищева, которое последнему приписывает Е.Бобров.

¹⁵⁸ Это справедливо и в отношении Г.А.Гуковского.

¹⁵⁹ Отдельными изданиями или в составе ранее названных сборников.

Значительная часть этих работ, касающихся первых десятилетий века, посвящена «русским шеллингианцам». Е.А.Бобров писал не на «чистом листе истории русских шеллингианцев», это – правда. Но его исследования в этой области одни из первых и разносторонних в изучении разных аспектов темы. Так, несколько публикаций есть у него по Д.М.Велланскому¹⁶⁰. Надо отметить, что многие работы, представленные, скажем, в «Философии в России», носят в основном, если так можно выразиться, первичный характер. Во всяком случае, если он и опирается неизбежно на предыдущие исследования, если таковые имеются, то стремится затронуть, изучив новый материал, часто архивный, новые, малоизученные или вовсе неизученные стороны вопроса. Поэтому сказанными со знанием дела следует воспринимать нередко встречающиеся у него выражения вроде «ещё совсем не обращали внимания» (о переписке Чаадаева с Шеллингом) или « мало разработанный эпизод» (о профессорской деятельности М.Н.Каткова). И хотя в названном сборнике, действительно, представлены в основном «материалы и заметки», но они могли послужить хорошим дополнительным источником для более полных изложений философских взглядов отдельных русских мыслителей или систематических работ по истории русской философии, которые в отношении многих известных персонажей бобровского сборника появятся лишь позднее. Ну, а для понимания собственных воззрений Е.А.Боброва и его значения, как историка русской философии и просвещения в России, эти «материалы и заметки» имеют значение уже не дополнительного только источника, но непосредственного.

«Шеллинг и Россия», пожалуй, одна из популярных и разработанных у Е.Боброва тем по истории философии в России в первые десятилетия XIX века. Если материалы Е.А.Боброва по истории философии в России в XIX веке расположить в хронологическом порядке рассматриваемых в них тем, то придётся, пожалуй, начинать именно с этой темы, что, впрочем,

¹⁶⁰ Только в «Философии в России» разные материалы непосредственно о нём помещены во 2, 3 и 5 выпусках (и творчество его затрагивается в заметках о других русских последователях немецкого философа). Но есть и другие сборники, в которых «присутствует» Велланский.

совпадает и с историческим вхождением (развитием) России, говоря словами Гегеля, в философию в « собственном смысле этого слова».

Первые десятилетия XIX века – годы русского ученичества в философии. Трудно не согласиться с П. Чаадаевым, когда в письме Шеллингу он пишет: «Вы знаете, в деле философии мы ещё в начале пути».¹⁶¹ Но это и время первых плодов самостоятельного философского творчества, плодов, свидетельствующих о пытливости русского философствующего ума благодарности своим учителям – германским философам, - но и о его нежелании довольствоваться только «задами», пусть и великой, немецкой философии, его претензиях (заявленных с первых шагов обретения «философского гражданства») на собственное и «родное» видение мира идей, который открывается ключом философии, видение, которое могло бы стать, говоря словами Чаадаева, «плодоносным принципом нашего особенного развития»¹⁶². Но природное чутьё подвинуло русский ум начать ученичество сразу с усвоения наиболее зрелых плодов западной философии – философии германской. И именно философия Шеллинга (сначала, прежде всего его натурфилософия) оказалась для этого наиболее пригодной, созвучной, адекватной и востребованной.

Бобров Е.А. пишет в работе о поэте Д. Веневитинове: «Шеллингу в России посчастливилось: он нашёл себе почитателей гораздо более, чем какой-либо другой немецкий философ до него. Его учение проповедывалось, распространялось как в журналах, так и устной пропагандой».¹⁶³ Собственно, и

¹⁶¹См.: Бобров Е.А.. Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Вып.IV/Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1901. – С.5. Своеобразным свидетельством того, что Россия тогда была «в деле философии в начале пути» является неуспех журнала «Московские вести» (ред. М.Погодин), в появлении которого сыграл большую роль гениальный русский юноша поэт Д.Веневитинов. Е.А.Бобров объясняет это тем, что журнал имел «чересчур серьёзное, философское направление.... Для серьёзного чтения тогдашняя Россия, в общем, не созрела. Философия сосредотачивалась в небольших, тесных кружках особенно даровитых людей» - Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. – С.16. Любопытно также и объяснение, которое даёт Н.Эйдельман тому, что Пушкин письма Чаадаеву продолжал писать на французском языке, несмотря на просьбу последнего писать по-русски: « по-видимому, полагая, что русский язык ещё недостаточно подготовлен для изъяснения сложных философских проблем» - Эйдельман Н. Пушкин и Чаадаев//Эйдельман Н. Статьи о Пушкине/Эйдельман Н.. – М., 2000. – С.336.

¹⁶² См. там же. – С.14.

¹⁶³Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.II. – С.3.

первые философские кружки в России¹⁶⁴, и первые серьёзные философские увлечения молодых людей, чьё творчество открывает историю русской философии XIX века, – это «русское шеллингианство»¹⁶⁵. Причём, важно то, что особо отмечает Е.А.Бобров, – об «одинаковых и у Чаадаева¹⁶⁶, и у славянофилов симпатиях к Шеллингу».¹⁶⁷

Кстати, ни один Е.А.Бобров отмечает эту особенность русского вхождения в философию – обращение именно к немецкой философии. Так, А.В.Васильев, профессор Казанского университета, председатель Физико-математического общества при университете, отец известного логика Н.А.Васильева, одного из создателей неклассической логики, в речи в честь 30-летнего юбилея учёно-педагогической деятельности профессора по кафедре философии Казанского университета А.И. Смирнова говорил: « Русская философская мысль XIX столетия находилась под преобладающим влиянием германской философии. Сначала Шеллинг, потом Гегель, в 60-х годах ученики последнего были кумирами русских мыслящих людей. Менее значительно было влияние французской философии и ничтожно влияние английской»¹⁶⁸.

Освещение Е.А.Бобровым этой темы (страницы) в истории русской философии мы начнём не с его оценки философского творчества известных и безусловных шеллингианцев в истории русской философии, скажем, Велланского или М.Г.Павлова, а с его замечаний о философе П.Я.Чаадаеве, который, по Е.Боброву, тоже « в некотором смысле принадлежит к сонму русских шеллингианцев».¹⁶⁹

¹⁶⁴ Им посвящён материал Е.А.Боброва «К истории философских кружков» в V выпуске его «Философии в России».

¹⁶⁵В связи с этим см., однако, интересную, в том числе своим критическим отношением к «мифологии» (слова автора) «Шеллинг и Россия», статью Резвых П.В.: Резвых П.В. Ф.В.И.Шеллинг в диалоге с русскими интеллектуалами// НЛЮ. Независимый филологический журнал. – 2008. - № 91. Большое обобщающее исследование по теме «Шеллинг и Россия» появилось в 1998 году: Философия Шеллинга в России. – СПб.: Издательство РГХА, 1998. – 528 с. См. также: Каменский З.А. Русская философия XIX в. и Шеллинг/ Каменский З.А. – М., 1980. Но «первой попыткой систематического исследования русской рецепции Шеллинга» (Резвых П.В.) является работа П.Н.Сакулина «Из истории русского идеализма» (М., 1913).

¹⁶⁶И мыслителях его мировоззренческого круга.

¹⁶⁷Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.IV. – С.17.

¹⁶⁸ См.: А.Александров. 30-летний юбилей учёно-педагогической деятельности А.И.Смирнова (Письмо из Казани)// Вопросы философии и психологии. – Год XII, кн.П(57). - 1901, март-апрель. – С.166.

¹⁶⁹ Там же. – С.1. В.В.Зеньковский выражается осторожнее: Чаадаева «никак нельзя причислить к шеллингианцам, но ..., по его собственному свидетельству, был очень многим обязан Шеллингу»; был «

Но вовсе не поэтому начнём с Чаадаева, а потому, что, по справедливому мнению нашего профессора, имя этого мыслителя «знаменует собою целую эпоху или, по крайней мере, поворотный пункт в развитии русской мысли в XIX веке»¹⁷⁰.

Сообщение Е.А.Боброва в IV выпуске его «Философии в России» так и называется: «Шеллинг и Чаадаев». Причём значительную часть из 17 страниц текста занимают два письма Чаадаева «славному немецкому философу Шеллингу». На эту переписку (часть которой, следовательно, представляют публикуемые письма) «ещё совсем не обращали внимания»¹⁷¹.

Работа Е.А.Боброва не есть исследование философского творчества П.Чаадаева вообще, она освещает только одну сторону Чаадаева-философа – влияние на него Шеллинга, что и зафиксировано в названии её¹⁷². Это влияние Е.Бобров, несомненно, признаёт, хотя и с оговорками, о чём было уже сказано выше. Однако эти влияния, по компетентному мнению такого дотошного и добросовестного исследователя как профессор Евгений Александрович Бобров, «ещё не указаны, не перечислены, не оценены».¹⁷³ Поэтому публикация Е.А.Бобровым писем Чаадаева, на которые «ещё совсем не обращали внимание» (до их обнародования-анализа Е.Бобровым, таким образом) и в которых приоткрывается характер этих влияний¹⁷⁴, безусловно, имеет историко-философское значение.

первым мыслителем, на котором ,так или иначе, отразилось влияние» Шеллинга. – В.В.Зеньковский. История русской философии. Т.1. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004. – С.197, 198. Но в тоже время в одном из ранних исследований по этой теме уже в самом названии его П.Чаадаев причисляется к «ревнителям философии Шеллинга»: Ковалевский М.Л. Ранние ревнители философии Шеллинга в России – Чаадаев и И.Киреевский/Ковалевский М.Л // Русская мысль. – 1916. – Т.ХII.

¹⁷⁰Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.IV. – С.1. В.В.Зеньковский много позже так сформулирует ту же самую мысль: «Вся значительность (для русской мысли) построений Чаадаева в том и состоит, что целый ряд крупных мыслителей России возвращается к темам Чаадаева, хотя его решения этих тем имели сравнительно мало сторонников» - В.В. Зеньковский. Указ. соч. – С.202.

¹⁷¹Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.IV. – С.3..

¹⁷² Это влияние, сообщает Е.А.Бобров, «было двойное: и личное, и через сочинения». – Е. А.Бобров. Философия в России. Вып.IV. – С. 1.

¹⁷³А.Бобров. Философия в России. Вып.IV. – С. 1.

¹⁷⁴ Например, Чаадаев пишет Шеллингу (1832г.): «Сколь счастлив я был, узнав, что наиглубочайший мыслитель нашего времени дошёл до этой великой идеи слить воедино философию с религиею. С первого момента, когда начинал я философствовать, эта идея являлась мне, как огонь маяка и цель всей моей умственной работы» - См: Бобров Е.А. Философия в России. Вып.IV. – С.5.

Но значение работы профессора Е.Боброва, думаю, вот ещё в чём. Учитывая то, что избранные сочинения философа¹⁷⁵ (на французском языке) были опубликованы князем И.С.Гагариным впервые за границей (во Франции) лишь в 1862 году, а русское издание произведений Чаадаева в переводах М.О.Гершензона (когда появилась возможность их обнародования в России) вышло в 1913-14 годах¹⁷⁶, а некоторые письма и того позже, уже в советское время, представление Е.А. Бобровым русской публике писем Чаадаева (Шеллингу, в данном случае), в которых он говорит не только о себе, «врастающим в философию», но, по существу, о всей тогдашней «философской» России («в деле философии мы в начале пути»¹⁷⁷, но мыслящие, самостоятельно думающие, желающие знать свой путь), стало очень большим просвещенческим шагом. Думаю, что профессор, задумавший опубликовать письма Чаадаева Шеллингу, хорошо понимал значение замечательного русского мыслителя (может быть, самого проницательного в русской истории 19 века) в главнейшем, по-мнению тогдашней мыслящей русской интеллигенции, деле: в размышлениях о том, что есть Россия, каков «русский путь»?¹⁷⁸ Это было понятно, если помнить о том историческом тупике, в котором оказалась Россия на рубеже 19-20 веков. А мысли-страсти Петра Чаадаева, по крайней мере, давали возможность, просто провоцировали к таким размышлениям. Уже одно напоминание о нём, Петре Чаадаеве, об идеях которого были «наслышаны» все, кто хотел слушать, толкало мысль в эту сторону. Вполне может быть, что интерес Е.А.Боброва к Чаадаеву был вызван

¹⁷⁵Известно, что в России было опубликовано только первое из «философических писем» в «Телескопе» Н. Надеждина в 1836 году, за что и журнал был закрыт, и появился ещё один «сумасшедший» от Бога (не первый в России: кажется, ещё Матвей Семёнович Башкин, мужественный русский вольнодумец времён Иоанна Грозного, дворянин, почитался таковым за то, что освободил своих крестьян из крепостного рабства: «У меня были кабалы полные, да их всех изодрал, - говорил он, если верить Н.Костомарову, - держу у себя людей добровольно; кому хорошо – у меня пусть живёт, а не нравится, пусть идёт куда хочет»).

¹⁷⁶ Впрочем, были книги о Чаадаеве и незадолго до этого времени: например: Гершензон М.О. Чаадаев. Жизнь и мышление/Гершензон М.О. – СПб., 1908.

¹⁷⁷ Письмо датировано 1842 годом, когда уже были Хомяков, братья Киреевские, Герцен и др., но и они так или иначе находились под влиянием немецкой философии, учились, хотя и показали себя сильно самостоятельными учениками.

¹⁷⁸ Достаточно вспомнить о сборнике «Вехи», появившемся почти в то же время (чуть позже) и вызвавшим такую страстную полемику в среде разно социально-политически ориентированной российской интеллигенции.

его личным интеллектуально-культурным запросом, интересом¹⁷⁹, а, может быть, это было бессознательным следствием влияния его Времени¹⁸⁰. Кто знает!

«Настоящие» «русские шеллигианцы»¹⁸¹ занимают видное место в работах Е.А.Боброва по истории русской культуры и философии в России. И в первую очередь (по числу публикаций), речь идёт о «профессоре и академике¹⁸² Данииле Михайловиче Велланском», «первом и наиболее жарком последователе шеллинговой натурфилософии в России»¹⁸³ (сам Д.М.Велланский в письме Н.И.Розанову так определял своё занятие: «философское естествознание»¹⁸⁴).

В сборниках «Философия в России» «профессору и академику» посвящено немало внимания (надо полагать, из сознания/знания того, что Велланский – «первый и наиболее жаркий представитель»). Так, о нем и его работах речь идёт во 2, 3 и 5 выпусках этого издания. В 3 выпуске («Труды Д.М.Велланского по животному магнетизму») Е.А.Бобров подробно (с.1-54 выпуска) по рукописи излагает работу «профессора и академика» «Животный магнетизм, или Теллюризм». О значении этой работы Д.М. Велланского в популяризации у нас «философского естествознания» в духе шеллингианского всеединства природы¹⁸⁵ и вообще в популяризации немецкой философии, а вместе с тем и об уровне философской образованности тогдашних русских интеллектуалов красноречиво говорят слова из одной заграничной (немецкой; автор - некто I.G.Weisse) рецензии на неё, которые приводит Е.А.Бобров: «Достаточно удивительно, что в России могут следить за немецкою философиею новейшего времени, тогда как англичане и французы, даже сами

¹⁷⁹ Не исключаю, что и тщеславием учёного: влияния Шеллинга на Чаадаева «ещё не указаны, не перечислены, не оценены»!

¹⁸⁰ Вспомним приведённую ранее фразу БоЦзюй И: «и в нём прозвучало его время».

¹⁸¹ Ср. о Чаадаеве: «в некотором смысле принадлежит к русским шеллингианцам».

¹⁸² Он был профессором в Медико-хирургической академии в Петербурге.

¹⁸³ Бобров Е.А. Философия в России. Вып. II. – С.61. Здесь же («Заметки о Д.М. Велланском») приведена полная к тому времени библиография.

¹⁸⁴ Бобров Е.А. Философия в России. Вып. II. – С.225.

¹⁸⁵ Имею в виду характеристику натурфилософии Шеллинга, которую даёт Е.А.Бобров: Шеллинг «попытался дать, исходя из философской точки зрения, общую картину всей природы, развить взаимоотношение всех её явлений»; «рассматривать мир как органическое целое» - Е.А. Бобров. Философия в России. Вып. V. – С.79.

немцы её не понимают»¹⁸⁶. Рецензия датирована 1819 годом. А вот уже в некрологе этого «русского шеллингианца» (Д.М.Велланский умер в 1847 году) другой немец, Максимилиан Гейне, так отзывается о творчестве его: « Сам Шеллинг дал ему лестное свидетельство, что Велланского он считает одним из своих наиболее знающих и совершеннейших учеников»¹⁸⁷. И такие вот тоже вещи, вовсе, по-моему, не лишние для характеристики, «откопал» Е.А. Бобров, историк философии в России.

В V выпуске «Философии в России» Е.А.Бобров подробно (с.74-156) излагает «Физическую» теорию Д.М.Велланского», идеи основного сочинения учёного и философа « Опытная, наблюдательная и умозрительная физика» (СПб.,1831).Что здесь представлена именно «умозрительная физика» или точнее, пользуясь определением самого Д.Велланского, «философское естествознание», а не физика, какой она «обыкновенно принимается», заметил ещё автор сообщения в «Литературных новостях»¹⁸⁸ о выходе книги: «Его сочинение обнимает всю природу и, следовательно, его физике дано другое значение, а не то, в котором она обыкновенно принимается. Говорят, что философ-натуралист наш намерен здесь начала принимаемой им теории приложить к самым частным явлениям»¹⁸⁹.

Излагая «физическую» теорию Д.М.Велланского, из которой мы можем получить ясное представление и о его «философском естествознании»¹⁹⁰, и о «шеллингианском мундире» его «физики», и о вдохновляющих мотивах стремления Д.Велланского эту теорию «приложить к самым частным явлениям», Е.А.Бобров даёт собственную характеристику и натурфилософии Д.М.Велланского, и его «шеллингианства».

«Физика» (философия) из уст медика Велланского, - пишет он, - понятна лишь в связи с характеристикой всей эпохи», «эпохи увлечения медиков

¹⁸⁶ См.: Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. – С.86.

¹⁸⁷ См.: Там же. – С.87.

¹⁸⁸ Так у Е.А.Боброва. Быть может, имеется в виду газета «Новости литературы», выходившая в это время в Петербурге.

¹⁸⁹ См.: Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. – С.71.

¹⁹⁰ Тем более, если мы присовокупим сюда пояснения Д.Велланского в его письмах, которые приводит Е.А.Бобров.

натурфилософией Шеллинга»¹⁹¹, когда уже давно осознавалась недостаточность, неудовлетворённость простого накопления конкретных естественнонаучных знаний, их суммы и ощущалась потребность иметь целостную объясняющую картину, внутреннее понимание вещей. И удовлетворение этой потребности виделось в натурфилософии Шеллинга. «К развитию настоящей натурфилософской школы в медицине, - продолжает Е.Бобров, - привело только появление Шеллинга»¹⁹².

Конечно, конкретно-научные объяснения, «опытные материалы», которыми располагал и которые предлагает философ Шеллинг никак не могли удовлетворить ни медиков, ни других натуралистов. Е.А.Бобров совершенно справедливо замечает, что Шеллинг «совсем ошибался относительно объёма современного ему знания природы. Притом, он черпал свои воззрения не из основательного пользования опытным материалом, а, наоборот, влагал в последний свои идеи. Поэтому набросанная им мировая система оказалась бесплодным схематизмом с бессодержательными понятиями и аналогиями; отсюда естествоведы не могли извлечь для своих наук ничего, кроме пустых, но многообещающих фраз»¹⁹³. Отнюдь не в этой, « набросанной им мировой системе», конечно, была свежесть и мощь философии (натурфилософии) Шеллинга, вдохновляющее очарование её. А это очарование, безусловно, было. «Но при всём этом, - добавляет Е.А.Бобров, - натурфилософия Шеллинга более, чем на два десятилетия, очаровала самых замечательных учёных того времени»¹⁹⁴.

И Е.Бобров раскрывает «тайну» этого очарования, притягательной силы натурфилософии Шеллинга, в которой «самые замечательные учёные того времени» увидели удовлетворение той насущнейшей со времени повзреления науки потребности иметь целостную объясняющую картину, внутреннее понимание вещей, о которой говорилось выше. Раскрывает эту тайну в словах:

¹⁹¹ Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. V. – С.74.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же. – С.79-80.

¹⁹⁴ Там же. – С.80.

«гениальное понятие Шеллинга и его учёных последователей об всеединстве природы...»¹⁹⁵.

Конкретизируя понимание этого всеединства Д.М. Велланским, следовательно, показывая вдохновляющий мотив его шеллингианства, Е.А. Бобров разъясняет: «Познание сущности материи, однозначительной с сущностью духа человеческого, выведенное Фридрихом Шеллингом, Д.М.Велланский признаёт основательнейшим и совершеннейшим из всех сведений этого рода (в понимании материи – Ф.С.), представленных до нынешнего времени»¹⁹⁶.

А вот разъяснение самого Д.М.Велланского в одном из его писем: «Органическая природа содержится к неорганической так, как душа к телу, или идеальное существо к реальной форме. Посему без другой понять невозможно»¹⁹⁷.

И, наконец, в другом месте поясняет, в чём заключается квинтэссенция его натурфилософии: «Идеал моей Физиологии есть универс, который представлен в ней с наружной и внутренней его стороны, и которого начальный внешний вид есть огонь, а внутреннее окончательное образование составляет человек. Абсолютная идея природы, в объективной её форме, показывается огнём, а в субъективном виде, является человеком»¹⁹⁸.

Е.А.Бобров не акцентирует на этом внимание, но здесь можно мимоходом сказать, что значение Д.М.Велланского для русской философии заключается, помимо прочего, и в том, что эта мысль о всеединстве, о космизме (в смысле органическо-неорганического, природно-антропологического единства) будет в дальнейшем одной из главных в русской философии, в некоторых её направлениях, по крайней мере.

¹⁹⁵ Там же. – С.82.

¹⁹⁶ Там же. – С.119.

¹⁹⁷ См.: Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II, - С.226.

¹⁹⁸ См.: Там же. Мы здесь уклонимся от вопроса о других, помимо Шеллинга, философских влияниях на Д.М. Велланского, поскольку собственно не он, а Е.А.Бобров, как исследователь истории русской философии и культуры является предметом нашей работы.

И ещё, завершая разговор о Д.Велланском: он всё же - медик, пользуясь выражением Е.Боброва, «естествовед». Видимо, поэтому Е.А.Бобров, подчёркивая первенствующее философское влияние на него Шеллинга, который, однако, не был силён в естествознании, отмечает и влияние на него Окена¹⁹⁹: « столь сильно повлиявший на нашего Д.М.Велланского». Лоренц Окен «занимает между немецкими натурфилософами чистой воды первое место, как учёный весьма талантливый, высокообразованный и остроумный. Он был самый верный из последователей Шеллинга, но не разделял, впрочем, его богословских воззрений...Он пытался дать мыслям Шеллинга дальнейшую разработку, но избрал самостоятельный путь, идя по которому, он далеко обогнал Шеллинга, именно в силу своего несравненно лучшего и более обширного естественнонаучного образования»²⁰⁰.

Даже признавая влияние на Велланского Шеллинга «сильное» именно через Л.Окена, опосредованное влияние, при том обстоятельстве, что, как цитировалось выше, «сам Шеллинг» «Велланского считает одним из своих наиболее знающих и совершеннейших учеников», нельзя признавать это влияние исключительным, однако²⁰¹.

Значение Д.М.Велланского и других ранних русских шеллингианцев²⁰², конечно, не только в том, что они открыли русской читающей публике Шеллинга, а тем самым в некотором роде приобщили её к европейской философии, собственно говоря, значит, к философии²⁰³ вообще, причём, сразу

¹⁹⁹ Лоренц Окен (1779-1851) – профессор, немецко-швейцарский биолог, физиолог, естествоиспытатель, медик, философ.

²⁰⁰ Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.V. – С.196.

²⁰¹ Нелишним, думаю, будет заметить, что В.Зеньковский в своей «Истории русской философии», считая нужным относительно других русских шеллингианцев привести сомнения в их шеллингианстве, высказанные позднейшими исследователями, о произведениях Д.Велланского пишет, что они были «наиболее близким к оригиналу проявлением русского шеллингианства».

²⁰² Галича А.И. (С.-Пб.ун-т), Давыдова И.И., Надеждина Н.И., Павлова М.Г. (Моск. ун-т). О Галиче, впрочем, В.Зеньковский (Т.1, с.147), признавая его большое значение «в развитии философской культуры в России», говорит: «неверно – Галич не был шеллингианцем». Выражается также неуверенность («с оговорками») в шеллингианстве И.Давыдова, «эклектика по существу», который и не дал «никаких ценных плодов в смысле творчества».

²⁰³ Чаадаев в письме Шеллингу (1841/42) «выражает свою уверенность в важном значении философии Шеллинга для мира вообще и для России в особенности». – Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.IV. – С.4.

к самым животрепещущим проблемам её²⁰⁴, что с них (и Радищева), собственно, начинается самостоятельная история философской традиции у нас, но и в том, прежде всего, что, по существу, открыли ей «философскую точку зрения» на вещи, на мир, особый язык, положили начало практике философствования, философского мышления²⁰⁵. Возможно, в том числе и осознанием этого объясняется такое большое внимание Е.А. Боброва в его «Философии в России» к «русским шеллингианцам».

Конечно, влияние Д.М.Велланского, М.Г.Павлова на последующую русскую философию несравнимо, по понятным причинам, с влиянием на неё П.Я.Чаадаева, его идей, даже если, по приведённым выше словам В.Зеньковского, его, Чаадаева, конкретные решения рассмотренных им тем имели сравнительно мало сторонников. Дело просто в том, что главные темы и проблемы, занимавшие Чаадаева, составлявшие «цель всей умственной работы» его, были в последующем и главными темами, по существу, всей философии в России, большинства направлений в ней, по крайней мере, породили западников, славянофилов, почвенников, народников и т.д. Всё равно, возьмём ли мы «чистую философию» или такое своеобразно-русское проявление философии как русская литература. А именно: каков, говоря словами того же Чаадаева, «плодоносный принцип нашего особенного развития», исторического пути или, пользуясь уже выражением Радищева: кто я? что я? куда я еду? – применительно, конечно, к стране, народу, истории.

А вот натурфилософская проблематика, философия природы, эпистемологическая проблематика, связанная с наукой, познанием никогда, за редким исключением, не занимали в ней сколь-нибудь существенного значения, по крайней мере, такого же положения и влияния.

²⁰⁴ Вовсе не удивительно поэтому то, что для немецкого автора, современника Д.М.Велланского, «достаточно удивительно, что в России могут следить за немецкою философиею новейшего времени, тогда как англичане и французы, даже сами немцы её не понимают», как мы цитировали ранее.

²⁰⁵ Я имею в виду здесь, в этом отношении, «природных» русских и отвлекаюсь пока от значения в этом деле первых немецких (в основном) университетских преподавателей философии. Тем более что «поле», которое последние могли воздвигать в этом смысле, было значительно меньшим, совсем небольшим.

Тем не менее, отмеченное выше значение Д.Велланского и других шеллингианцев в истории русской философской культуры, думаю, справедливо²⁰⁶.

Возвращаясь к русским шеллингианцам в освещении Е.А.Боброва, заметим, прежде всего, следующее.

Хотя, кажется, Е.А.Бобров нигде не говорит о, так сказать, типах русских шеллингианцев, а только вообще о русских последователях Шеллинга, рассматривая в разных очерках то одного, то другого, то третьего из них, но если обобщить его материалы о «русских шеллингианцах», то становится очевидным, что мы, действительно, имеем, если так можно выразиться, разные типы русских шеллингианцев. Разные в том смысле, что они, каждый из них в отдельности, преимущественно испытали влияние разных, не одних и тех же, сторон многогранного творчества Шеллинга, имели разные, не совпадающие порой, впечатления от Шеллинга и, как следствие, имели своё понимание Шеллинга и его значения, не обязательно совпадающее с пониманием другими. Поэтому и содержание понятия «шеллингианец» у них могло не совпадать, за одной и той же формой могло скрываться разное содержание, разное понимание. В самом деле, шеллингианец, последователь философии Шеллинга П.Чаадаев ни то же самое, что Д.Велланский (или М.Г.Павлов), но и тот, и другой отличаются от шеллингианца Д.Веневитинова. В этом смысле мы можем, вероятно, говорить, пусть достаточно условно, о разных типах «русских шеллингианцев».

Впрочем, в этом нет ничего удивительного, коль мы имеем в лице одного и того же Фридриха Вильгельма Йозефа фон Шеллинга столь разных

²⁰⁶Полагаю, уместным будет привести мнение автора одного из подробных книг по истории русской философии (хотя, конечно, книги не бесспорной) – В.Зеньковского. Правда, он ограничивает значение Д.Велланского преимущественно местом в истории русского шеллингианства, что заметно 'уже нашей оценки, но, впрочем, говорит и о роли в «развитии философских идей в России»: «Значение Велланского в развитии философских идей в России *очень велико* (курсив автора – Ф.С.). Если непосредственное влияние его не было значительно, то..все признавали Велланского главой русских шеллингианцев...Во всяком случае, в русском шеллингианстве, которое было чрезвычайно плодотворным для русской философской мысли, Велланскому принадлежит по праву *первое место*». – В.В.Зеньковский. История русской философии. В 2-х томах.. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004. – Т.1. –С.146.

философов Шеллингов, как, например, Шеллинга периода его натурфилософии и Шеллинга периода «философии откровения».

Заслуженно немалое место в бобровском изложении творчества «русских шеллингианцев» принадлежит Павлову Михаилу Григорьевичу(1793-1840), знаменитому профессору минералогии, сельского хозяйства и физики Московского университета, «одному из виднейших ранних шеллингианцев»²⁰⁷.

Разумеется, Е.А.Бобров не первый, кто отмечает выдающееся значение М.Г.Павлова в популяризации философии, в приобщении к ней, в особенности к германской, мыслящей молодёжи, в интеллектуальном и нравственном влиянии на неё. Известно высказывание на этот счёт А.И.Герцена: «Германская философия была привита Московскому университету М.Г.Павловым...Павлов преподавал введение в философию вместо физики и сельского хозяйства»²⁰⁸.

Александр Иванович Герцен говорит об огромном общественно-культурном, просветительском значении деятельности профессора М.Павлова, притягательной и прямо-таки вдохновляющей и очаровывающей силе личности его. Е.А.Бобров тоже подчёркивает это и даже ещё более выразительно и сильнее, чем делает автор книги «Былое и думы». Он пишет, например: «И все почти виднейшие деятели русской цивилизации тридцатых и сороковых годов сидели у ног Павлова, внимая его поучениям».

В связи с этим, в том числе, он специально останавливается на вопросе о Павлове-педагоге. Верный своему обыкновению исследовать малоизученные

²⁰⁷Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. – С.106. В.Зеньковский в «Истории русской философии» к своему небольшому (в1/2 страницы) сообщению о М.Г.Павлове делает примечание: «Шпет считает Павлова шеллингианцем лишь приблизительно, Сакулин [Из истории русского идеализма. Кн.В.Ф.Одоевский. – М.,1913.Т.1,ч.1] пишет: «Мы можем считать Павлова шеллингианцем или, точнее, - окенианцем лишь с весьма существенными оговорками». – В.Зеньковский. История русской философии. Т.1. – С.149. Впрочем, сам В.Зеньковский считает М.Г.Павлова «горячим и искренним шеллингианцем» (Т.1, с.150).

²⁰⁸ Вот более пространное сообщение Герцена: «Физике было мудрено научиться на его лекциях, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павлов стоял в дверях физико-математического отделения и останавливал студента вопросом: «Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?» - См.: Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. – С.115. Впрочем, справедливости ради, скажем, что не во всём в этой оценке, видимо, можно было согласиться с Герценом. «Едва ли можно было согласиться, вслед за Герценом, что научиться сельскому хозяйству по этому курсу «невозможно», - пишет исследователь культуры той эпохи К.П.Архангельский. – Для тогдашнего времени это была едва ли не единственная книга, подходящая к своему предмету с научной точки зрения» - Архангельский К.П. Н.В.Станкевич//Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1930. – Т.I (XIV). Общественно-политический. – С.128.

аспекты вопроса, о чём уже было сказано в самом начале данной работы, Е.А. Бобров пишет очерк «Ученики М.Г.Павлова»²⁰⁹. «Был любимым и влиятельный учитель»²¹⁰, - пишет он. Любопытно прочитать, помня отзыв Герцена о Павлове-преподавателе физики и сельского хозяйства, как он выстраивал свои занятия по философии. «Павлов серьёзно, - сообщает Е.Бобров, - почти благоговейно смотрел на философию. И, избегая её профанировать в несистематических разговорах, считал возможным излагать её лишь в строго-научных рамках лекции или статьи»²¹¹.

И действительно: «Павлов горячо работал для распространения шеллинговой философии как в университете, так и среди читателей»²¹². Причём, видимо, именно его лекции, устные выступления сыграли основную роль в том, что он, как скажет Е.Бобров, «привил московской интеллигенции шеллингову философию», в том, какую большую роль сыграл у нас М.Г.Павлов в популяризации философии, в пробуждении философских интересов среди жаждущих мыслить молодых людей.

Что касается его сочинений²¹³, то, если они и не имели, по понятным причинам, такой силы воздействия как его лекции²¹⁴, но и в смысле «укоренения» у нас философии, и в отношении развития философских идей, философской культуры значение их велико. «Они до сих пор, - пишет Е.А.Бобров, - по меткости, краткости и выразительности языка могут считаться образцом философского стиля»²¹⁵. И ещё: «С логической и философской стороны сочинения Павлова безукоризненны»²¹⁶.

²⁰⁹Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.IV. – Казань,1901. – С.18-98.

²¹⁰ Там же. – С.19. Воспоминания студентов о Павлове-учителе Е.А.Бобров приводит также в другой работе, посвящённой ему, – «Натурфилософия М.Г.Павлова» во втором выпуске «Философии в России».

²¹¹ Там же. – С.31.

²¹²Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.II. – С.111. В.Зеньковский также пишет: Павлов «очень скоро приобрёл чрезвычайную популярность не только среди студентов разных факультетов, но и среди широких кругов русского общества» - В.Зеньковский. История русской философии.Т.1. – С.148.

²¹³ Основные работы: «Различие между изящным искусством и науками», «Общий чертёж наук», «О способах исследования природы», наконец, «сочинение, которое доставило ему наибольшую известность», - «Основания физики».

²¹⁴ Ведь и сегодня это справедливо в отношении любого талантливого философа и притом талантливого, увлечённого лектора и преподавателя.

²¹⁵Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.II. – С.125.

²¹⁶ Там же. – С.191.

В большом очерке «Натурфилософия М.Г.Павлова» (с.106-219 второго выпуска «Философии в России») Е.А.Бобров подробно излагает содержание статьи М.Павлова «Различие между изящным искусством и науками» (с.129-133 сборника), некоторых других его работ и, в особенности, содержание основного сочинения, как он пишет, «родоначальника шеллинговой философии в России» «Основания физики» (с.149-190 сборника).

Как и в случае с Д.М.Велланским (а, по большей части, и с Радищевым) здесь Е. Бобров преимущественно ограничивается подробным изложением содержания трудов рассматриваемых им авторов, не вдаваясь в детальный анализ²¹⁷ ни общефилософских взглядов их, ни воззрений по отдельным (или кардинальным) философским проблемам²¹⁸, делая только общие заключения относительно этих воззрений и их философского или общекультурного значения.

Видимо, это вполне оправданно и отвечает задачам «материалов, исследований и заметок», которые и представляют собой сборники Е.А.Боброва «Философия в России», учитывая следующее.

На одном из интернетовских сайтов о М.Г.Павлове сказано: «замечательный, несправедливо забытый русский учёный»²¹⁹. У нас речь идёт о М.Г. Павлове-философе, натурфилософе, точнее, а не учёном, о Павлове в контексте «философии в России». Его «Основания физики» - сочинение натурфилософское, а не физика в «привычном понимании» (как и «Физика» Д.М. Велланского). И если он на самом деле забыт как автор «Физики», то вполне возможно «справедливо». Но его значение, как это и явствует из работы Е.А.Боброва, в истории русской культуры, русского культурно-исторического пространства совсем в другом: в общественном смысле – в стремлении «будить мысль», в историко-философском – в открытии (наряду с другими его современниками) «мира философии», в частности, столь нужного тогда взгляда

²¹⁷ Чем его некоторые (не все - см. следующее примечание) историко-философские работы по русской философии отличаются, скажем, от исследований Г.Шпета или В.Зеньковского.

²¹⁸ Не так, однако, в отношении своих любимых авторов, А.Козлова и Г.Тейхмюллера.

²¹⁹ y.10k.ru>articles/descr363952.html

на природу, на мир как на целое, как на всеединство, как на внутренне-живое и развивающееся, что и было тогда возможно только в рамках «философского естествознания», то есть натурфилософии²²⁰ при всех её недостатках, с точки зрения естественнонаучного знания. Ведь вовсе не случайно, что «натурфилософия Шеллинга более чем на два десятилетия, очаровала самых замечательных учёных того времени», не только русских, между прочим, но и европейских (этих, может, быть, в первую очередь), среди которых немало тех (физиков, в том числе), о ком не скажешь, что они являются «незаслуженно забытыми».

Однако и в этом отношении М.Г.Павлов ко времени обращения Е.А.Боброва к его творчеству и значению в истории русского просвещения, то есть к рубежу XIX-XX веков, видимо, был близок к тому, чтобы быть «незаслуженно забытым». Так, если судить по ссылкам на литературу в книге В.В.Зеньковского (в части, посвящённой М.Г.Павлову), вышедшей в 1948 году (а он, судя по всему, пользовался большей частью дореволюционной литературы), то видно, сколь ничтожна по объёму эта литература. Причём, важно: сборник Е.А.Боброва почти всегда (хронологически) стоит в начале этого списка (это относится и к Д.Велланскому). А уж тем более не приходится говорить о знакомстве тогдашней, даже просвещённой в области философии, публики с работами М.Г.Павлова, по всей вероятности, давно подзабытыми²²¹. Что, вполне возможно, ревнителю русской культуры, исследователю «философии в России» и её знатоку Е.А.Боброву могло казаться несправедливым.

Поэтому задача даже просто напомнить читающей публике, молодому поколению о творчестве М.Г.Павлова (и Д.М.Велланского) и о его значении в истории «философии в России» выглядела вполне понятной и оправданной. Отсюда, видимо, и манера этого ознакомления, принятая в сборниках, – подробное изложение содержания работ. Более поздние авторы, Г.Шпет,

²²⁰ А не физики с её пристальным, возведённым в абсолют, вниманием к частностям, аспектам, явлениям.

²²¹ И скорее всего, не переиздававшимися со времён прижизненных публикаций авторов.

например, могли позволить себе уже «академическо-философский» анализ (при всей небесспорности этого анализа – В.Зеньковский по поводу анализа творчества Д.Велланского Г.Шпетом даже так пишет: «Шпет грубо говорит...»).

В силу сказанного трудно сколь-нибудь определённо высказаться относительно аналитики Е.А.Боброва в его изложении содержания павловских работ (как и работ Д. Велланского ранее) в отличие, например, от той части работы о Радищеве, в которой профессор аргументирует свою точку зрения в вопросе об «идентификации» философской принадлежности Александра Николаевича Радищева.

Что касается бобровского заключения относительно философской принадлежности М.Г.Павлова и его значения в истории философской культуры России, то оно следующее. «Философские принципы, даваемые Павловым, - пишет он, - состояли в натурфилософии шеллингова направления, которую он первый вывез в Москву»²²². И далее особенно важно: «Он привил московской интеллигенции шеллингову философию и в силу особенности своей натуры...сумел расширить это умственное влияние до общерусского направления»²²³.

М.Г.Павлов, как и Д.М.Велланский, принадлежат, если так можно выразиться, к тому крылу русского шеллингианства, которое можно назвать натурфилософским. Однако этим не исчерпывается его содержание.

Ранее я говорил о том, что условно можно выделить, обобщая материалы Е.А.Боброва о русских шеллингианцах, несколько «типов» их. Критерием различения, видимо, можно рассматривать то, к какой части шеллинговой философии русские мыслители более всего примыкают, отдают предпочтение, какая часть её в их глазах, прежде всего, ассоциируется с именем немецкого философа: натурфилософия, «философия откровения» или, скажем, философия искусства, эстетические воззрения Шеллинга.

²²²Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. – С.214.

²²³ Там же. – С.219.

Мы видели, что такое Шеллинг для Велланского и Павлова. Чаадаева же (ещё один «тип» шеллингианца) вдохновлял, как мы видели, совсем другой Шеллинг. Сошлёмся на одно место из письма П.Чаадаева Шеллингу. Хотя оно пространное, но очень характерное для чаадаевского восприятия Шеллинга, а поэтому заслуживает того, чтобы привести его полностью. В письме, датированным 1832 годом, Чаадаев пишет Шеллингу: «Сколь счастлив я был, узнав, что наиглубочайший мыслитель нашего времени дошёл до этой великой идеи слить воедино философию с религиею. С первого момента, когда начинал я философствовать, эта идея явилась мне, как огонь маяка и цель всей моей умственной работы... И по мере того, как я подвигался в размышлении вперёд, я уверялся, что здесь же и величайший интерес человечества»²²⁴.

И, до некоторой степени, к другому, ещё к одному, можно сказать, «эстетическому шеллингианству»,²²⁵ принадлежит Д.В.Веневитинов, которому также посвящено несколько работ Е.А.Боброва как в сборниках «Философия в России», так и в других сборниках. Хотя у него весьма заметно и другое – прославление науки. Об этом гениальном юноше, поэте и мыслителе, профессор Е.А.Бобров пишет особенно тепло.

Но прежде обратим внимание на очень важное замечание Е.А.Боброва о значении первых философских кружков для истории философии в России.

Приведём еще раз уже цитированные ранее суждения профессора Е.А.Боброва о том, как происходило становление философии и философской культуры в России. «Развитие философии в России, - пишет он, - как известно, текло по двум руслам. С одной стороны, существовала школьная философия,

²²⁴См.: Бобров Е.А.. Философия в России. Вып.IV. – С.5.

²²⁵ Немецкая эстетика рассматриваемого периода могла быть только «метафизической эстетикой», родом философии. Замечательный разбор её и вышуклую характеристику даёт ещё один представитель казанской «университетской философии» - А.И.Смирнов в работе «Эстетика, как наука о прекрасном в природе и искусстве. Университетские чтения». Вот несколько его характерных суждений. «Эстетика сделалась одним из важнейших предметов философской спекуляции этого времени»; «отличительный признак немецкой эстетики этого периода, от Канта до Гегеля и его последователей включительно, это – её метафизический характер»; «наука об изящном рассматривалась, как одна из соподчинённых частей метафизики»; «метафизическая метода целиком переносилась и на факты эстетической жизни»; «эстетика Гегеля представляет наиболее зрелый плод всего спекулятивного развития немецкой философии Нового времени. Она содержит в себе много совершенно новых и гениальных воззрений на искусство» - Смирнов А.И.. Эстетика, как наука о прекрасном в природе и искусстве. Университетские чтения/Смирнов А.И. – Казань, 1894. – Отдел 1. – С.13-14;14;14;15;15.

которая преподавалась в университетах, гимназиях, духовных академиях и семинариях. Философские направления, находившие себе место в этом русле, были схоластика, вольфианство и различные оттенки универсализма. Эта школьная философия была безжизненная и оставалась почти без всякого отклика и влияния на общество, была искусственным насаждением и служила лишь практическим целям обучения и воспитания. Представители этого течения философии в России зачастую не были даже специалистами...они были чиновниками.

С другой стороны, были философские направления, которые время от времени увлекали собою...почти всю русскую интеллигенцию. Такую роль философии всех образованных играли в XVIII веке материализм («вольтерианство»), а также мистики и франкмасонство; во 2 половине 19 века то же самое значили материализм, социализм, позитивизм, спиритизм». Это то, что мы уже цитировали.

Далее профессор Е.А.Бобров продолжает: «Хотя представители подобных направлений и появлялись иногда на кафедрах, но, в общем, перечисленные мировоззрения принадлежали к тем, которые изгоняли из школы. Главным орудием пропаганды этой нешкольной философии служила не кафедра, а понятное слово и аффилиация личных знакомых в кружки.

В истории философии эти кружки играют важную роль»²²⁶. «Одним из первых кружков, - сообщает профессор, - был московский кружок последователей философии Шеллинга»²²⁷.

Значение этих кружков Е.А.Бобров рассматривает мимоходом в нескольких публикациях, помещённых в сборниках «Философия в России», но посвящает им и отдельный очерк «К истории философских кружков» в пятом выпуске своей «Философии в России».

«Умственное движение в России 19 века подготовлялось и развивалось в многочисленных кружках, - пишет он здесь. – Особенно важную роль в

²²⁶Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. – С.2.

²²⁷ Там же. – С.3.

истории русской мысли сыграли московские кружки 20-40 годов»²²⁸. И далее говорит о кружках Веневитинова, Станкевича, кружке философствующих славянофилов, кружке Немчинова (А.Н.Островский, А.Григорьев). Материал в основном носит фактологический характер и составлен на основе воспоминаний членов этих кружков: А.И.Кошелёва, К.С.Аксакова, Ю.Ф.Самарина и других. В этом же сборнике (Приложение, с.181-189) специально говорится об И.В.Киреевском (в основном по воспоминаниям А.И.Кошелёва). «Он много занимался и философиею, и патристикою, и сам немало мыслил о философских материях»²²⁹, - замечает профессор.

О московском кружке шеллингианцев (М.Погодин, И.Киреевский, В.Одоевский и др.) Е.А.Бобров в очерке «Философские произведения Д.В.Веневитинова» специально подчёркивает: «Первая на Руси по времени философская компания»²³⁰. И действительно, эти кружки (плюс Радищев и Чаадаев) и были тогда тем, что можно было бы назвать русской философией, точнее, философией в России²³¹, так как то, что позднее будут называть русской философией, именно в этих кружках 20-40 годов 19 века и начинало созревать.

Виднейшее место в этом начальном движении принадлежало «поэту, литературному критику, мыслителю-философу» Дмитрию Владимировичу Веневитинову (1805-1827).

Е.А.Бобров рассматривает некоторые работы (излагает содержание) Д.Веневитинова: «Скульптура, живопись и музыка», «Беседа Платона с Анаксагором» (в форме диалога) и др. И вот вывод, который говорит о характере шеллингианства Д.Веневитинова: «Характеристичен навеянный изучением Шеллинга взгляд на философию, как на нечто поэтическое»²³². «Философия есть высшая поэзия», - убеждён был Д.Веневитинов. И в этом

²²⁸Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. V. – С.157.

²²⁹ Там же. – С.181.

²³⁰Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. – С. 4.

²³¹ Философией в настоящем, то есть в европейском понимании этого слова, а не в смысле «философия в Древней Руси», которая есть не более как переложения восточной патристики или православного богословия, в лучшем случае, византийского исихазма.

²³²Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. – С.8.

смысле она представляла для него коренное единство деятельности рассудка и воображения.

Но вместе с тем, продолжает характеризовать воззрения Д.Веневитинова Е.А.Бобров, поэта и мыслителя чрезвычайно занимал вопрос: «может ли быть наука, называемая философией, и как она родилась» (Д.Веневитинов). Этой проблеме посвящена работа Д.Веневитинова «Письмо к графине NN», о которой профессор Е.Бобров говорит, что «это письмо является одной из лучших философских статей на русском языке до настоящего времени».²³³ Московский шеллингианец решает этот вопрос в том духе, что философия есть наука наук, имеющая своим предметом общее всем наукам, то есть общую их форму, общее содержание – познавательную способность духа.

Но Веневитинов не просто мыслитель, «герой мыслящего разума», говоря словами Гегеля, он - поэт, он – «инженер человеческих душ». «Он твёрдо верит, - пишет Е.Бобров, - что наука и её развитие идёт рука об руку с расширением нравственной свободы и приближением блаженной эпохи всеобщего счастья, нового золотого века»²³⁴.

Крайне интересными являются здесь и характеристика русской литературы, даваемая Д.Веневитиновым, и суждения профессора Е.А.Боброва о «характере наших журналов» и их отличии от западных. Это очень точные замечания. Ни то, ни другое нисколько не потеряло своего значения до сих пор и вообще-то отличает нашу «национальную идею» от «их».

Из следующих наблюдений понятно, о чём идёт речь. «Принципиальный, пропагандистский характер наших журналов, конечно, стоит в общей связи с общим дидактическим характером нашей русской литературы, стремящейся всегда быть впереди общества и стать для него проповедницею и указательницей «путей лучших». «История русской литературы новейшего периода заключается, преимущественно, в истории журналов и их взаимных

²³³ Там же. – С.16.

²³⁴ Там же. – С.17.

отношений: ибо вокруг редакции каждого журнала и группировались (литературные представители - Ф.С.) известного лагеря»²³⁵.

Отмечая отличие наших журналов от «их» (носят «коммерческий характер»), Е.Бобров подчёркивает, что « у нас» они являются « органами выражения известной системы принципов»²³⁶, а борьба между ними «была, в сущности, выражением происходившей в обществе борьбы различных умственных течений».²³⁷

Если не знать, кому принадлежат эти слова, можно было бы подумать, что они взяты из советской истории русской литературы и журналистики. Впрочем, в отношении подобной оценки мы видим преемственность в истории всего отечественного литературоведения.

Ещё одно замечание Е.А.Боброва в его разборе творчества Д.Веневитинова заслуживает того, чтобы на него обратить внимание.

Профессор говорит, что этот юноша первым старается разрешить «непосильную задачу об отношениях России и русских к Западу».²³⁸ Таким образом, русское шеллингианство хотя бы вот в этой точке выходило за узкие рамки следования «величайшему мыслителю нашего времени» (Чаадаев), а было оно, шеллингианство, для него в значительной мере платформой, философской подготовкой для размышлений о том, что волновало этих юношей более всего – судьбе Отечества.

И здесь мы можем вновь повторить то, что уже сказали ранее. Время Д.Веневитинова и других наших первых «любомудров» есть время первых плодов самостоятельного философского творчества, плодов, свидетельствующих о пытливости русского философствующего ума, благодарности своим учителям – германским философам, - но и о его нежелании довольствоваться только «задами», пусть и великой, немецкой философией, его претензиях (заявленных с первых шагов обретения

²³⁵ Там же. – С.11.

²³⁶ Достаточно сослаться на такие ведущие журналы того времени самых разных направлений, как «Отечественные Записки», «Современник», «Русское слово», «Дело», «Слово» и др.

²³⁷ Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. – С.11.

²³⁸ Там же. – С.14.

философского гражданства») на собственное и «родное» видение мира идей, который открывается ключом философии, видение, которое могло бы стать, говоря словами Чаадаева, «плодоносным принципом нашего особенного развития».

Проблема, терзавшая юный ум Д.Веневитинова, формировавшаяся именно в это время, станет далее, по существу, важнейшей проблемой русской философии. Ответ, который он даёт, не будет похож ни на славянофильский, ни на ответ западников: он «находит единственно верную разгадку – учиться у Запада, чтобы догнать его»²³⁹.

Д.Веневитинову посвящён также очерк «Поэзия Д.В.Веневитинова в связи с его жизнью» в сочинении Е.А.Боброва «Материалы, исследования и заметки по истории русской литературы и просвещения в XVIII и XIX столетиях».

Это не литературно-критический анализ поэзии Д.Веневитинова и с этой стороны особого интереса не представляет. Это простые художественные оценки ряда стихотворений поэта, подобно таким: стих гладок, стих блестящ и т.д. Нет рефлексии по поводу этой поэзии, но в основном указания на настроение поэта, его реакции на собеседника и т.п., вроде: поэт сказал...ответил...советует...утешает.. .

Из очерка мы разве что узнаём, что Веневитинов «о французской философии и эстетике всегда был низкого мнения»²⁴⁰, что, впрочем, не удивительно для шеллингианца, если вспомним о той характеристике немецкой эстетики, которую мы, со ссылкой на А.И.Смирнова, привели выше в одном из примечаний; что «Платон оставался его любимцем», а Гёте – «любимейшим писателем», что он не был свободен от «мистических размышлений о преопределении»²⁴¹.

²³⁹ Там же. – С.15.

²⁴⁰ Е.А.Бобров. Материалы, исследования и заметки по истории русской литературы и просвещения в XVIII-XIX столетиях. – Б.г., б.м. (шифр книги в Научной библиотеке КФУ:В-93055). – С.10.

²⁴¹ Там же. – С.73.

Но одно стихотворение из числа приводимых Е.А.Бобровым не можем не представить здесь: помимо всего прочего, что можно из него извлечь, оно очень точно передаёт то вневитиново понимание коренного единства рассудка и воображения, каковым и является философия, рассматриваемая как высшая поэзия.

Блажен, блажен, кто в полдень жизни

И на закате ясных лет

Ещё в фантазии живёт;

Кто сочетает с сединой

Воображенье молодое

И разум с пламенной душой.

Как мне показалось, Дмитрий Владимирович Вневитинов был для Е.Боброва одним из любимейших «персонажей» русской литературы, и он полагал, что этому гениальному юноше всё же удалось кое-что разглядеть из того, что не всем людям доступно²⁴², ибо

Природа не для всех людей

Покров свой тайный поднимает.

С некоторой грустью, но, кажется, и не без любования поэтом и мыслителем Е.А.Бобров заканчивает свой очерк «Философские произведения Д.В.Вневитинова» словами: « С довольно большим основанием можно бы ожидать от него громадного влияния на ход нашей литературы. Быть может, он предвосхитил бы значение Белинского»²⁴³.

Если оставить пока в стороне тех представителей философии в России, о которых речь пойдёт позже, в отдельной главе, посвящённой «университетской философии», то мы, следуя материалам Е.А.Боброва, должны переместиться во вторую половину XIX века. Причём рассмотреть не

²⁴² Высокое отношение к Д.Вневитинову было у многих его современников. «Один только Вневитинов, - писал В.Г.Белинский, - мог согласить мысль с чувством, идею с формулю». Такого же мнения о нём был Н.В. Станкевич. «У Вневитинова, - говорил Киреевский, - каждое чувство освещено мыслью, каждая его мысль согрета чувством». - См.: Архангельский К.П. Н.В. Станкевич//Известия Северо-Кавказского государственного университета. - 1930. - Т. I (XIV). - С.144.

²⁴³Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. - С.18.

просто любимейших авторов профессора из философской истории России, которым он уделяет много внимания в разных своих работах, но единомышленников его, как было уже сказано ранее, – А.А.Козлова и Г.Тейхмюллера, его непосредственного учителя²⁴⁴.

Им обоим посвящён уже первый выпуск «Философии в России»²⁴⁵. О Козлове А.А. профессор говорит и в других материалах этого своего труда, кроме того и о том, и о другом – в ряде своих сочинений, в том числе чисто философского характера, основные из которых были названы ранее.

Алексей Александрович Козлов (1831-1901), профессор Киевского университета, издатель первого в России философского журнала «Философский Трёхмесячник» и родоначальник «панпсихизма», российской разновидности субъективного идеализма, был весьма известным в соответствующих кругах профессором философии последних десятилетий XIX века²⁴⁶, много публиковался²⁴⁷, вступал в дискуссии, о нём тоже немало писали, в том числе критически²⁴⁸.

Со взглядами А.Козлова, приверженцем которых, как мы видели, Е.А.Бобров себя объявляет, в целом, мы уже знакомы²⁴⁹, поэтому далее рассмотрим только оценки этих взглядов Е.Бобровым, оценку им значения и места киевского профессора в истории философии в России.

А.Козлову посвящён очерк «Жизнь и труды А.А.Козлова» в первом выпуске «Философии в России», во втором выпуске – «О сочинениях

²⁴⁴ «Изо всех чисто русских специалистов по философии, я – единственный личный ученик Тейхмюллера». – Бобров Е.А. Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Вып. I /Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1899. – С.26.

²⁴⁵ См. выше.

²⁴⁶ «Бесспорно, замечательнейший из современных русских философов», по словам Е.А.Боброва: Бобров Е.А.. О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование/ Бобров Е.А. – Юрьев: Печатня К.А.Германа, 1894. – С.3.

²⁴⁷ Помимо монографий, также и в общероссийских журналах. Так, в журнале «Вопросы философии и психологии», этой общероссийской философской трибуне, в 90-е годы он почти каждый год публикует большую работу. Скажем, в 1892, 93, 94,95 годах журнал печатает работы А.Козлова самого разного характера: «Густав Тейхмюллер», «Анализ последнего произведения гр. Л.Н.Толстого «Хозяин и работник», «Французский позитивизм», «Позитивизм Конта», «П.Е.Астафьев, как философ», «Теория искусства с точки зрения Тейхмюллера».

²⁴⁸ См., например: Лосский Н.О. Козлов и его панпсихизм// Вопросы философии и психологии. – М.,1901 – Год XII, кн. 58(III). – С.183-206.

²⁴⁹ См. раздел «О главнейших философских направлениях и о себе» данной работы. В современной литературе о Козлове А.А. немного. См., например: Ивлева М.И. Взгляды Козлова А.А. и их значение в российской философской культуре//Социальные и гуманитарные знания. – 2009. - №5. – С.212-222.

А.А.Козлова», его взгляды рассматриваются в сочинениях Е.А.Боброва «О понятии бытия. Учение Г.Тейхмюллера и А.А.Козлова», «О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование», «О главнейших философских направлениях», «Из истории критического индивидуализма», «Этические воззрения графа Л.Н.Толстого и философская их критика» и ряде других.

О Козлове А.А. есть материалы у В.Зеньковского и других известных авторов произведений по истории русской философии.²⁵⁰ Так, В.В.Зеньковский пишет, что в лице А.А.Козлова мы имеем «первого яркого представителя философского персонализма (в духе Лейбница) в России, а через Козлова возрождение лейбницианства широко распространилось в русской философии».²⁵¹ Но самым ранним источником по А.Козлову, на который ссылается В.Зеньковский, является названная выше в примечании статья Н.Лосского «Козлов и его панпсихизм», вышедшая в «Вопросах философии и психологии» в 1901 году.²⁵² И хотя в очерке о Козлове Е.А.Бобров и упоминается (как ученик Г.Тейхмюллера), однако, упоминаний его работ о Козлове, как ни странно, у В.Зеньковского вовсе нет, а между тем, видимо, они - наиболее ранние, специально посвящённые А.А. Козлову, в том числе его биографии²⁵³.

В статье «Жизнь и труды А.А.Козлова»²⁵⁴ Е.А. Бобров излагает основные вехи жизни и творческой биографии киевского профессора философии, пишет о философских увлечениях А.Козлова (Фейербах, позитивизм) и влияниях, испытанных им (особенно сильное – Шопенгауэра), говорит, что первым оригинальным сочинением его были «Философские этюды» (1876), излагает содержание других его ранних работ, в том числе, сочинения, направленного

²⁵⁰ Названных ранее, на первых страницах данной работы.

²⁵¹ Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х томах/Зеньковский В.В. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004. – Т.2. – С.194.

²⁵² Он также называет книгу сына Козлова С.А. Аскольдова «А.А. Козлов» (М.,1912) и статью Райнова «Лейбниц в русской философии второй половины XIX века», напечатанную в «Вестнике Европы» (1916, XII).

²⁵³ Первый сборник «Философии в России» с помещённой в нём статьёй «Жизнь и труды А.А.Козлова» вышел в 1899 году, а в «Учёных записках Казанского университета» эта работа вышла годом раньше. В.В.Зеньковскому, судя по тексту его книги, «Философия в России» Е.А.Боброва была известна; он несколько раз на неё даже ссылается. Книга «О понятии искусства» Е.А.Боброва, в которой анализируются взгляды А.Козлова, вышла ещё в 1894 году.

²⁵⁴ Она занимает 24 страницы сборника.

против Е.Дюринга.²⁵⁵ Между прочим, сообщает, что «специальное значение теоретической деятельности Дюринга лежит в попытке представить социализм в качестве полного и единого мировоззрения»²⁵⁶. Этот случай, кстати, позволяет напомнить тот, вообще-то, тривиальный факт, что критика критике рознь и что между двумя авторами, критикующего третьего, одного и того же, может и не быть ничего общего. Так, если А.Козлову, расправляющемуся здесь, видимо, с былыми своими социалистическими увлечениями несостоятельной кажется сама эта попытка, непродуктивная изначально, то Ф.Энгельс в своей критике Е.Дюринга показывает несостоятельность притязаний Дюринга за таковую представить именно его собственные взгляды и понимание вещей.

А.Козлов, как показывает Е.А.Бобров, решительно расправляется ещё с одним из своих былых увлечений – с позитивизмом, в частности, в лице его русских представителей. Так, он даёт «уничтожающую критику» на труд своего московского коллеги профессора университета М.М.Троицкого «Наука о духе»²⁵⁷.

Особо останавливается автор «Философии в России» на том, что А.Козлов «совершает первый на Руси опыт чисто философского специального журнала «Философский Трёхмесячник»²⁵⁸ (вышло 4 тетради). Впрочем, он, кажется, особого успеха не имел. Как, впрочем, и все предшествующие попытки выпускать издания с серьёзным философским содержанием, например (во времена Д.В.Веневитинова), журнал «Московские вести» (ред.М.Погодин). Сам Е.А.Бобров неуспех подобных мероприятий объясняет «чересчур серьёзным философским направлением журнала» (М.Погодина). «Для серьёзного чтения тогдашняя Россия, в общем, не созрела, - справедливо заключает он. - Философия сосредотачивалась в небольших, тесных кружках

²⁵⁵ Оно называлось «Философия действительности».

²⁵⁶Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.І. – С.12.

²⁵⁷ См.: Там же. – С.14.

²⁵⁸ Там же. – С.15.

особенно даровитых людей»²⁵⁹. Вспомним, что ещё и в 90-е годы А.А.Козлов жаловался: «В нашем Отечестве интерес к философским наукам столь слаб».

А.Козлов был не только издателем журнала, но и автором (кажется, единственным) опубликованных здесь материалов, которые важны, прежде всего, в том отношении, что показывают, как эволюционировали взгляды философа. Обобщая в этом смысле анализ опубликованных здесь работ А.Козлова, Е.А.Бобров делает вывод: «Удалившись от Канта²⁶⁰ и Шопенгауэра, он сделался приверженцем той философии, которая была основана на Лейбнице, и которую Козлов называет панпсихизмом (по-моему названию, – критический индивидуализм)»²⁶¹. Лучшим представителем «этого направления в современной Европе» он называет Г.Тейхмюллера.

В сборнике «Своё Слово» (5 книг), к выпуску которого А.Козлов приступает через 2 года после «Философского Трёхмесячника»²⁶², он уже полно излагает «сущность своих собственных философских воззрений»²⁶³ (в форме диалога «Беседы с Петербургским Сократом»).

В, целом, характеризуя принципиальное направление «Своего Слова», Е.А.Бобров заключает: «Полемика и борьба «с направлениями, враждебными направлению «Своего Слова», именно с позитивизмом и обыкновенно тесно с ним связанным материализмом»²⁶⁴.

Прежде, чем сказать об основных положениях, выражающих «сущность философских воззрений» А.Козлова, скажем несколько о бобровской характеристике диалогов, в форме которых, как уже знаем, и представлена эта «сущность».

«Диалоги эти, - пишет профессор, - не только могут претендовать на звание строго философских произведений, но и смело могут быть причислены к

²⁵⁹Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. II. – С.16.

²⁶⁰ Диссертация на доктора философии, после защиты которой А.А.Козлов стал ординарным профессором, называлась «Генезис теории пространства и времени у Канта».

²⁶¹Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. I. – С.15.

²⁶² Издавал с 1885 по 1887 годы.

²⁶³Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. I. – С.16.

²⁶⁴ Там же. – С.17.

художественным диалогам»²⁶⁵. И «неоценимыми свойствами» их называет популярность изложения и критическую обоснованность.

Уместно привести названия глав одной работы А.Козлова, которые дают представление о главнейших философских направлениях в тогдашней России из «уст» знатока и «субъекта» этих направлений. В 5 сборнике «Своего Слова» А.Козлов публикует «Мысли о некоторых философских направлениях, преобладающих в современной русской литературе». Названия глав следующие: материализм экономический; материализм научный; дуализм и позитивизм; идеализм; панпсихизм.

Последняя глава называется так: «Настоящее положение панпсихизма – истинного преемника идеализма в развитии философского знания». И вот здесь Е.А.Бобров, в основном разделяющий позицию А.Козлова («персонализм»²⁶⁶), суть которой он чётко излагает в словах: «критицизм окончательно развенчивает иллюзию проекций. И первичные качества оказываются собственностью самого разума. Ни одно свойство не остаётся за внешним миром»²⁶⁷, расходится со своим кумиром. В том, как ясно, что А.Козлов считает «панпсихизм истинным преемником *идеализма* (курсив мой – Ф.С.)». По мнению Е.А.Боброва, это не может быть хорошей характеристикой «панпсихизма», этого единственно истинного философского мировоззрения, учитывая то, как он оценивает идеализм, или универсализм²⁶⁸, по выражению Е.А.Боброва²⁶⁹.

«Я не разделяю, - пишет он, - его ошибок. А именно: идеализм не может дать переход от общей идеи к единичным вещам; идеализм не может представить обещанного вывода материального принципа из духовного»²⁷⁰.

Однако, полагаю, дело не в этом. Кажется, Е.Бобров хочет быть более последовательным в своих философских позициях, даже формально. И более

²⁶⁵ Там же. – С.20.

²⁶⁶ «Я исповедаю», - пишет он.

²⁶⁷ Е.А.Бобров. О понятии искусства. – С.33.

²⁶⁸ То есть объективный идеализм.

²⁶⁹ См. раздел «О главнейших философских направлениях и себе» данной работы.

²⁷⁰ Е.А.Бобров. О понятии искусства. – С.7-8.

воинственным. Он, видимо, прав в этом терминологическом споре; и в его, может быть, интуитивном неприятии «идеализма» (объективного) скрывается также интуитивное понимание того, что Ленин подметил в особенностях идеализма Аристотеля по сравнению с платоновским: аристотелевский идеализм «объективнее и отделеннее, общее, чем идеализм Платона, а потому в натурфилософии чаще=материализму».

Суть позиции А.А.Козлова, действительно, – субъективный идеализм (прикрываемый ли словом «панпсихизм» или «критический индивидуализм»), и Е.А.Бобров хорошо излагает её в работе «О понятии бытия. Учение Г.Тейхмюллера и А.А.Козлова». Мы показали основания этой позиции ранее, поэтому не будем повторяться, только приведём одно суждение Е.А.Боброва, выражающее его философское credo как представителя этого «философского направления» в «современной русской литературе»: «Я есть основание бытия, т.е. рассматривается как сущность или существо»²⁷¹.

Хотя это вообще-то не решает проблемы, которая, по вышеприведённым словам Е.А.Боброва, составляет неразрешимую трудность для идеализма: «представить обещанного вывода материального принципа из духовного». По справедливому замечанию другого русского философа, А.Введенского, «переход от духовного к материальному не менее труден и для монадиста или панпсихиста, чем для идеалиста»²⁷².

Густав Тейхмюллер (1832-1888) , вероятно, по причине, названной выше²⁷³, главный персонаж в той картине «философии в России», которая предстаёт перед нами из работ Е.А.Боброва.

Тейхмюллер, ученик Адольфа Тренделенбурга,²⁷⁴ известного немецкого философа и логика²⁷⁵, критика гегелевской диалектики, лекции которого

²⁷¹ Там же. – С.11.

²⁷² А. Введенский. Один из типов нашей университетской философии (о переводах и сочинениях Е.А.Боброва)//Богословский Вестник. – 1896, август. – С.217. Сам А.Введенский, как религиозный философ, решение проблемы видит в создании «философии на христианских началах». – См.: Там же. – С.228.

²⁷³ «Изо всех чисто русских специалистов по философии, я – единственный личный ученик Тейхмюллера». И это вызывает уважение.

²⁷⁴ Вот что пишет по этому поводу Е.А.Бобров: встреча в Берлинском университете с профессором Тренделенбергом «имела решающее значение для направления занятий студента и для первых шагов его литературной карьеры». – Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. I. – С.27.

слушали Кьеркегор, Фейербах, Маркс, и в самом деле наиболее крупный представитель «чистой философии»²⁷⁶ своего времени в России²⁷⁷, хотя, кажется, с сожалением, говорит Е.Бобров, «теория Тейхмюллера не пользуется достаточной известностью»²⁷⁸.

Е.А.Бобров посвящает Г.Тейхмюллеру и несколько специальных работ, и рассматривает его воззрения в своих чисто философских сочинениях. Кроме того, он редактировал переводы Г.Тейхмюллера, который читал лекции и писал на немецком языке, на русский язык.

Уже в первом выпуске «Философии в России» Е.А.Бобров помещает «Воспоминания о Г.Тейхмюллере»²⁷⁹, хотя это и не первое обращение его к анализу творчества своего учителя²⁸⁰. Здесь Е.Бобров мало говорит конкретно о «системе Тейхмюллера», так как основные положения её он изложил в более ранних работах (названных мною) и к тому же отсылает «для популярного ознакомления с системой Тейхмюллера» к работе последнего «Бессмертие души» и к сочинению о дерптском профессоре («лучшее о Тейхмюллере») А.А.Козлова в «Вопросах философии и психологии»²⁸¹.

Е.Бобров говорит здесь более²⁸² о философе, исследователе и преподавателе Тейхмюллере, не отрицая, впрочем, того, что он был «трудным философом»: «оценить Тейхмюллера и наслаждаться его сочинениями»²⁸³, - признаётся он, - может только специалист, получивший философское образование»²⁸⁴.

²⁷⁵ О нём есть немного в: Дж.Реале и Д.Антисери. Западная философия от истоков до наших дней. Том 4. От романтизма до наших дней/ Дж.Реале и Д.Антисери. – С-Пб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – С.141-142.

²⁷⁶ Он, конечно же, не принадлежал к «русской философии» с её специфической проблематикой, но о нём должно говорить, когда мы пишем о «философии в России», тем более, что он, по словам В.Зеньковского, оказал «огромное влияние на А.А.Козлова, первого яркого представителя философского персонализма в России». – В.Зеньковский. История русской философии. Т.2. - С. – 194.

²⁷⁷ «Выдающийся последователь Лейбница», - говорит о нём В.Зеньковский. – Там же.

²⁷⁸ Е.А.Бобров. О понятии бытия. – С.4.

²⁷⁹ Занимают 25-48 страницы сборника, хотя с.35-44 – это вступление к курсу лекций по истории новой философии, которые читал в Дерптском университете Тейхмюллер и записал (в переводе на русский язык) Е.Бобров.

²⁸⁰ См., например, уже названные работы «О понятии бытия», «О понятии искусства».

²⁸¹ 24 и 25 книжки за 1894 год.

²⁸² Помимо характеристики общих взглядов Г.Тейхмюллера.

²⁸³ Что касается его сочинений, то Тейхмюллер «был очень плодовитым писателем. Он написал всего около 20 томов». - Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. I. – С.30.

²⁸⁴ Там же. – С.22-23.

Своё суждение о Тейхмюллере - оригинальном философе Е.А.Бобров предваряет (чтобы оттенить эту оригинальность) сообщением о положении дел даже в среде «германской профессорской философии». И среди её представителей ныне господствует пристрастие к занятиям историей философии предпочтительно перед оригинальным творчеством²⁸⁵, говорит он.

Что касается Г.Тейхмюллера, то он «должен быть рассматриваем как историк философии, и как системный мыслитель. Эти две стороны его деятельности идут параллельно и довольно независимы друг от друга, хотя и имеют некоторые точки соприкосновения»²⁸⁶.

Об историко-философских исследованиях Г.Тейхмюллера, особенно в области античной философии, и прежде всего философии Аристотеля, Е.А.Бобров очень высоко мнения и его вклад здесь считает имеющим большую научную значимость. В истории философии Г.Тейхмюллер «разбил господствующее целлерово²⁸⁷ понимание Платона и воссоздал философию Анаксимандра и Гераклита»²⁸⁸, пишет он. А, в целом, по убеждению Е.А.Боброва, который и сам был великолепным знатоком античной философии и автором ряда работ по её истории: «Ни одно исследование, появившееся о Платоне и Аристотеле, либо об Анаксимандре Гераклите, не обойдётся без расчёта с теориями Тейхмюллера»²⁸⁹.

О Тейхмюллере-преподавателе говорит: «Изложение философских доктрин было безупречно и отличалось необычайною ясностью и общепонятностью»²⁹⁰. Считает важным профессор так же сказать еще об одной стороне этой деятельности своего учителя, которую он с большой пользой для себя заимствовал и использовал уже в своей преподавательской работе. «Тейхмюллер строго поддерживал тренделленбургскую традицию, - делится он

²⁸⁵ См.: Там же. – С.27-28.

²⁸⁶ Там же. – С.31.

²⁸⁷ Имеется ввиду Эдуард Целлер (1814-1908), немецкий философ и историк философии, автор классического труда по философскому антиковедению «Философия греков в её историческом развитии» в 3 томах («DiePhilosophiederGriecheninihirgeschichtlichenEntwicklung»), в русском сокращённом переводе – «Очерк истории греческой философии».

²⁸⁸ Там же. – С.30.

²⁸⁹ Там же. – С.31.

²⁹⁰ Там же. – С.34.

своими воспоминаниями, - и ни одного семестра не оставлял без Aristotelisches Practicum (эту традицию, к слову сказать, и я лично до сих пор поддерживал за время моей преподавательской деятельности)»²⁹¹.

Что касается «системы Тейхмюллера», то она «гораздо менее известна». Более того, в работе «Из истории критического индивидуализма» казанский профессор вполне пророчески предвидит, что «истинный и строгий критицизм в соединении с индивидуалистической метафизикой» будет находить себе мало приверженцев.²⁹² А «истинный и строгий критицизм в соединении с индивидуалистической метафизикой», то есть то, что Е.А.Бобров называет «критическим индивидуализмом», а А.А.Козлов «панпсихизмом», и есть «система Тейхмюллера», или «персонализм», как он сам предпочитает называть. Общее содержание этого направления мы представили выше, в разделе «О главнейших философских направлениях и о себе» настоящего пособия. Там же заметили, что это, по существу, разновидность субъективного идеализма, хотя, возможно, Е.А.Бобров полагал, что объяснение тому, что критический индивидуализм, или панпсихизм, или персонализм будет иметь мало приверженцев следует искать в том, что это «философия высшей пробы», вершина современной ему метафизики²⁹³, которая, уже по определению (как и всякое «высшее») не может иметь много приверженцев.

Для общей характеристики Е.А.Бобровым философской оценки Г.Тейхмюллера и одновременно для оценки его собственных взглядов, ибо он выражает солидарность с позицией Г.Тейхмюллера, имеет значение привести и слова его из предисловия к книге профессора Дерптского (Юрьевского) университета «Бессмертие души. Философское исследование», перевод которой вышел под редакцией Е.А.Боброва²⁹⁴. «Чтение этой книги, несомненно,

²⁹¹ Там же. – С.43. Кстати, в лекции «О преподавании философии в университетах» Е.Бобров с гордостью сообщает, что все его студенты по Юрьевскому и Казанскому университетам знакомились с Аристотелем по оригиналу.

²⁹² Бобров Е.А.. Из истории критического индивидуализма/Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. – С. 41.

²⁹³ «Возвращение к метафизике, собственно, может знаменовать собою только возвращение к индивидуализму (монологизму) или к лейбницианству». – Там же. – С.40. В другом месте той же работы пишет, что «критицизм – высшая форма философского умозрения». – Там же. – С.41.

²⁹⁴ Здесь же, кстати, Е.А.Бобров довольно подробно излагает биографию Г.Тейхмюллера.

принесёт громадную пользу всякому, кто, не удовлетворяясь ходячим материализмом в его открытых и задушевных видах, - не сомневается Е.А.Бобров, - ищет своему мировоззрению иных опор и притекает к философии за сердечным успокоением»²⁹⁵.

В предисловии к другой книге Г.Тейхмюллера, редактором перевода на русский язык которой он также выступил, «Дарвинизм и философия», профессор уверяет, что «Тейхмюллер беспощадно разоблачил несостоятельность выставляемой²⁹⁶ им теории»²⁹⁷. Значительно более откровенно пишет об этом А.И.Введенский, профессор Московской духовной академии: написанное Г.Тейхмюллером «с такою силою и таким успехом рассеивало грозный призрак дарвинизма, смущающий мысль поколений трёх последних десятилетий»²⁹⁸.

Что же касается Е.А.Боброва, то мы должны, говорит московский профессор, быть ему признательны «за то, что он обратил внимание образованной публики на такого действительно замечательного мыслителя, как Тейхмюллер, предложив её вниманию в русском переводе две его монографии»²⁹⁹.

В предисловии к последней из названных монографий своего учителя Е.А.Бобров пишет, что Тейхмюллера «философские убеждения и сам лично почти всецело разделяю»³⁰⁰. Кстати, тот же А.Введенский говорит, что, например, книга Е.А.Боброва «О понятии искусства» представляет собой попытку «критически переработать и провести далее взгляды учителя по вопросам эстетики».

Сказанное выше Е.Бобровым относится, как было уже неоднократно подчёркнуто, прежде всего, к тому, что в философском отношении составляет

²⁹⁵Тейхмюллер Г.. Бессмертие души. Философское исследование. Перевод под ред. Е.Боброва/ Тейхмюллер Г. – Юрьев, 1895. – С.IV.

²⁹⁶ По названию работы понятно, какой.

²⁹⁷Тейхмюллер Г.. Дарвинизм и философия. Пер. под ред. Е.Боброва/ Тейхмюллер Г. – Юрьев, 1894. – С.III-IV.

²⁹⁸ А. Введенский. Один из типов нашей университетской философии (о переводах и сочинениях Е.А.Боброва)// Богословский Вестник. – 1896, август. – С.226..

²⁹⁹ Там же. – С.226.

³⁰⁰Г.Тейхмюллер. Дарвинизм и философия. Пер. под ред. Е.Боброва. – Юрьев, 1894. – С.V.

основания «критического индивидуализма». Речь, прежде всего, идёт «о понятии бытия», вернее, о понимании «бытия» в духе «критического индивидуализма». А философия и отыскивает, по мнению, Е.А.Боброва, «подлинное и истинное бытие» (и в этом «наилучшее определение» её содержания).

А Г.Тейхмюллер, продолжает Е.А.Бобров, это «представитель критицизма в чистом его виде...чуть ли не единственный метафизик из современных мыслителей, который сознал верховную важность проблемы бытия»³⁰¹.

Как, в духе «критического индивидуализма» («системы Тейхмюллера»), решается эта имеющая «верховную важность» проблема, приводящее как раз к этому самому «критическому индивидуализму»³⁰², мы уже видели, а тем самым в изложении Е.А.Боброва в общем виде познакомились в этом вопросе со взглядами Г.Тейхмюллера, этого, по словам, В.Зеньковского, выдающегося в России последователя Лейбница³⁰³. Приведём только ещё одно принципиальное положение, характеризующее эти взгляды, и, пожалуй, хорошо раскрывающее суть («логику») всех названий этого философского направления, которые мы приводили, направления не только Г.Тейхмюллера. но и «героя» нашего пособия, Е.А.Боброва.

Тейхмюллер считает предубеждением, пишет Е.Бобров, что «к понятию вещи относится и признак бытия, т.е. будто бытие есть один из элементов содержания понятия вещи».³⁰⁴ Ибо, разъясняет Е.А.Бобров своё и тейхмюллерово *credo*, «в самосознании лежит единственный источник нашего понятия о бытии».³⁰⁵

³⁰¹Е.А.Бобров. О понятии бытия. – С.4.

³⁰² Или «панпсихизму», или «персонализму», напомним.

³⁰³ А вот так его оценивает А.Введенский: «заложил основы широкого мирозерцания». - А. Введенский. Один из типов нашей университетской философии (о переводах и сочинениях Е.А.Боброва)//Богословский Вестник. – 1896, август. – С.215.

³⁰⁴Е.А.Бобров. О понятии бытия. – С. 29.

³⁰⁵ Там же. – С.21. Ясно и профессионально (при этом мастерски оперируя историко-философским материалом) Г.Тейхмюллер излагает собственные философские взгляды в очень интересной и весьма, думаю, полезной для всех, кто желает поближе познакомиться с историей философии, книге под характерным для него названием «Действительный и кажущийся мир», вышедшей в переводе Я.Красникова в Казани в 1913 году – См:

Весьма недвусмысленно об этом пишет, излагая существо воззрений Г.Тейхмюллера, и религиозный философ А.Введенский, в этом отношении высоко оценивающий их: внешний мир – проекция « актов нашей внутренней жизни», «всё, по сущности, духовно»³⁰⁶. Но что любопытно: А.Введенский так же, как и Е.Бобров, который, как мы видели, сокрушался по поводу того, что «истинный и строгий критицизм в соединении с индивидуалистической метафизикой» будет находить мало приверженцев, соглашается, что подобные взгляды «встречают обыкновенно энергичный протест»³⁰⁷.

Об огромном влиянии Г.Тейхмюллера на А.А.Козлова уже говорилось. Е.А.Бобров не обходит вопрос о соотношении их воззрений. «Тейхмюллер и Козлов, - пишет он, - часто касаются одних и тех же проблем и решают их в одинаковом духе»,³⁰⁸ - таково убеждение профессора. И далее: « Козлов и Тейхмюллер идут в философии к единой цели, но Козлов идёт своею дорогой. Его манера письма и изложения, самый способ исследования совершенно разнится от Тейхмюллера»³⁰⁹.

Г.Тейхмюллер и А.А.Козлов, единомышленники и оба, в некотором смысле, учителя Е.А.Боброва - последние известные представители философии в России второй половины XIX века, о которых он говорит специально.

И прежде, чем мы перейдём к ещё одной большой теме из круга исследований Е.А.Боброва о философии и просвещении в России – университетской философии, – как раз, кстати, затрагивающей преимущественно век XIX, несколько слов скажем о теме, которую Е.А.Бобров тоже однажды затронул в своих работах, которая тоже имеет отношение к XIX веку и которая имеет определённое отношение и к России. Взгляда Е.А.Боброва на эту тему можно было бы здесь и не касаться – до революции он никак, ни

Г.Тейхмюллер. Действительный и кажущийся мир. Новое основание метафизики/ Г.Тейхмюллер. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1913.

³⁰⁶ А. Введенский. Один из типов нашей университетской философии (о переводах и сочинениях Е.А.Боброва)//Богословский Вестник. – 1896, август. – С.216.

³⁰⁷ Там же. – С.217.

³⁰⁸ Е.А.Бобров. Философия в России. Вып. I. – С. 22.

³⁰⁹ Там же. – С.23. Из приведённых выше оценок Е.А.Боброва «манеры письма и изложения» того и другого, думаю, можно получить представление, в чём «разнится».

единым словом этой темы не затрагивал, и она никак не входила в круг его суждений о «философии в России». Да и потом (после революции) он касается этой темы лишь весьма косвенно, но всё же касается и тем интереснее посмотреть, как он это делает.

Речь идёт о статье Е.А.Боброва, тогда уже профессора Северо-Кавказского университета (в Ростове-на-Дону, впоследствии Ростовского, ныне Южного университета) «Одно из самых ранних русских изложений теорий К.Маркса» в «Известиях» этого самого университета³¹⁰.

В статье говорится о книге де-Роберти³¹¹ «Политико-экономические этюды» (С-Пб., 1869). И таким образом, мы всё ещё находимся в веке XIX.

Е.А.Бобров весьма скуп, если не сказать больше, на собственные суждения о рассматриваемой де-Роберти теме, и мы вообще-то почти ничего не узнаем о его собственном отношении к вопросам, которых касается русский социолог, критик Маркса. Он предпочитает везде говорить об этих вопросах «собственными словами автора» (т.е. де-Роберти), что, конечно, вполне понятно в условиях того времени, когда писалась статья, а Е.А.Бобров был уже умудрённый годами немолодой человек. Но очень любопытно, что именно излагает Е.Бобров «собственными словами автора» - вряд ли это может ввести в заблуждение внимательного читателя.

«Осуждает он в Марксе, - пишет профессор, - диалектический метод»; «не придаёт особого значения и теориям Маркса»³¹². Социолог, сообщает Е.А.Бобров, не задавался целью специально изучать теории Карла Маркса. «Капитал» заинтересовал его, прежде всего, как научная новизна и своим оригинальным методом.

Но весь марксов «Капитал», по мнению де-Роберти, основан на диалектическом методе, который позволяет ему (Марксу) «ничего не доказывать и ничего не опровергать».

³¹⁰ Известия Северо-Кавказского университета. – 1930. – Т.1 (XIV).

³¹¹ Евгений Валентинович де-Роберти (1843-1915) – русский философ-позитивист и социолог, последователь О.Конта, создатель одной из первых кафедр социологии в России.

³¹² Известия Северо-Кавказского университета. – 1930. – Т.1 (XIV). – С.85.

Е.А.Бобров, конечно, не мог совсем избежать выразить своё мнение по поводу сказанного де-Роберти «собственными словами». И он его выражает. «Не приведя доказательств, - замечает автор статьи, - де-Роберти считает неважную теорию Маркса для практики. Всего пару лет престарелый де-Роберти не дожид до основания государства на марксовых принципах»³¹³. Но они не сглаживают определённости предыдущих слов бывшего казанского профессора: «Нельзя не признать за де-Роберти ясности и чёткости мысли и языка. Нам легко понять, чего он хочет»³¹⁴.

Заметим, что у Е.А.Боброва есть ещё одна статья «о Марксе»³¹⁵, но она также выдаёт его исключительно как увлечённого и любознательного историка культуры и ровным счётом никак не обнаруживает его собственного отношения к марксизму.

Статья представляет интерес тем, что сообщает малоизвестные (если вообще известные тогда даже марксистским историкам марксизма) сведения о распространении марксизма в русских университетах. Е.Бобров говорит, что история марксизма в России («до начала деятельности Ленина») «разработана недостаточно». И «почти ничего нет о прививке марксизма к русским университетам в 60-е, 70-е и 80-е годы»³¹⁶. И далее рассказывает о гонениях на профессора политической экономии Харьковского университета Г.М. Цехановского, «решившегося ознакомить своих слушателей с учением Маркса»³¹⁷. Е.Бобров подробно сообщает о харьковском профессоре, его учёно-преподавательской деятельности и о его учениках. И о гонениях на него в связи с обвинениями в том, что «на лекциях Цехановского разбирается теория Маркса». И действительно, говорит Е.Бобров, в кратком литографированном конспекте его лекций «всё-таки Марксу было отведено целых 16 страниц – почти четверть всего объёма». В них заключались изложение и критическая

³¹³ Там же. – С.91.

³¹⁴ Там же. - С.91.

³¹⁵ Е.А.Бобров. Эпизод из истории марксизма в России/Е.А.Бобров //Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1927.- Т.І(ХІІ).Общественно-литературный. – С.69 -78.

³¹⁶ Там же. – С.69.

³¹⁷ Там же.

оценка учения о ценности Маркса, а в лекциях харьковский профессор, по словам учеников³¹⁸, рекомендовал теории Маркса, как «лучший вывод науки и жизни».

После этого Е.Бобров задаётся вопросом: распространял ли Цехановский Маркса или нет? И даёт положительный ответ. «Распространял; освещал критически, даже пускай опровергал, - но считал нужным его распространять, отводя ему около четверти всего курса, излагал его так сочувственно, что молодёжь... охотно делалась марксистами, воспринимая марксизм как веру, как последний вывод науки и жизни»³¹⁹. Даже после «встряски», продолжает Е.Бобров, он ссылался на Маркса, «очень считался с ним».

Автор статьи задаётся вопросом, откуда сам Цехановский «получил интерес и вкус к Марксу?». И приходит к выводу, что - в бытность свою в Киевском университете – от своего учителя профессора политической экономии Н.Х.Бунге (после которого он занял кафедру) и своего «младшего сотоварища» Н.Зибера³²⁰, своего преемника по киевской кафедре политической экономии. Первый «был толерантен», «воспитан на теории Рикардо» и проявлял интерес к марксовой теории ценностей, «в чисто теоретическом отношении не был врагом теорий Маркса»³²¹, о втором говорит – «впервые в русском университете взошёл на кафедру политической экономии чистый и пламенно-убеждённый марксист»³²² («правда, был чужд революционного марксизма»).

«Таким образом, - констатирует Е.А.Бобров, - прикосновенность Цехановского к марксизму и марксистам была немалая»³²³.

Кстати, в статье профессора философии есть весьма интересное (хотя специалисту и известное) о тогдашних русских университетах. К этому материалу мы обратимся (в числе прочего) в следующей главе.

³¹⁸ Которые, впрочем, обличали его перед начальством.

³¹⁹ Там же. – С.76.

³²⁰ Того самого, к экономическим работам которого проявлял интерес Маркс; даже русский язык учил, чтобы с ними познакомиться.

³²¹ Хотя впоследствии стал министром финансов и председателем Государственного Совета империи.

³²² См.: Там же. – С.77.

³²³ Там же.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ

Эта тема не могла не привлечь особого внимания университетского профессора философии, и к ней он обращается в нескольких своих работах. Для нас эти заметки интересны ещё тем, что в них мы имеем не только суждения историко-философского характера, но, иногда, и изложение личных наблюдений и впечатлений очевидца тех исторических событий. Очевидца, рассуждающего со знанием дела.

Однако эти заметки требуют особой оговорки. Материалы Е.А.Боброва это не систематическое (на то время) изложение истории университетской философии в России³²⁴ и даже не обзорное – такой специальной задачи он перед собой никогда, судя по всему, не ставил, как не ставил вообще задачи изложить историю «университетской» («профессорской») философии. Многих и очень многих известных, даже основных, представителей этой философии он не касается вовсе. Почти совсем не прикасается к Московскому университету, а если и прикасается, то к не первостепенным его представителям (как к профессорам философии). Материалы Е.А.Боброва скорее напоминают разрозненные заметки о некоторых (чаще малоизученных, никак не систематизированных) сторонах истории философии в наших университетах в некоторые периоды их жизни. Далее. Эти материалы часто имеют отношение не столько к собственно университетской философии в её содержательном смысле, сколько к «состоянию философии» в наших университетах в разные периоды их истории. Причём это состояние показано «в лицах». Поэтому здесь мы имеем не только научно-философский материал. Но часто материал бытовой, «археологический», чисто исторический, но весьма полезный как с

³²⁴ Некоторые современные работы об этом: Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. В 4-х томах/ Петров Ф.А. – М., 2002-2003; Пустарников В.Ф. Университетская философия в России: Идеи. Персоналии. Основные центры/ Пустарников В.Ф. – С-Пб., 2003; Павлов А.Т. Философия в Московском университете / Павлов А.Т. – С-Пб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2010; Бажанов В.А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии/ Бажанов В.А. – М.: Канон+, 2007; Серебряков Ф.Ф. - Философское образование и философская мысль в Казанском университете /– Казань: Казанский университет, 2009.

точки зрения истории университетской философии, так и с точки зрения истории университетского образования в России, в том числе философского.

И хотя «материалы, исследования и заметки» Е.А.Боброва носят, в целом, разрозненный, фрагментарный характер и, только специально их проанализировав, можно получить о них целостное представление, они, охватывая самые разные стороны, самые разные времена и самых разных людей, объединённых причастностью к этой большой теме, дают нам возможность получить хорошее и ясное, целостное представление о состоянии как нашего вообще университетского образования в те времена, так и образования философского в частности. Во многом «материалы» профессора Е.Боброва, их выбор и характер, видимо, были продиктованы либо его личными пристрастиями, либо фактом малоизученности (или не изученности вовсе) этих материалов.

Есть ещё один нюанс этих «заметок»: они носят преимущественно исторический характер, то есть Е.А.Бобров не касается современной ему университетской философии и её представителей³²⁵.

Но не сразу обратимся именно к Е.Боброву, чтобы получить представление (причём, из первых уст) о состоянии университетской философии тех лет. Такую вполне ясную и целостную (и критическую) картину нам представляет А.Введенский³²⁶ в статье «Один из типов нашей университетской философии», имеющей подзаголовок «О переводах и сочинениях Е.А.Боброва»³²⁷.

По мнению А.Введенского, университетская философия поставлена у нас в более или менее сносные условия всего каких-нибудь десять - двадцать лет³²⁸.

³²⁵ Это вовсе не относится к преподаванию философии в современных ему российских университетах. Напротив, он специально касается этого вопроса в лекции «О преподавании философии в университетах», которую прочитал как вступительную при замещении кафедры в Варшавском университете в 1903 году, куда он перешёл из университета Казанского. Потом на основе этой лекции была написана статья. Однако и она не носит полемического характера, а, следовательно, «без лиц».

³²⁶ Алексей Иванович Введенский (1861-1913) – русский религиозный философ, профессор Московской духовной академии по кафедре логики и метафизики (возглавил её после смерти В.Д.Кудрявцева-Платонова).

³²⁷ Богословский вестник. – 1896, август. – Сергиев Посад. – С.212-228. Хотим обратить внимание: основные сочинения Е.А.Боброва были ещё впереди.

³²⁸ Сказано, напомним, в 1896 году.

Но существуют ли у нас в России, в университетах, прежде всего, спрашивает автор, «философские школы»?

Ответ его категоричен: «Увы! Окидывая взором относящиеся сюда факты, мы видим довольно тусклую, чтобы не сказать грустную, картину»³²⁹. И продолжает описывать эту «грустную картину»: «философская жизнь» в наших университетах «тиха, сокровенна или бесцветна». В качестве примера приводит кафедру философии Харьковского университета, которую занимал Ф.А.Зеленогорский, бывший приват-доцент (до 1874 года) Казанского университета. Любопытно, что и сам Ф. Зеленогорский признавался, что «у нас нет ни в истории, ни в настоящее время представителя в философии и в науке»³³⁰ и «вообще недостаток философского образования у нас ощутителен, и важность его не только не сознаётся, но встречает возражение. Но мы укажем на то характеристическое явление в наших научных опытах, что эти научные опыты не заключают в себе широких научных обобщений и теорий»³³¹.

Но не лучше обстоит дело и в других университетах. Ни в Киевском университете (С.С.Гогоцкий, А.А.Козлов), ни в Петербургском (А.И.Введенский³³²) нет «школы», нет традиции. Только в Московском, продолжает А.Введенский, «организуется «школа», с своими прочными традициями и философская мысль...обнаруживает здесь все признаки бурной жизни»³³³. Поясняя, о какой традиции идёт речь, А.Введенский добавляет: благодаря философским трудам В.С.Соловьёва, Л.М.Лопатина, Н.Я.Грота и кн. С.Н.Трубецкого «идеализм Юркевича ...окончательно утвердился здесь»³³⁴. И всё же «школы» в строгом смысле слова, определённого направления нет и

³²⁹ А.Введенский. Один из типов нашей университетской философии (о переводах и сочинениях Е.А.Боброва)//Богословский Вестник. – 1896, август. – С.213.

³³⁰ Это было сказано в 1876 году.

³³¹ Ф.А.Зеленогорский. О методах исследования и доказательства. – С.21.

³³² Другой Введенский: Александр Иванович Введенский (1856-1925), который возглавлял кафедру философии в Петербургском университете.

³³³ А.Введенский. Один из типов нашей университетской философии (о переводах и сочинениях Е.А.Боброва)// Богословский Вестник. – 1896, август. – С.214-215.

³³⁴ Там же. – С.214.

здесь, ибо «не чувствуется веяния какой-нибудь одной, всё подчиняющей себе, могучей идеи»³³⁵.

И только в Юрьевском (Дерптском) университете он видит исключение: здесь возникла «школа Г.Тейхмюллера», который «заложил основы широкого миросозерцания». И называет её представителей – Я.Ф.Озе³³⁶ и Е.А.Боброва³³⁷. И как бы в подтверждение того, что здесь, в школе, «чувствуется веяния какой-нибудь одной, всё подчиняющей себе идее», замечает, как уже было сказано, о книге Е.А.Боброва «О понятии искусства»: она есть попытка «критически переработать и *провести далее взгляды учителя* (курсив мой – Ф.С.) по вопросам эстетики»³³⁸.

«Картина», нарисованная А.И.Введенским, даёт вообще-то достаточно ясное представление об университетской философии, современной автору статьи, а также за «какие-нибудь десять - двадцать лет», предшествующие написанию статьи, и за более раннее время. Но только с одной, преимущественно, стороны – со стороны «школ» и вообще со стороны уровня философского развития её представителей. Более же разностороннюю картину: со стороны философского образования, состояния его преподавания, отношения к нему и много другого дают работы Е.А.Боброва. Они, на первый взгляд, производят впечатление фрагментарного, даже случайного «набора феноменов» из истории «философии в России». И не все персонажи этой истории, раскрытой Е.А.Бобровым, являются «первостепенными». Но все эти отдельные истории и вся эта истории университетской философии (в самом

³³⁵ Там же. – С.215.

³³⁶ Яков Фридрихович Озе был учеником Г.Тейхмюллера, впоследствии профессором философии в Юрьевском университете.

³³⁷ О них обоих В.Зеньковский пишет: «не написавшие, впрочем, ничего значительного». – Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х томах/ Зеньковский В.В. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004. – Т.2. – С.194. Это не бесспорно. Но здесь заметим только, что Е.А.Бобров, как и его учитель, был «чистым философом». Многие персонажи, даже известные, «Истории русской философии» В.Зеньковского только потому фигурируют там, что, по причинам, понятным в России, привлекли к себе внимание и прославились, прежде всего, как представители «истории русской философии» с её специфическим, интересным только нам, наследием, но в значительной мере уже потерявшим значение. Много ли «значительного», «чисто философского» у них можно без этого наследия найти, отдельный вопрос. Вероятно, скажем, «История польской философии», написанная поляком, пестрит многими известными в Польше именами философов, но неизвестными нам.

³³⁸ Так эту работу истолковал и А.А.Козлов – См.: А.А.Козлов. Теория искусства с точки зрения Тейхмюллера/А.А.Козлов//Вопросы философии и психологии. – 1895. – Кн.2 (27). – С.178-189.

широком смысле слова), даже в мелочах, даёт в совокупности рельефное и связанное представление по теме.

Разным аспектам темы посвящены материалы как в сборниках «Философия в России», так и в других сочинениях профессора Е.Боброва. В сборниках по этой «теме», в частности, следующие «материалы, заметки и исследования» (кроме уже рассмотренных о шеллингианцах, Козлове, Тейхмюллере и т.д.): «Из биографии Иоанна Шада», «ИоаннШад, его товарищи и преемники по кафедре», «М.Н.Катков на кафедре», «П.М.Терновский».

Так или иначе этого вопроса Е.А.Бобров касается в таких, например, работах как «Философия и литература» (сборник), «А.А. Фукс и казанские литераторы 30-40-х годов» (большая статья в журнале «Русская старина»), «Биография философа и историка М.Ф.Поссельта» (в «Русском биографическом словаре»), «Неизданная рукопись И.И.Лажечникова» («Русская старина»), «К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии» (сборник), в «Отчётах о командировках» за разные годы (например, в «Отчёте о командировке летом 1904 года» есть «материалы для биографии М.Ф.Поссельта»), «К столетию годовщины рождения поэта А.И.Полежаева», «Материалы, исследования и заметки по истории русской литературы и просвещения в XVIIIи XIX столетиях» (сборник), в статьях в «Известиях Северо-Кавказского государственного университета» и др.

Как уже было сказано, изложение университетской философии Е.А.Бобровым «точечное», то есть в нём речь идёт об отдельных, далеко не всегда главнейших представителях её, и о некоторых только страницах или даже фрагментах её истории. Но всё это таково, что позволяет получить весьма информативное представление по истории университетского образования и университетской философии в России. А поскольку предметом нашего разговора является не вообще история российского Университета и университетской философии, а эта история в изложении Е.А.Боброва, то есть именно Е.А.Бобров, как историк философии и просвещения в России, то и

следовать далее мы будем в пособии за Е.А.Бобровым, и пользоваться будем в основном его материалами.

Картина положения первых российских университетов и, в частности, положения философии в них хорошо известна из разных источников, в том числе написанных казанскими учёными³³⁹. Е.А.Бобров привносит сюда свои краски. И некоторые из них новые. Во всяком случае, они дают более живописную местами картину.

Материалы профессора Е.Боброва в основном относятся к периоду закрытия в наших университетах кафедр философии и ко времени их вторичного открытия. Но в очерках о Шаде, Павлове, Каткове и др. есть кое-что и о раннем периоде университетского образования и истории университетской философии.

Наиболее ранним представителем университетской («профессорской») философии³⁴⁰, деятельности которого (и достаточно подробно) касается Е.А.Бобров, является «первый профессор философии при Харьковском университете», «беглый бенедиктианский монах»³⁴¹ Иоганн Шад (находился в России с 1804 по 1816 годы).

Е.Бобров был не первым, кто писал о И.Шаде, и он прямо об этом заявляет: Шад «не раз уж служил в русской учёной литературе предметом исследования».³⁴² И верный своей манере в «Философии в России» писать, преимущественно, по материалам малоизученным или неизученным вовсе, манере о которой здесь уже говорилось, Е.А.Бобров, может быть, и не стал бы

³³⁹ См., например: Булич Н.Н. Казанский университет в Александровскую эпоху/Булич Н.Н. – Казань, 1875; . Загоскин Н.П. Из времён Магницкого/Загоскин Н.П. – Казань, 1894; История Императорского Казанского университета. 1804-1904/Под ред. Н.П.Загоскина. – Казань, 1904; История казанского университета. 1804-2004 – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2004; Корбут М.К. Казанский университет за сто двадцать лет/Корбут М.К. – Казань, 1930. Укажем ещё на одну работу, правда, не казанского автора, но представляющую собой очень ценный источник (здесь официальные документы и воспоминания) по истории наших университетов (в т.ч. и университетского философского образования): Соловьёв И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов/Соловьёв И.М.. – С.-Пб., 1914.

³⁴⁰ Это не то же самое, что «русская философия».

³⁴¹ Бобров Е.А. Философия в России. Вып. II. – С. 38.

³⁴² Там же. О нём, например, писал А.Ф. Зеленогорский, который занял кафедру после Шада. Он опубликовал в «Вопросах философии и психологии» большую статью о Шаде, в которой разбирает его работы: Вопросы философии и психологии. – 1895, кн.2 (27). – С.160-169; Вопросы философии и психологии. – 1895, кн.5 (30). – С. 574-591.

совсем обращаться к этой теме, но он находит этот неизученный материал и считает нужным познакомить с ним читателей. Имеется в виду «Автобиография» И.Шада. Ею, «по-видимому, ещё никто не пользовался»³⁴³.

В «исследовании» «Из биографии Иоганна Шада» Е.Бобров местами цитирует «Автобиографию», иногда достаточно пространно пересказывает её своими словами. Ещё раз излагает он биографию Шада в другом очерке в этом же сборнике: «Иоганн Шад, его товарищи и преемники»³⁴⁴. К этим двум материалам, подробно излагающим биографию первого профессора философии при Харьковском университете, мы и отсылаем интересующихся истоками университетской философии в России, не видя необходимости пересказывать её здесь.

Гораздо интереснее для понимания того, как совсем непросто складывалась в России судьба философского просвещения и вольномыслия, познакомиться с «товарищами и преемниками» Шада. Речь идёт о такой любопытной и заметной, но тем, кто специально не знакомился с историей российского университетского образования, совсем уж неизвестной фигуре в истории российского просвещения начала XIX века, как Якоб Людвиг Генрих (1759-1827).

Мы не будем касаться его биографии до того времени, когда он переехал в Россию. Скажем только, что он был профессором философии в университете в Галле до тех пор, пока Наполеон не закрыл этот известный немецкий университет. Якоб был страстным приверженцем философии Канта и одним «из первых, кто стал её распространять», хотя, видимо, делал это не всегда удачно. Во всяком случае, как пишет Е.А.Бобров, «Шиллер..жёстко преследовал его за его философскую несамостоятельность, слепую приверженность к системе Канта, не всегда ловкую её пропаганду и обширные позаимствования из творений учителя»³⁴⁵.

³⁴³ Там же. – С.39.

³⁴⁴ IV сборник «Философии в России».

³⁴⁵ Бобров Е.А. Философия в России. Вып.IV. – С.146.

В 1807 году Людвиг Генрих Якоб приезжает в России, на кафедру философии Харьковского университета, на которой в качестве профессора философии оставался до 1809 года.

С этого года он становится активным сотрудником М.Сперанского, знаменитого государственного деятеля либеральных лет Александра I, автора программы весьма широких и прогрессивных (либеральных) политических преобразований в России. Якоб «принимал участие во многих его проектах и начинаниях»³⁴⁶. Следует, в частности, упомянуть о его трудах по самому тогда (и ещё долго) животрепещущему, острому и принципиальному вопросу русской истории, «вопросу об упразднении или преобразовании крепостного права»³⁴⁷, которые, между прочим, ясно выдают его собственные социально-политические воззрения. «Уничтожение крепостного права, - писал немецкий философ, современник наполеоновских реформ, - будет иметь весьма благоприятные экономические последствия и скажется расцветом земледелия и промышленности»³⁴⁸. При этом преобразования предусматривали личную свободу для крестьян («уничтожение рабства с вознаграждением владельцев») и отмену общинного землевладения (крестьяне могли бы землю брать в аренду). Мудрый и хорошо знающий российские реалии М.Сперанский высоко оценил эти планы, но исходил из того, что их осуществление самым губительным образом отозвалось бы на крестьянах: они лишились бы земли. Впрочем, эти планы ожидало то, что и большинство проектов самого Сперанского – они остались на бумаге: наступило время отрезвления императора от «либерального дурмана». Автор реформаторских начинаний впал в опалу, а в 1816 году и Л.Г.Якоб покидает Россию³⁴⁹.

Прежде, чем сказать, каким образом имя немецкого профессора философии связано с русским просвещением начала XIX века, заметим, что

³⁴⁶ Там же. – С. 129.

³⁴⁷ Там же. – С.141.

³⁴⁸ См.: Там же.

³⁴⁹ В том же году «препроводили до границы», как несколько деликатно напишет один немецкий профессор на русской службе, а проще говоря, выгнали из России и Шада, этого искреннего и талантливого поборника просвещения, науки и литературы – уже дули ветра, возвещавшие скорое наступление заморозков - эпохи Магницкого и Рунича.

среди его преобразовательских проектов были и касающиеся университетского образования. Он был убеждён, что «должно заботиться об уничтожении всех сословных ограничений, что университеты должны принимать по экзамену без различия детей купцов, духовных и крестьян»³⁵⁰. Когда писались приведённые строки, до этого было ещё очень далеко.

Главная его заслуга в истории образования в России (не только университетского) состояла в том, что по поручению Министерства народного просвещения он написал «Курс философии» в 8 томах, включавший логику, всеобщую грамматику, опытную психологию, нравственную философию, эстетику, риторику, политическую экономию, право. Курс был написан на немецком языке и отпечатан в Риге. Переведён на русский язык и с 1812 года использовался как руководство в гимназиях (в 4 томах), а также и в университетах.³⁵¹ Так, в «Извещении о преподавании наук в Императорском Казанском университете с 13 августа 1814 г. по 10 июля 1815 г.» было сказано, что А.С. Лубкин будет «преподавать практическую философию по Якобу на русском языке», И.Е.Срезневский «изъяснит теоретическую философию, по Якобу, на русском языке» (он же «по Якобу» - «историю философскую» и метафизику в 1818/1819 у.г.)³⁵².

Однако вскоре «на этот курс пошло гонение», сообщает Е.А.Бобров. Несмотря на приведённый выше отзыв Шиллера, курс «по Якобу» власть предрержащим, видимо, казался слишком революционным и отравляющим умы молодого поколения³⁵³, особенно таким людям, как печально известный в

³⁵⁰ С.: Там же. – С.136.

³⁵¹ О популярности и уровне его курсов говорит то обстоятельство, что « по составленным им компендиумам логики, математики, метафизики, психологии и естественного права эти предметы преподавались не только во всех немецких университетах, но и в Дании, и Венгрии» - См.: Там же. – С. 150.

³⁵² В Научной библиотеке Казанского университета имеются: Якоб Людвиг Генрих. Курс философии для гимназий. – С.-Пб., 1813; Якоб Людвиг Генрих. Начертание эстетики. – С.-Пб., 1813.

³⁵³ В отличие от другого «руководства», «по Баумейстеру», по которому тоже в университетах читались лекции в первые десятилетия XIX века. Христиан Баумейстер (1708-1785) – немецкий философ, вольфианец. Руководство составлено на основе философии Христиана Вольфа, систематизатора Лейбница, которая была положена государством «в основу преподавания философии в высших учебных заведениях» - См.: Кошелёва О.Е., Морозов Б.Н. Неизвестные русские учебные курсы философии середины XVIII века//Историко-философский ежегодник-91. – М.: Наука, 1991. – С.53. А вот весьма красноречивый на фоне подразумеваемых начальством опасений отзыв о руководстве, «по Баумейстеру», Карла Фукса, тогдашнего ректора Казанского университета, в обращении к Магницкому: «Преподавание наук философских ограждено равным образом от всякой опасности преподаванием курса самого простого, принятого ныне и для духовных наших училищ» -

истории Казанского университета М.Л. Магницкий³⁵⁴, бывший с 1819 по 1826 годы попечителем Казанского учебного округа.³⁵⁵ И действительно, по словам Е.А.Боброва, «учение и систему Якоба преследовал и пресловутый М.Л.Магницкий, будучи попечителем в Казани».³⁵⁶ Мотивы, которыми руководствовался М.Л. Магницкий, станут понятными, если мы учтём, что в своём проекте о новом учреждении цензуры он писал: «Профессоры безбожных университетов передают тонкий яд неверия и ненависть к законным властям несчастному юношеству, а тиснение (книгопечатание – Ф.С.) разливают его по всей Европе. Счастлива была бы Россия, если бы можно было бы так оградить её от Европы, чтобы и слух о происходящих там неистовств не достигал до неё»³⁵⁷.

«Полезьа от философии не доказана, а вред от неё возможен», - говорил министр народного просвещения П.А.Ширинский-Шихматов. Это, правда, будет сказано в середине века, но и в рассматриваемый период дело обстояло далеко не лучшим образом, если не сказать более. Это относилось не только к «вредоносной» философии, но и к нашим университетам вообще. Их положение было, мягко говоря, шатким.³⁵⁸ В.А.Жуковский в письме А.И.Тургеневу (статс-секретарю Государственного Совета, директору духовных дел) убеждал последнего: «Щадите университет. Он и без того

См.: История Императорского Казанского университета.1804-1904/Под.ред.Н.П.Загоскина. – Казань, 1904. – Т.3. – С. 471.

³⁵⁴ «Семь лет тяготел над Казанским университетом, - писал Н.П.Загоскин, - тот удушающий кошмар, который известен под названием «эпохи Магницкого» - См.: Загоскин Н.П. Из времён Магницкого/Загоскин Н.П. – Казань, 1894. – С. 24-25. По словам Е.А.Боброва, во времена Магницкого Казанский университет пережил «самую плачевную пору своего бесславия и позора» - Бобров Е.А. А.А.Фукс и казанские литераторы 30-40-х годов//Русская старина. – Т.119. - 1904, июль. – С.15.

³⁵⁵ Впрочем, после него Казанскому учебному округу повезло не более. Его попечителем на долгие годы (с 1817 по 1845) стал бывший полковник императорской гвардии М.Н. Мусин-Пушкин, который «свою задачу полагал в подталкивании и устрашении подчинённых», потом ставший известным как «грозный, но бестолковый и необразованный гонитель писателей и литературы» (в цензурном комитете). – Бобров Е.А.. Отчёт о командировке летом 1905 года. Из переписки барона Александра фон Гумбольдта// Бобров Е.А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б.г., б.м. – С. 3.

³⁵⁶ Бобров Е.А. Философия в России. Вып.IV/Бобров Е.А. – С. 140.

³⁵⁷ См.: Созонович И.П. В.А.Жуковский, как писатель и человек//Бобров Е.А. К столетию годовщины рождения поэта А.И.Полежаева/Бобров Е.А. – Варшава, 1905. – С. 27.

³⁵⁸ Как и вообще сложной, порой, драматичной их судьба на протяжении всего 19 века. Впрочем, и потом тоже.

упадает. Неужели всему должно у нас, не созрев, разрушиться. Университет должен быть для Вас святым: за что разрушать его»³⁵⁹.

И было отчего беспокоиться. Предшественник М.Л.Магницкого по Казанскому учебному округу М.А.Салтыков писал из Петербурга в 1817 году³⁶⁰: « Более, нежели вероятно, что за исключением Московского, все остальные наши университеты будут упразднены. Вопрос закрытия университетов Казанского и Харьковского уже поставлен на очередь»³⁶¹.

С преподаванием философии дело обстояло совсем уж худо. Князь А.Н.Голицын, министр духовных дел и народного просвещения во времена Александра I, бывший обер-прокурор Синода, « повёл наступление на преподавание философии в университетах и вообще на любые проявления вольномыслия и религиозного вольнодумства». ³⁶² Так, в 1826 году Главное правление училищ признало необходимым оставить всё же кафедры философии, но преподавание её должно быть очищено от «нелепостей новейших философов» и основано на «истинах христианского учения и сообразно с правилами монархического правления».

М.Л.Магницкий в известной мере выражал мнение «законной власти». Её представителям и раньше было ясно, что это за «нелепости новейших философов». Граф С.Г.Строганов, попечитель Московского учебного округа, «гонитель философии», по словам Е.А.Боброва, заявил, как вспоминает в своих дневниках А.И.Герцен: « Я всеми мерами буду противодействовать гегелизму и немецкой философии. Она противоречит нашему богословию». ³⁶³ Рунич Д.П., попечитель Петербургского учебного округа, мракобес, «дурак, хвастун, пустомеля» (Н.И.Греч³⁶⁴) уволил 11 профессоров столичного университета³⁶⁵ и

³⁵⁹ См.: Созонович И.П. Указ.соч. – С.28.

³⁶⁰ Всего-то 13-14 лет прошло после учреждения новых университетов в России.

³⁶¹ История Императорского Казанского университета/Под.ред. Загоскина Н.П. – Казань, 1902. – Т.2. – С.169.

³⁶² Павлов А.Т. Философия в Московском университете/Павлов А.Т. – С.-Пб.: Изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2010. – С.49.

³⁶³ Герцен А.И. Собрание сочинений. Т.2. – М., 1954. – С.324.

³⁶⁴ Николай Иванович Греч (1787-1867) – русский писатель, журналист, издатель влиятельного в своё время журнала «Сын Отечества» (позднее совместно с Ф.Булгариным), в котором принимали участие А.Грибоедов, А.Пушкин, П.Вяземский, а также литературной и политической газеты «Северная пчела».

³⁶⁵ Академик М.Г. Устрялов, некогда студент Петербургского университета, имея в виду гонения на университеты, писал: « Бестолковый ханжа Рунич, вместе с изувером Магницким, вообразил, что лекции

обвинил профессора философии петербургского университета А.Н.Галича в том, что он «предпочитает безбожного Канта самому Христу, а Шеллинга – Духу Святому»³⁶⁶, отстранив его от преподавания за то, что тот «открытое даёт предпочтение философии Шеллинга, противной учению Божественного откровения».³⁶⁷ А в Московском университете после смерти профессора философии А.М.Брянцева³⁶⁸ кафедра оставалась вакантной и вплоть до 1845 года «никаких регулярных занятий по философии не велось»³⁶⁹.

Было бы, однако, странно полагать, что так думало только начальство, а весь преподавательский корпус, напротив, состоял из одних только Галичей. Нет. Этой не просто желательной, а должной «модели» преподавания философии, столь ясно очерченной в вышеприведённых словах творцов «образовательной политики» в империи³⁷⁰, следовали многие, вероятно, искренно.³⁷¹ Вот как, например, видит образцовое преподавание философии писатель И.И.Лажечников³⁷², который одно время (с 1824 года) был директором Казанской гимназии и имел сильное желание преподавать в университете. Он даже написал диссертацию по риторике на право преподавать адъюнктом по кафедре словесности (1825). Намерению не суждено было сбыться, а диссертация осталась в рукописи. В специальной журнальной статье эту рукопись разбирает Е.А.Бобров, который находит в ней «много ценного и верного даже для нашего времени»³⁷³.

читаются против Бога, религии и России». – См.: И.М. Соловьёв. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятых годов./И.М.Соловьёв. – С.-Пб., 1914. – С.103..

³⁶⁶ См. фрагмент «Рунич и Петербургский университет в 1821 году» из заметок А.В.Никитенко «Александр Иванович Галич» в: .М. Соловьёв. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятых годов./И.М.Соловьёв. – С.-Пб., 1914. – С.104-107.

³⁶⁷ См.: Павлов А.Т. Философия в Московском университете/Павлов А.Т. – С.-Пб.: Изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2010. – С.50.

³⁶⁸ Брянцев Андрей Михайлович (1749-1821) - ординарный профессор Московского университета по логике и метафизике. О нём есть у архимандрита Гавриила в его «Истории русской философии».

³⁶⁹ Там же. – С.52.

³⁷⁰ Весьма недвусмысленно и откровенно эта «модель» расписана в «Инструкции директору Казанского университета, Высочайше утверждённой 17 января 1820 года» - См.: И.М. Соловьёв. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятых годов./И.М.Соловьёв. – С.-Пб., 1914. – С.48-50.

³⁷¹ См., например: Головачёв П. «Дело» о философии Круга (к характеристике казанских профессоров эпохи Магницкого)/Головачёв П.//Русская старина. – 1904, август.

³⁷² Он был, кстати, инициатором открытия в Казани памятника Г.Р.Державину.

³⁷³ Бобров Е.А. Неизданная рукопись И.И.Лажечникова//Русская старина. – 1904, октябрь. – С. 136.

О философии автор рукописи говорит, что она должна быть «не обременённая грузом педантических учений немцев, не заражённая вольнодумством французских писателей XVIII века», «философия простая, не дерзающая преступать черту, на которой покоится перст Божий, разрешающий наши неведения светом Евангелия»³⁷⁴.

Ни тогда, ни позже этот «идейный ученик» Магницкого не был одинок. Так, спустя четверть века после написания этих строк, Совет Императорского Казанского университета в годовом отчёте за 1850/51 записывает: «чрезвычайно важную мерою в ходе образования было упразднение отдельной кафедры философии в университете...как бы в знак того, что все мудрствования умов, не проникнутых и не направленных чистою верою, суежны и ведут скорее к заблуждению, нежели к познанию «света истины».

Итак, увлечение Шеллингом русских интеллектуалов («русских шеллингианцев») и увольнение со стороны власти за «открытое предпочтение философии Шеллинга»³⁷⁵ - таковы были русские реалии тех времён, о которых повествует также и Е.А.Бобров.

Ещё одним иностранным представителем университетской философии («философии в России») в её ранний период, о котором пишет наш профессор, является Поссельт Мориц Фёдорович (Мориц-Конрад)³⁷⁶, представляющий уже другой тогдашний русский университет – Дерптский (Юрьевский), родной, по месту учёбы и начала учёно-педагогической деятельности, университет Е.А.Боброва. Он – писатель, «преподаватель философии и автор философских трудов», родился в Германии в семье священника, закончил известный Гейдельбергский университет (и ещё несколько), занимался историей,

³⁷⁴ См.: Там же. – С.135.

³⁷⁵ Известное объяснение этому можно найти в замечании профессора магбургского университета Роммеля, приглашённого в Харьков на кафедру древних литератур, в его воспоминаниях о Харьковском университете: «Шад.. яростный поборник просвещения, литературы и филологии. На него впоследствии сделан был донос; лекции метафизики, отзывавшиеся философией Шеллинга, выданы за атеизм» - См.: И.М. Соловьёв. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятых годов./И.М.Соловьёв. – С.-Пб., 1914. – С.82.

³⁷⁶ О нём есть статья Е.А.Боброва в «Русском биографическом словаре. Плавильщиков-Примо» (С.-Пб., 1905; репринтное воспроизведение – М.: Аспект Пресс, 1999) и его материалы в «Отчёте о командировке летом 1904 года» в: Бобров Е.А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б.г., б.м. (шифр книги в библиотеке КФУ В 184140).

философией и теологией. Приехал в Россию в надежде проявить себя в учёной карьере и после безуспешной попытки занять кафедру в новооткрывшемся Киевском университете³⁷⁷, был принят в 1833 году приват-доцентом в Дерптский университет.

Здесь он преподавал по кафедре философии помощником занимавшего кафедру профессора Готлоба Еше (Jaesche), некогда непосредственного и, как сообщает Е.А.Бобров, любимого ученика Канта. О нём у автора «Философии в России» нет специального очерка. Он сообщает нам, что Г.Еше работал в Кенигсберском университете под руководством Канта, который доверил ему «редактирование и издание своего курса логики»³⁷⁸, читал лекции по философии (будучи приват-доцентом).

«В начале 1802 года, - продолжает Е.Бобров, - его пригласили занять ординарную профессию теоретической и практической философии в новооткрывающемся Дерптском университете, и он вступил в должность в самый день открытия его»³⁷⁹. На этой должности профессор оставался до 1833 года, а окончательно покинул кафедру в 1839 году.

Вот, помощником по кафедре этого человека и стал Поссельт. Но занять кафедру после Еше ему было не суждено: старый профессор не рекомендовал Поссельта. Хотя он и выпустил свой курс лекций по истории философии, но никакого успеха его лекции не имели. «Поссельт не обладал ни внешним дарованием оратора, ни преподавательским (для философа) талантом вообще»³⁸⁰. На кафедре он оставался ещё несколько лет, до 1844 года, когда её занял «талантливый», как сообщает Е.А.Бобров, Людвиг-Адольф Шрюмпель³⁸¹,

³⁷⁷ Её занял О.М.Новицкий, перемещённый сюда из Киевской духовной академии, став, таким образом, первым профессором философии в Киевском университете.

³⁷⁸ Бобров Е.А. Отчёт о командировке летом 1904 года// К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б.г., б.м. – С.4.

³⁷⁹ Там же. – С.5.

³⁸⁰ Бобров Е.А. Поссельт Мориц Фёдорович. – Русский биографический словарь. Плавильщиков - Примо. – С.-Пб., 1905. – С.624.

³⁸¹ У него были «блестящие лекции, но лично непопулярен; выдающийся преподавательский талант» - Бобров Е.А. Отчёт о командировке летом 1904 года// К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б.г., б.м. – С. 19.

ученик Ф. Гербарта³⁸². На этой должности последнего заменил в 1870 году учитель Е.Боброва Г.Тейхмюллер.

Что касается Поссельта, то он переселился в Москву, затем в Петербург, занялся историей петровских времён. Между прочим, написал биографию соратника великого царя Франца Лефорта, «лучший свой труд». И, в конце концов, вернулся на родину – Россия не стала для него «вторым отечеством», в отличие от героя его последнего произведения.

Кстати, в материалах о Поссельте Е.А.Бобров сообщает весьма характерную для интеллектуальной России того времени деталь (несмотря и даже в противоположность взглядам и устремлениям запретителей «гегелизма») – «среди дерптской молодёжи, особенно теологов» весьма популярен был Гегель. Впрочем, «гегельянцев было много и среди профессоров»³⁸³.

Со следующей страницей (или рельефным фрагментом) истории русского университетского образования и университетской философии мы знакомимся, когда обращаемся к очерку Е.А.Боброва «М.Н.Катков на кафедре» в IV выпуске его «Философии в России».

Михаил Никифорович Катков (1818-1887), как бы к нему ни относиться (а он неизменно вызывал к себе в российском общественном мнении полярные отношения), общественный деятель, публицист и издатель, занимавший в литературной и общественной жизни России XIX века весьма видное место. Настолько видное в некоторые периоды своей жизни, что находился в эпицентре общественно-литературных бурь, разметавших русскую общественность в «эстетический период» нашей истории. Он был слишком известен и о нём было написано разного слишком много ещё до Е.Боброва, чтобы последний, насколько мы знаем его исследовательские «привычки», в работе (сборнике), имеющем подзаголовок «материалы и исследования»,

³⁸²Гербарт Иоганн Фридрих (1776- 1841) – немецкий философ, психолог и педагог. Более известен работами в области педагогики.

³⁸³ Бобров Е.А. Отчёт о командировке летом 1904 года// К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б.г., б.м. – С. 21..

обратился к этой фигуре, не имея он нечто новое. Разъяснение мы находим у самого Е.Боброва. «Профессорская деятельность, - пишет он, - образует кратковременный и *малоразработанный, но любопытный эпизод* (курсив мой – Ф.С.) в биографии М.Н.Каткова»³⁸⁴. Вот это, пожалуй, похоже на профессора Е.Боброва, исследователя философии и культуры в России, это всё объясняет. Хотя, конечно, в очерке о М.Каткове он не мог избежать обращения к известным, «нефилософским» сторонам его деятельности. И, заметим, выражает к ним своё отношение, которое мы можем обозначить так: общественно-политическое. И оно вполне в духе привычного для нас отношения к деятельности М.Н.Каткова; он даже пользуется теми же понятиями: реакционный, прогрессивный, передовой, вкладывая в них смысл, привычный для нас при характеристике этапов деятельности публициста и издателя М.Н.Каткова.

«Профессорская деятельность» М.Каткова в некотором смысле, действительно, представляет для нас «любопытный эпизод», так как, во-первых, позволяет прикоснуться ещё к одному центру (кроме рассмотренных) университетской философии, во-вторых, даёт возможность расширить наше представление об общественной и интеллектуальной, в частности философской, жизни того времени, а тем самым – иметь более наполненную историю «философии в России», в-третьих, показывает, что в буквальном смысле эпизоды, случайности (случаи) порой заполняли эту историю.

Е.А.Бобров сообщает довольно известные факты из жизни М.Каткова. В университетские годы слушал М.Г.Павлова, состоял в кружке Станкевича³⁸⁵, здесь сошёлся с Бакуниным, Белинским, «которого просвещал по части философии», был его «философским ментором».

М.Н.Катков, как представитель поколения 20-40-х годов XIX века, типичен в том смысле, что в молодости прошёл, образно говоря, те же самые

³⁸⁴ Бобров Е.А. Философия в России. Вып. IV. – С. 169.

³⁸⁵ К.С.Аксаков в своих воспоминаниях пишет : « Кружок Станкевича был замечательное явление в умственной истории нашего общества. В этом кружке выработалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир». – См.: И.М. Соловьёв. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятых годов./И.М.Соловьёв. – С.- Пб., 1914. – С.134..

«философские университеты», что и большинство из тех юношей-интеллектуалов, которые в более поздние годы, когда их пути разойдутся, будут играть заметную роль в разных областях (литературной, научной, философской, общественной) исторической жизни России этого столетия.

Характерным является, конечно же, увлечение немецкой философией, о чём уже неоднократно здесь говорилось. В кружке Станкевича³⁸⁶, напоминает Е.А.Бобров, Катков «стал усердно изучать Гегеля», «читал Гегелеву «Эстетику» и был от неё в восторге»³⁸⁷, а позднее, уже в Берлине, переводил гегелевскую работу на русский язык.

В Берлине М.Н.Катков оказался в 1840 году и в университете слушал лекции Шеллинга. И здесь происходит ещё один поворот (а у него в жизни их будет немало) в мировоззренческой эволюции журналиста. «Катков стал в Берлине последователем философии Шеллинга последнего периода»³⁸⁸. В этом было, пожалуй, своеобразие философского развития будущего редактора «Московских ведомостей» и «Русского вестника» по сравнению с некоторыми другим: от Гегеля к Шеллингу, а не наоборот. К тому же Шеллинг 40-х годов был уже не тем «знаменитым немецким мыслителем», по которому бредили молодые русские интеллектуалы былых времён, жаждавшие, как глотка свежего воздуха, новых, оригинальных мыслей, возвышенных чувств и нетривиального взгляда на мир. Оценивая «философию Шеллинга последнего периода», Е.А.Бобров констатирует: «Поворота в философии он не сделал и нового ничего не сказал»³⁸⁹.

В целом, характеризуя философскую эволюцию М.Каткова к тому времени, когда он вступил на московскую кафедру, Е.Бобров пишет: «Ход философского развития Каткова можно, по-видимому, охарактеризовать так:

³⁸⁶О Н.В. Станкевиче, его кружке полезно будет узнать в очень богатой содержанием, фактологическим материалом, насыщенной библиографией и рисующей широкую историческую панораму времени кружка статье К.П.Архангельского «Н.В.Станкевич» в «Известиях Северо-Кавказского государственного университета» (1930. – Т.І(XIV)).

³⁸⁷ Бобров Е.А. Философия в России. Вып.ІV. – С. 179.

³⁸⁸ Там же. – С. 181. Е.Бобров приводит собственное признание М.Каткова: «Своим развитием я обязан, преимущественно, знаменитому Шеллингу» - См.: Там же.

³⁸⁹ Там же. – С. 187.

сначала влияние Шеллинга (периода натурфилософии). Потом – Гегеля, затем влияние Шеллинга – личное, но влияние уже мифологии и «философии откровения». Ко времени вступления на кафедру Катков уже совершенно отлучился от Гегеля и был чистым шеллингианцем-мистиком. В своих лекциях по истории философии он, очевидно, придерживался Шеллинга»³⁹⁰.

К сожалению, Е.А.Бобров не делает дальнейших выводов из этого, ограничиваясь констатацией «фактов». Вероятно, можно было бы сказать, что, конечно, с точки зрения философской образованности, М.Н.Катков был вполне подготовлен занять кафедру философии. Далекое не все, состоявшие тогда при кафедрах разных русских университетов, имели более широкую философскую подготовку³⁹¹. К тому же, «в лекциях по истории философии придерживаться Шеллинга», ничуть не предосудительнее или невозможнее, чем придерживаться Канта, как это было в случае тех персонажей «Философии в России», о которых шла речь выше. Известно также, какую роль в начале 60-х годов сыграл М.Н.Катков в продвижении на московскую кафедру провинциального философа (из Киева) Юркевича П.Д. после его полемики с Н.Г.Чернышевским, автором «Антропологического принципа в философии», симпатии М.Н.Каткова в которой были всецело на стороне профессора Киевской духовной академии. Не просто симпатии, но идеологическое единомыслие, мировоззренческая солидарность, что свидетельствовало о том, что констатированный Е.А.Бобровым итог философской эволюции Каткова³⁹² («чистый шеллингианец-мистик») был достаточной базой для формирования его философского *credo*.

Интереснее другое. Пример М.Н.Каткова показывает, что увлечение одним и тем же Шеллингом в разные периоды русской истории означало совсем не одно и то же, ибо большая разница между ранними шеллингианцами (рассмотренными выше), жаждавшими свежих мыслей и оригинального,

³⁹⁰ Там же. – С. 226.

³⁹¹ К тому же М.Н.Катков подготовил и в 1853 году издал «Очерки древнейшего периода греческой философии», отношение к которым, правда, среди философов было неоднозначным. Но это в литературе не новость.

³⁹² К середине 40-х годов, по крайней мере.

вдохновляющего взгляда на мир, и теми, которые заканчивали или возвращались к Шеллингу периода «мифологии и «философии откровения», когда он, говоря словами Е.Боброва, « поворота в философии не сделал и ничего нового не сказал». К тому же «история» М.Н.Каткова показывает, сколь разно, часто противоположно, «расползаются» философские ручки, выходящие из одного и того же питательного источника, в данном случае, кружка Станкевича. И очень жаль, что Е.А.Бобров не написал очерков о философской эволюции товарищей М.Каткова по кружку, хотя итог этой эволюции нам и без того известен³⁹³.

Таковы были реалии «философии в России».

Возвращаясь к М.Каткову, заметим, что в 1845 году он был назначен адъюнктом по кафедре философии Московского университета (будучи уже магистром русской словесности) и оставался на кафедре до 1850 года (до закрытия кафедр философии во всех русских университетах). Как знать, не случись этого, мягко говоря, прискорбного события с кафедрами философии, М.Катков, может быть, продолжил свою философскую карьеру.³⁹⁴ Хотя вряд ли мы имели бы значительного философа: его ум был устроен иначе, а, как очень скоро выяснилось, его способности и призвание были иного рода: у него была очень сильная хватка журналиста и политического писателя.

Журнал «Новое время» в некрологе «Памяти М.Н.Каткова» писал³⁹⁵: «Предметы его кафедры – логика и психология – были совершенно новыми в университете; первая проходила в гимназии, а вторая не входила в гимназический курс и читалась лишь в семинарии – вслед за логикой; но сухой, схоластический метод их преподавания наводил такую тоску на молодежь»³⁹⁶.

³⁹³ Е.Бобров касается в этом отношении, правда, немного, В.Г.Белинского, к которому он относился, судя по встречающимся то там, то здесь замечаниям, с большим уважением. «Для пропаганды философии в России, - пишет он, - Белинский сделал гораздо больше, чем кто-либо до него». А специально затрагивая вопрос о влиянии философского мировоззрения на литературное развитие, даже категорично настаивает, что «ключ к его [Белинского] литературной деятельности лежит единственно в философии» - Бобров Е.А. Отзыв о рукописном сочинении «Философский элемент в сочинениях В.Г.Белинского» - Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. – С. 5-6.

³⁹⁴ Кафедру педагогики, которая была учреждена вместо закрытой кафедры философии, он не получил, судя по воспоминаниям С.М. Соловьёва, из-за интриг.

³⁹⁵ 1887, август.

³⁹⁶ См.: Бобров. Е.А. Философия в России. Вып.IV. – С.196.

Вряд ли преподавание М.Каткова сделало их сильно интересными – писал он лучше, чем говорил. По отзывам, форма его лекций не была блестящей. Что касается содержания (по предположению Е.Боброва, «в своих лекциях по истории философии, очевидно, придерживался Шеллинга»), то о них отзывались разное. Некоторые доброжелательно и находили их интересными, многие, в том числе С.М.Соловьёв, – весьма сдержанно: туманно, неясно, не продумано.

Вероятно, не только пребывание М.Н.Каткова на философской кафедре есть только один из «эпизодов» «философии в России», но и сама его преподавательская деятельность – эпизод в его жизни, который имел единственно тот позитивный результат, что, в конце концов, обнаружил его настоящее призвание. В 1851 году (после ухода с кафедры) он был назначен редактором университетской газеты «Московские ведомости», которые «становятся общественной силою с 1863 года»³⁹⁷. Вероятно, после полемики с «Современником» Н.Г. Чернышевского и «Колоколом» А.И. Герцена. Особенно по польскому вопросу³⁹⁸. В связи с этим Е.Бобров пишет: «М.Н.Катков убил навсегда «Колокол» Герцена, защитника революционной Польши, и стал в некоторых слоях общества непререкаемым авторитетом».³⁹⁹ Не совсем ясно, что имеет в виду Е.Бобров: то ли то, что Катков обнажил в глазах значительной части русской публики «непатриотизм» Герцена и тем самым разрушил его репутацию, то ли то, что он «переборол» последнего.

В материалах о М.Н. Каткове профессор Е.Бобров затрагивает (уместно) тему, которой он будет касаться и в других своих работах – закрытие «высочайшим повелением» в 1850 году кафедр философии во всех русских университетах. Он придавал большое значение (негативным) последствиям этого решения для «философии в России».

³⁹⁷ Там же. – С. 171. А в 1856 году М.Катков при содействии князя П. Вяземского основал журнал «Русский вестник».

³⁹⁸ В 1863 году произошло польское восстание.

³⁹⁹ Бобров Е.А. Философия в России. Вып. IV. – С. 172.

«Около половины прошлого XIX века сбылись, наконец, пожелания Магницкого, князя Ширинского-Шихматова и прочих мистиков, которые с двадцатых годов точили зубы на преподавание философии в университетах, видя... в этой науке чуть ли ни главную причину общественных и политических нестроений»⁴⁰⁰.

Как известно, результатом Докладной записки князя П.А.Ширинского-Шихматова (тогда – управляющего МНП) Николаю I об ограничении преподавания философии⁴⁰¹ явилось закрытие кафедр философии⁴⁰² во всех русских университетах, Ришельевском Лицее и Главном педагогическом институте⁴⁰³.

Ни для кого не было секретом, откуда дует ветер. С.М. Соловьёв прямо писал: « До последнего времени, до 1848 года, явного гонения на просвещение не было...Но свистнул свисток на Западе, и декорация переменялась на Востоке.: февральская революция отозвалась совсем печальным образом на России. Петербургское правительство перепугалось...Думали, что и у нас сейчас же вспыхнет революция»⁴⁰⁴.

Негативные последствия закрытия кафедр философии были верно осознаны и современниками тех событий, и людьми, по прошествии лет, несколько не введёнными в заблуждение относительно плодов этого деяния, а напротив, ощутимо воспринимавшими их. Вот что писал, например, В.Шульгин в статье «Юго-западный край под управлением Д.Г. Бибикова» (1879): « Закрытие кафедры философии лишило университет одного из

⁴⁰⁰ Бобров Е.А. Философия былых времён//Бобров Е.А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б.г., б.м. – С.62.

⁴⁰¹ Текст Докладной записки см.: Павлов А.Т. Указ соч. – С.66-72.

⁴⁰² Это был первый шаг П.А.Ширинского-Шихматова на посту министра просвещения. Известный наш историк С.М.Соловьёв пишет: «Человек ограниченный, без образования, фразёр, бездарный, Ширинский славился своим благочестием, набожностью. Ставши министром просвещения, он начал, прежде всего, действовать против духа неверия: для этого представил Императору о необходимости уничтожить кафедру философии в университетах» - См.: И.М. Соловьёв. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятых годов./И.М.Соловьёв. – С.- Пб., 1914. – С.205.

⁴⁰³ О закрытии кафедр философии см.: Емельянов Б.В. Запрещение преподавания философии в русских университетах (по архивным материалам)/Емельянов Б.В. // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. I. Деятельность XIX века. – М., 1989.

⁴⁰⁴ См.: И.М. Соловьёв. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятых годов./И.М.Соловьёв. – С.- Пб., 1914. – С. 203.

жизненных и основных предметов и должно было произвести застой в умственной самодеятельности слушателей»⁴⁰⁵.

Е.А. Бобров именно об этом писал в ряде своих публикаций.

«Остатки философского преподавания в виде опытной психологии и логики, - писал он, - поручены священникам, профессорам богословия, причём программы для этих предметов были преподаны к руководству Святейшим Синодом»⁴⁰⁶.

Об этом прямо сказано в Распоряжении министра народного просвещения «О возложении наблюдения за преподаванием логики и психологии в Университетах и Ришельевском Лицее на Главных Наблюдателей за преподаванием закона Божия в светских учебных заведениях» (12 апреля 1852 г.).⁴⁰⁷ Применительно к Казанскому университету Распоряжение гласило, как сказано в Отчёте о состоянии наук в Императорском Казанском университете в 1852/53 г.г., что «наблюдение за преподаванием логики и психологии в Казанском университете возложено Священным Синодом на Главного Наблюдателя за преподаванием закона Божия в светских учебных заведениях в Казани, ректора Казанской духовной Академии архимандрита Парфения».

И в самом деле, например, в «Обзрении преподавания» на 1854/55 у.г. по историко-филологическому факультету сказано, что опытная психология читается «по программе, утверждённой Святейшим Синодом». Тоже в «Обзрениях» за все 50-е годы, только иногда вместо «Священный Синод» записано «по программе, утверждённой высшим начальством».

Как происходила эта замена светских преподавателей философских дисциплин на профессоров богословия, которым поручено было преподавание опытной психологии и логики, хорошо иллюстрируется одним местом из

⁴⁰⁵ См.: Там же. – С.189.

⁴⁰⁶ Бобров Е.А. Философия былых времён//Бобров Е.А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б.г., б.м. – С. 62.

⁴⁰⁷ См.: И.М. Соловьёв. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятых годов./И.М.Соловьёв. – С.- Пб., 1914. – С. 58.

«Записок» историка Сергея Михайловича Соловьёва. П.А. Ширинский-Шихматов предложил императору, пишет он, «поручить чтение логики и психологии священникам-профессорам богословия, не позаботясь прежде о том, чтобы эти профессора богословия были порядочные люди, могшие прилично являться на кафедре перед слушателями, с научным образованием, с даровитостью и теплотою, быть .. не диктовальщиками сухих параграфов так называемого догматического и нравственного богословия. И вот этим-то людям дали теперь ещё читать философию. Наш бездарный, сухой, но умный и добросовестный Терновский со слезами отмаливался от новой кафедры, выставляя свою совершенную неприготовленность к ней; ему выставили высочайшее повеление, и старик должен был приниматься за логику и психологию»⁴⁰⁸.

Это о Московском университете. В Казанском преподавание логики и опытной психологии в сентябре 1850 года было поручено священнику Грузинской церкви, настоятелю университетской церкви (с 1851 г.), протоиерею, ординарному профессору Владимирскому Александру Поликарповичу (1821-1906). О нём пишет Е.А.Бобров в статье о П.М. Терновском в пятом сборнике «Философии в России». Правда, в отличие от С.М. Соловьёва, оценки А.П.Владимирскому здесь не даёт. О последнем заметим только, что позднее он станет деканом историко-филологического факультета, в 60-е ректором университета, подготовит, но не опубликует курс психологии.

Но такие оценки есть в заметке «Философия былых времён», в которой Е.А.Бобров рассматривает программы по логике и опытной психологии, «утверждённые Святейшим Синодом» и составленные профессорами-богословами, которые «не имели никакого касательства к науке философии»⁴⁰⁹.

⁴⁰⁸ См.: И.М. Соловьёв. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятых годов./И.М.Соловьёв. – С.- Пб., 1914. – С.203. Не без издевки, С.М. Соловьёв продолжает далее: « Для вознаграждения профессоров философии, потерявших свои кафедры, Ширинский создал новую кафедру – педагогики. Как будто люди, вредные на кафедре философии, могли быть не вредны, преподавая педагогику». – См.: Е.А.Бобров. Философия в России. Вып.IV. – С.212.

⁴⁰⁹ Бобров Е.А. Философия в России. Вып.V. – С.8.

По этим программам «остатки философского преподавания» прививались студентам всех русских университетов как-никак целое десятилетие и, по крайней мере, два поколения слушателей именно по ним получили представление об этом «преподавании». Разумеется, они не могли ни привлечь внимание Е.Боброва, тем более, что (а это, как знаем, для него было немаловажно) «в нашей учёной литературе до сих пор не было сведений об этих программах»⁴¹⁰.

Е.А. Бобров приводит программы по логике и психологии, составленные А.П.Владимирским, и, в целом, оценивает их низко. Упрёк сводится, в общем, к тому, что программы носят богословский, а не философско-научный характер. Так он пишет о программе по психологии. Ещё резче отзывается о программе по логике: «гораздо больше богословской тенденциозности в программе...по логике». А во второй части программы по логике, в которой речь идёт о гносеологии, «тенденциозность богослова-составителя по отношению к чуждой для него науке философии достигает своего крайнего предела». По мнению составителя, пишет Е.А. Бобров, «вся философия и всё знание должны быть всегда основаны на вере»⁴¹¹.

Замечательно здесь вот что. Через небольшой анализ частной, на первый взгляд, проблемы, мы имеем возможность получить более ясное и целостное представление о больших вопросах и целых периодах нашей истории, чем благодаря иным филиппикам⁴¹² и повествованиям. И это является отличительной (и замечательной) чертой исследовательских работ Е.А.Боброва по истории философии и просвещения в России, объём которых (за некоторым исключением) небольшой.

⁴¹⁰ Бобров Е.А. Философия былых времён//Бобров Е.А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б.г., б.м. – С. 62.

⁴¹¹ Бобров Е.А. Философия былых времён//Бобров Е.А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б.г., б.м. – С. 67.

⁴¹² В т.ч. С.М.Соловьёва.

ЛИТЕРАТУРА

Александров А. 30-летний юбилей учёно-педагогической деятельности А.И.Смирнова (Письмо из Казани)/Александров А.// Вопросы философии и психологии. – Год XII, кн.II(57). - 1901, март-апрель.

Архангельский К.П. Н.В. Станкевич//Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1930. – Т. I (XIV).

Архимандрит Гавриил. История русской философия./архимандрит Гавриил. – Казань: в университетской типографии, 1840.

Бажанов В.А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии/ Бажанов В.А – М.: Канон+, 2007.

Беляев М. Работы пр. Е. А. Боброва по истории русской литературы и просвещения/Беляев М. // Известия Северо-Кавказского университета.- 1928. - Т.III (XVI).

Булич Н.Н.Казанский университет в Александровскую эпоху/Булич Н.Н. – Казань, 1875.

Введенский А. Один из типов нашей университетской философии (о переводах и сочинениях Е.А.Боброва)/Введенский А.- Богословский Вестник. – 1896, август.

Галактионов А.А., Никандров П.Ф. История русской философии/ Галактионов А.А., Никандров П.Ф. – М., 1961.

Головачёв П. «Дело» о философии Круга (к характеристике казанских профессоров эпохи Магницкого)/Головачёв П.//Русская старина. – 1904, август

Загоскин Н.П. Из времён Магницкого/Загоскин Н.П. – Казань, 1894;

Зеленогорский А.Ф.. О методах исследования и доказательства. Сост. И примеч.К.А.Томилин. /Зеленогорский А.Ф. – М.: РОССПЭН, 1998.

Зеленогорский А.Ф. Философия Григория Саввича Сковороды, украинского философа XVIII столетия/Зеленогорский А.Ф.// Вопросы философии и психологии. – М., 1894. – Год V, кн.3 (23),год V, кн.4 (24).

Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х томах/Зеньковский В.В. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004.

Ивлева М.И. Эстетическое бытие человека как онтологического субъекта в философии Е. А. Боброва/Ивлева М.И.//Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии. Материалы Международной научно-образовательной конференции. 20-21 апреля 2012г., Казань. – Казань: Казанский университет, 2012.

Из истории русской философии. – М., 1948.

История Императорского Казанского университета. 1804-1904/Под ред. Н.П. Загоскина. – Казань, 1904.

История Казанского университета. 1804-2004 – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004

Каменский З.А. Русская философия XIX в. и Шеллинг/ Каменский З.А. – М., 1980. Козлов А.А. Густав Тейхмюллер/Козлов А.А.//Вопросы философии и психологии. – М., 1894. – Год V, кн.4 (24); Год V, кн.5 (25).

Козлов А.А. Французский позитивизм/ Козлов А.А. //Вопросы философии и психологии. – М., 1893-1894. – Год IV, кн.19 (4); Год V, кн.1 (21); Год V, кн.2 (22).

Козлов А.А. Теория искусства с точки зрения Тейхмюллера/ Козлов А.А. // Вопросы философии и психологии. – М., 1895.- Кн.2 (27).

Колубовский Я.Н. Материалы для истории философии в России. 1855-1888/ Колубовский Я.Н. // Вопросы философии и психологии. – М., 1890-1891.- Год I, кн.4; Год II, кн.5; год II, кн.6.

Корбут М.К. Казанский университет за сто двадцать лет/Корбут М.К. – Казань, 1930.

Кошелёва О.Е., Морозов Б.Н. Неизвестные русские учебные курсы философии середины XVIII века/ Кошелёва О.Е., Морозов Б.Н. //Историко-философский ежегодник-91. – М.: Наука, 1991.

Лосский Н.О. Козлов и его панпсихизм/ Лосский Н.О. // Вопросы философии и психологии. – М., 1901 – Год XII, кн. 58(III).

Маковельский А.О. Работы проф.Е.А.Боброва по философии/Маковельский А.О. //Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1928. – Т.III(XVI).

Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры: Часть 3.Выпуск 2. Национализм и общественное мнение/ Милуков П.Н. – СПб.,1903.

Медянцева М.П., Никитина Т.И. Из истории философской мысли Казанского университета. Духовное наследие В.Н. Воскресенского //Учёные Записки Казанского университета. Том 137.Экономика. Философия/ Медянцева М.П., Никитина Т.И. – Казань: Унипресс,1999.

Павлов А.Т. Философия в Московском университете/ Павлов А.Т. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2010;

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. В 4-х томах/ Петров Ф.А. – М., 2002-2003.

Пустарников В.Ф. Университетская философия в России: Идеи. Персоналии. Основные центры/ Пустарников В.Ф. – С-Пб., 2003.

Резвых П.В. Ф.В.И.Шеллинг в диалоге с русскими интеллектуалами/ Резвых П.В. // НЛО. Независимый филологический журнал. – 2008. - № 91.

Радищев А.Н. Полное собрание сочинений в 3 томах/ Радищев А.Н – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.

Сакулин П.Н.Из истории русского идеализма/ Сакулин П.Н. - М., 1913.

Серебряков Ф.Ф. Философия и религия, или архимандрит Гавриил. // Наука и религия в глобализирующемся мире. Сб. статей/Серебряков Ф.Ф. – Казань: Изд. Казан.ун-та, 2007.

Серебряков Ф.Ф. Философское образование и философская мысль в Казанском университете/ Серебряков Ф.Ф. – Казань: Казанский университет, 2009. Смирнов А.И.. Эстетика, как наука о прекрасном в природе и искусстве. Университетские чтения/ А.И.Смирнов. – Казань, 1894.

Соловьёв И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятих годов./И.М.Соловьёв. – С.- Пб., 1914.

Тейхмюллер Г. Дарвинизм и философия. Пер. под ред. Е.Боброва/
Тейхмюллер Г. – Юрьев, 1894.

Тейхмюллер Г. Бессмертие души. Философское исследование. Перевод
под ред.Е. Боброва/ Тейхмюллер Г – Юрьев, 1895.

Тейхмюллер Г. Действительный и кажущийся мир. Новые основания
метафизики/Тейхмюллер Г. – Казань: Типо-литография Императорского
университета, 1913.

Философия Шеллинга в России. – СПб.: Издательство РГХА, 1998.

Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего/Чаадаев П.Я. – С.-Пб.:
Издательство «Азбука-классика», 2004.

Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Ч.1/Шпет Г.Г. – Пг.,1922.

Шпет Г.Г. Философские этюды/ Шпет Г.Г. – М: Издательская группа
«Прогресс», 1994.

Эйдельман Н. Пушкин и Чаадаев//Эйдельман Н. Статьи о Пушкине. – М.,
2000.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

Философия в России в отечественной историко-философской литературе
XIX -начала XX веков.

Исследования по философии и просвещению в России представителей
казанской университетской философии.

Университетская философия в России XIX - начала XX веков.

Е.А.Бобров о преподавании философии.

А.Н. Радищев в советской историко-философской литературе и в
исследовании Е.А.Боброва: сравнительный анализ.

«Русское шеллингианство» - вклад исследователя Е.А.Боброва.

Персонализм в России – взгляд Е.А.Боброва.

Русская литература в исследовательских фрагментах Е.А.Боброва.

Труды Е.А.Боброва по философии и просвещению в России⁴¹³ (звёздочкой отмечены работы, имеющиеся в Научной библиотеке КФУ):

*Бобров Е.А. Из истории критического индивидуализма/Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. – 51 с.

*Бобров Е.А. Из нашей литературной и культурной старины/Бобров Е.А. – Б.м., [19...].- 73 с.

*Бобров Е.А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии/Бобров Е.А. – Б.м., [19...].- 68 с.

* Бобров Е.А. Отзыв о рукописном сочинении « Философский элемент в сочинениях В.Г.Белинского»/Бобров Е.А. – Казань6 Типо-литография Императорского университета, 1900. - 20 с.

*Бобров Е.А. К столетию годовщины рождения поэта А.И.Полежаева/Бобров Е.А. – Варшава, 1905. – 75 с.

*Бобров Е.А. Краткий отчет о занятиях во время ученой командировки летом 1898 года. С приложением двух рассуждений: 1. О координальном бытии и 2. Искусство и христианство/Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1899. - 29 с.

*Бобров Е.А. Литература и просвещение в России XIX века. Материалы, исследования и заметки. Т. 1-4/Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1901-1902.

*Бобров Е.А. Материалы, исследования и заметки по истории русской литературы и просвещения в XVIII и XIX столетиях./Бобров Е.А. – Б.м., б.г. – 111 с.

*Бобров Е.А. О понятии бытия. Учение Г.Тейхмюллера и А.А.Козлова /Бобров Е.А. – Казань: Типо-литография ун-та, 1898. – 76 с.

⁴¹³ Большая часть «материалов и заметок», содержащихся в сборниках, отдельно не указана, приведены только названия сборников (некоторые из этих «материалов» названы, с указанием сборника, в котором они помещены, в тексте пособия). Приведённый список трудов, надо полагать, не полный. Часть работ оказалась мне недоступной и известна только по их названию в других работах Е.А. Боброва.

*Бобров Е.А. О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование/Бобров Е.А. – Юрьев: печатня Германа, 1894. – 248 с.

*Бобров Е.А. Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Вып. 1-3, 4, 5, 6/Бобров Е.А. – Казань: ТИПО-литография Императорского университета, 1899-1902.

Вып. 1, 1899. – 48 с.

Вып. 2, 1899. – 255 с.

Вып. 3, 1900. – 256 с.

Вып. 4, 1901. – 264 с.

Вып. 5, 1901. – 208 с.

Вып. 6, 1902. – 48 с.

*Бобров Е.А. Философия и литература. Сборник статей/1888-1898/. Т. 1 - Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. – 170 с.

*Бобров Е.А. Этические воззрения графа Л.Н. Толстого и философская их критика/Бобров Е.А. – Юрьев, 1897. – 100 с.

Бобров Е.А. Первый русский романтик Г.П.Каменев/Бобров Е.А.//Исторический вестник. – 1903, август.

Бобров Е.А. Из истории жизни и поэзии А.И.Полежаева/Бобров Е.А.. – Варшава, 1904.

*Бобров Е.А. А.А.Фукс и казанские литераторы 30-40-х годов/Бобров Е.А.// Русская старина. – 1904, июнь. – Т.118; 1904, июль. – Т.119.

Бобров Е.А. Пушкин в Казани/Бобров Е.А.. – С.-Пб., 1905.

Бобров Е.А. К биографии Гавриила Петровича Каменева/Бобров Е.А. – Варшава, 1905.

Бобров Е.А. Мелочи из истории русской литературы. I-VI/Бобров Е.А.. – Варшава, 1905 - 1909.

*Бобров Е.А. Биография философа и историка М.Ф.Поссельта. – Русский биографический словарь. – 1906. – С. 624-626.

Бобров Е.А. О байронизме А.И. Полежаева/Бобров Е.А. – Варшава, 1906.

Бобров Е.А. Дела и люди. Сборник философских и историко-литературных статей/Бобров Е.А.– Юрьев, 1907.

Бобров Е.А. К биографии Н.М.Языкова/Бобров Е.А.//Сборник учено-литературного общества при Императорском Юрьевском университете. – Т. XI. - Юрьев, 1907.

Бобров Е.А. Этюды по истории русской литературы и просвещения//Сборник Учено-литературного общества при Юрьевском университете. – Юрьев, 1909.

Бобров Е.А. Философские этюды. I-IV/Бобров Е.А. – Варшава, 1911.

Бобров Е.А. Эпизод из жизни Н.И.Костомарова//Русская старина. – 1904, март. – С. 603-614.

Бобров Е.А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии//Варшавские университетские известия. - 1908. - № 4. – С. 1-32.

*Бобров Е.А. Эпизод из истории марксизма в России//Известия Северо-Кавказского государственного университета. Общественно-литературный. – 1927. – Т. I (XII). – С. 69-78.

*Бобров Е.А. Одно из самых ранних русских изложений теорий К.Маркса//Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1930. - Т. I (XIV). – С. 84-91.

*Бобров Е.А. Тип шестидесятника//Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1930. – Т. I (XIV). – С. 201-205.

*Бобров Е.А. Заметки о Н.Г.Помяловском //Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1930. – Т. I (XIV). – С. 196-200.

*Бобров Е.А. «Соединенные Славяне» (по поводу работ М.В.Нечкиной) //Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1927. – Т. I (XII). Общественно-литературный. - С. 192-199.

*Харитес. Профессору Е.А.Боброву признательные ученики в честь четвертьвековой – 1888-1913 – его работы на поприще науки и литературы. – Варшава: Типография «Русского общества», 1913.

**МАКОВЕЛЬСКИЙ А.О.
РАБОТЫ ПРОФЕССОРА Е.А. БОБРОВА ПО ФИЛОСОФИИ⁴¹⁴:**

Многолетняя деятельность профессора Евгения Александровича Боброва, как ученого исследователя и университетского преподавателя, отличается многосторонностью и широким охватом: русская литература, история просвещения, педагогика и философия — вот те области знания, которым было посвящено научное творчество Евгения Александровича и в каждую из которых он сделал солидный вклад. Я в своем отзыве ограничусь рассмотрением лишь тех работ проф. Е. А. Боброва, которые касаются философских дисциплин. Эти работы составляют обширную группу (числом более 20) и могут быть распределены по следующим отделам:

I. Учение о бытии. Сюда относятся следующие сочинения:

„О понятии бытия". 1898.

„О координальном бытии". 1900.

„Бытие индивидуальное и бытие координальное". 1900.

II. Логика.

„Логика Аристотеля". 1906.

„Историческое введение в логику". 1916 (второе издание),

III. Психология.

О самосознании. 1898.

Психологические воззрения др. греч. философов.

I изд. 1907, II изд. 1910.

Историческое введение в психологию. II изд. 1913.

IV. Эстетика.

О понятии искусства. 1894.

Отношение искусства к науке о нравственности. 1895.

V. История философии.

⁴¹⁴ Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1928. – Т. III (XVI). – Ростов-на-Дону, 1928.

Из истории критического индивидуализма. 1898.

Новая реконструкция монадологии Лейбница. 1896. Философия
Парменида. 1903.

К столетней годовщине смерти Им. Канта. 1904.

Этюды по метафизике Лейбница. 1905.

Философские этюды. 1ЛУ. 1911.

VI. Русская философия.

Философия и литература. Сб. статей 1898.

Этические воззрения Л. Н. Толстого и философская их критика, 1897.

Философский элемент в сочинениях В. Г. Белинского. 1900.

Философия в России I, II, III, IV, V и VI в. в. (1899-1902).

VII. История педагогики.

Педагогика Руссо. 1911.

Сборник в честь Н. И. Пирогова под редакцией профессора
Е. А. Боброва. 1912.

Псевдо-Плутарх. Перев. под ред. проф. Е. А. Боброва. 1913.

Вопросы педагогики, т. I, 1912 и т. II, 1913, под ред. проф.

Е. А. Боброва.

Е. А. Бобров впервые выступил в русской философской литературе в девяностых годах прошлого столетия в качестве ученика и последователя известного немецкого философа Густава Тейхмюллера (проф. Базельского и потом Дерптского университета). Последний не принадлежал ни к какой философской школе: ни одно из господствующих течений философской мысли его не удовлетворяло — ни идеализм, ни механический материализм (диалектического материализма он не знал). Стремясь проложить новый путь в философии, отыскивая „путь между Сциллою материализма и Харибдой идеализма“, Густав Тейхмюллер - создает собственную философскую систему: «персонализм» Дав оригинальное учение о бытии и разработав своеобразную психологию, Г. Тейхмюллер положил основание новой философской школе, главными представителями которой в России явились профессора

университетов Киевского — А. А. Козлов, Казанского — Е. А. Бобров и Юрьевского — Я. Ф. Осе. Необходимо отметить, что Г. Тейхмюллер был одним из самых выдающихся знатоков Аристотеля и древней философии вообще (он разработал Целлерово понимание платонизма, воссоздал философию Аниксимандра и Гераклита), и ему, без сомнения, был обязан Евгений Александрович Бобров тем глубоким знанием древней философии, которое выделяло его среди многих представителей кафедр философии в России.

Итак, Е. А. Бобров выступает в первых своих работах в качестве представителя „персонализма“, философского направления, полагающего в основу мировоззрения принцип личности. Наиболее характерной чертой Е. А. Боброва, как философа, является его вера в силу разума: он твердо убежден в том, что истина до конца познаваема мышлением в силу самого устройства последнего, и горячо выступает против мистики. „Мистический идеализм,— говорит он,— представляет собой и логическую ошибку и неестественное зрелище того, как философия, желая идти вперед при помощи разума, втихомолку, однако, отказывается от него и прибегает к менее чистым источникам... Девизом нашим всегда были и будут золотые слова Пушкина: „Да здравствует разум. Ты, солнце святое, гори.... Да здравствует солнце, да скроется тьма“. Мистический идеализм есть для него та „ложная мудрость“, которая „мерцает и тлеет пред солнцем бессмертного ума“. Вот почему Е. А. Бобров в своих работах нападает также на неокантианство и позитивизм. Утверждение позитивизма, что сущности вещей познать нельзя, что подлинная реальность непознаваема, есть, по его мнению, не что иное, как „умственная лень“, „паралич мысли“. Ошибочной формой метафизики считает он также идеализм Платона, Аристотеля, Беркли, Фихте, Гегеля, хотя и высоко ценит у Гегеля его диалектический метод.

Однако, принимая основоположения системы персонализма Г. Тейхмюллера, Е. А. Бобров уже в первых своих работах начинает вносить в эти положения существенные исправления. Сознав недостаточность насквозь индивидуалистического мировоззрения и необходимость

перехода к общественному началу, необходимость введения наряду с принципом индивидуальности, безраздельно господствующим в системе Г. Тейхмюллера, также принципа общности, Е. А. Бобров дополняет Тейхмюллерово понятие о бытии понятием бытия координального, и это его антологическое исследование представляет интерес, как попытка внести новое освещение в имеющую столь длинную историю (начиная от Платона) диалектику единого и многого. Останавливает наше внимание также полемика Е. А. Боброва с Г. Тейхмюллером, направленная против таких учений последнего, как „все существа находятся в боге“, „все они составляют нечто единое в боге“. Е. А. указывает, в каких безысходных противоречиях запутывается вся система персонализма при подобных допущениях.

Из отделов систематической философии, кроме учения о бытии, предметом научных изысканий Е. А. Боброва были логика, психология и эстетика. Весьма ценными являются общие взгляды Е. А. на логику. Логика наитеснейшим образом связана с учением о бытии. Новая логика еще не построена. До сих пор мы имели лишь один цельный тип логики, логику Аристотеля, но она для нас не пригодна, так эта логика есть детище идеалистической метафизики, имея в последней все свои корни. Поэтому, она целиком должна быть отброшена, § Л все новейшие попытки подмалевать, приукрасить ее и приспособить*, к нашему научному обиходу решительно бесцельны. „Неразумно поступают и те, кто, отрывая логику Аристотеля от ее исторической общефилософской основы, на которой она выросла, хотят ее преобразовать в какую-то особую высшую надфилософскую науку безо всяких презумпций,—науку, которая сама бы со своей высоты трибунала творила суд над всеми науками". Но поскольку создание новой логики есть еще неосуществленная задача, стоящая перед нами, полезно ознакомиться с единственной цельной логикой прошлого — логикой Аристотеля. И Е. А. дает блестящий очерк „логики Аристотеля", который, без сомнения, является лучшим из всего того, что имеется в русской литературе по этому вопросу. Необыкновенная ясность и четкость мысли и мастерская выпуклость

изложения составляют неоспоримое достоинство этого очерка. С логикой Аристотеля Е. А. сопоставляет „теорию истины и заблуждений" Декарта, как попытку построить логику на других метафизических основоположениях.

Свои психологические учения Е. А. Бобров развивает по преимуществу историко-критическим методом. Его критическое изложение истории психологических воззрений включает в себе рассмотрение народных верований относительно души, научных попыток объяснить душу в досократовской философии, психологических учений Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Локка и Юма. В психологии Е. А. придерживается оригинальной концепции, согласно которой все виды психической деятельности человека сводятся к трем основным: движению, мышлению и чувству. Здесь особенно достопримечательным является учение о движении, поскольку оно отчасти предвосхитило некоторые новейшие результаты современной объективной психологии.

Согласно этой концепции, ощущение, чувственное восприятие, образы воспоминания и фантазия суть механические продукты нашей двигательной функции. Это—не что иное, как наши движения, которые, достигая известной силы и напряженности, становятся сознательными (причем в создании наших представлений воспоминания и воображения существенную роль играют движения в наших органах речи).

На эстетику Е. А. Бобров смотрит, как на один из видов прикладной психологии. Свой труд „О понятии искусства" он посвящает выработке новых психологических основ эстетики. Гегелева и Гербартова школы имеют (говорит он) свою эстетику, и система персонализма должна создать свою эстетику. Хотя эту задачу ставил уже Г. Тейхмюллер, но он с ней не справился. И Е. А. Бобров приступает к самостоятельной разработке основоположений эстетики. Эстетика есть наука об искусстве и включает в себе две основные проблемы: проблему художественного творчества и проблему эстетического наслаждения. В художественном творчестве два момента: самый замысел и символизация, выполнение его. Какова же психологическая основа всех указанных процессов?

Ответ, к которому приходит автор, является новым и для того времени (1894 г.) парадоксальным: „Искусство есть система координированных движений (как сознательных, так бессознательных или телесно-органических)". Искусство во всех своих моментах (как труд) относится к движению. Так, исходя из совершенно иных предпосылок, Е. А. Бобров близко подошел к рефлексологическому пониманию искусства. Специальному обсуждению Е. А. подвергает вопросы: „Наука и искусство", „Искусство и нравственность" и дает ценную критику эстетических учений Гегеля, Лотце, Фишера, Шасслера и др.

Что касается работ проф. Е. А. Боброва по истории философии, то излюбленными периодами, которым он уделял много внимания и к углубленному изучению которых он часто возвращался, были древняя философия до Аристотеля включительно, великие философские системы ХУН-ХХ/Ш в.в. (от Декарта до Канта) и английский эмпиризм (от Локка до Юма). У Е. А. имеется оригинальная схема общего развития философской мысли. Основными течениями философской мысли он считает идеализм, материализм, спинозизм и персонализм. Во всех работах Е. А. по истории философии видно глубокое и основательное знание источников.

В изучении истории развития русской философии заслуги профессора Е. А. Боброва весьма велики. Его шеститомная „Философия в России*", можно сказать, заложила фундамент новой дисциплины—истории русской философии. Этот капитальный труд наряду с некоторыми другими его работами (выше отмеченными) по изучению русской философии представляет кропотливое собрание первоисточников и анализ их, дает много новых материалов и знакомит нас со многими фактами русской философской мысли, которые были ранее неизвестны. Мимо работ проф. Е. А. Боброва не может пройти ни один исследователь судеб философии в России, ни один историк русской культуры.

Сделанный мною обзор научных трудов Е. А. Боброва дает право утверждать, что в лице его мы имеем крупного научного работника с обширными и глубокими знаниями и творческим умом, с многосторонними интересами и оригинальными концепциями, научно-исследовательская

деятельность которого обогатила русскую науку ценными трудами.

Однако, данная мною оценка научных заслуг проф. Е. А. Боброва будет далеко не полной, если я не остановлюсь на характеристике его, как профессора. В отличие от многих университетских преподавателей прежнего времени, Е. А. всегда глубоко интересовался вопросом о методах преподавания и даже посвятил этому вопросу особую статью „О преподавании философии в университетах" (помещенную в сборнике Учено-Литературного Общества при Юрьевском Университете, т. XII); на ту же тему им была прочитана вступительная лекция в Варшавском университете 10 сентября 1903 г. Е. А. не только от природы обладал большим педагогическим талантом, но и составил тщательно разработанную (на основе многолетней практики) методику университетского преподавания, далекую от обычной рутины. Главная цель, которую он преследовал в своем преподавании,—пробуждать в слушателях научную деятельность, критику и изыскание, заставлять учеников мыслить самих, я не довольствоваться усвоением готовых результатов, пробудить в них философский эрос... Мне лично пришлось лишь один год работать под руководством проф. Е. А. Боброва студентом первого курса историко-филологического факультета Казанского университета. И тем не менее я очень многим обязан ему. Он умел сразу заинтересовать студентов читаемыми курсами и привлекать их к активной работе над первоисточниками. Мой первый реферат, прочитанный на практических занятиях проф. Е. А. Боброва, об устройстве вселенной по Анаксимену, был тем зерном, из которого выросли впоследствии три тома моих «Досократиков». Что самое главное, Е. А. умел научить работать по первоисточникам, умел сразу вводить *in medias res*. Под его руководством тогда же я стал работать над темой: „Теория зрения в ее историческом развитии", в результате каких занятий появился мой перевод „Новой теории зрения" Беркли. Несмотря на кратковременность нашего научного общения, влияние его на меня осталось неизгладимым. Ряд учеников Е. А. Боброва проявил себя печатными работами в области философских дисциплин: проф. И. И. Ягодинский, проф. Овчинников, Тихонович, Яворский,

Боковнев и др. Признательность учеников засвидетельствована изданием сборника статей, посвященных 25-летию научной деятельности проф. Е. А. Боброва, под заглавием: ХΑΡΙΤΕΣ (1913).

В заключение прибавлю, что проф. А. Е. Бобров был одним из первых, начавших читать курсы педагогики в русских университетах в то время, когда педагогика еще не получила признания в качестве предмета университетского преподавания.

БЕЛЯЕВ М. РАБОТЫ ПРОФЕССОРА Е.А. БОБРОВА ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ⁴¹⁵.

Профессор Северо-Кавказского Государственного Университета Евгений Александрович Бобров, бывший профессор университетов Юрьевского (Дерптского), Казанского, Варшавского, родился в 1867 году, в городе Риге, в семье крестьянина, после самоучки-казенного землемера, сдавшего экзамен на низший чин. Брат Евгения Александровича, Владимир Александрович, также известен, как писатель, фольклорист и историк литературы, к сожалению рано умерший. Первоначальное образование Е. А. получил в низших школах города Риги, а потом в Екатеринбургской (ныне Свердловск) гимназии на Урале, куда был переведен его отец и переселилась его семья. Гимназию Е. А. окончил в 1885 году с золотой медалью. По окончании гимназии Е. А. в том же году поступил в Юрьевский университет (в Дерпте), который окончил в 1889 году по двум отделениям: философскому и историко- литературному. В 1892 году Е. А. сдал магистерские экзамены по философии, и с 1893 года стал штатным доцентом философии по кафедре логики и психологии. В 1896 году Е. А. перешел в Казанский университет в должности экстраординарного профессора по той же кафедре.

В 1903 году Е. А. был переведен в Варшавский университет профессором по кафедре философии и педагогики. В 1915 году Варшавский университет был переведен в Ростов на Дону и был преобразован сначала в Донской, а потом в Северо-Кавказский Университет. Е. А. здесь сначала занимал кафедры философии и педагогики, а потом перешел на кафедру истории русской литературы. В должности профессора истории русской литературы Е. А. здесь состоит и в настоящее время. Кроме философии, логики, психологии, педагогики, истории русской литературы, Е. А. преподавал историю всеобщей

⁴¹⁵ Беляев М.. Работы пр. Е. А. Боброва по истории русской литературы и просвещения/ БеляевМ. // Известия Северо-Кавказского государственного университета. - 1928. - Т.III (XVI).

литературы и историю немецкой литературы в Юрьеве, а кроме указанных университетов преподавал в качестве профессора в Юрьевском Ветеринарном Институте, на Варшавских Высших Женских Курсах, в 1914 году временно был приглашен для преподавания философии на Тифлисские Высшие Женские Курсы, неоднократно далее преподавал на разного рода летних курсах по подготовке учителей средних школ, а также состоял три года директором Донских правительственных педагогических курсов.

Научную и литературную деятельность свою Евгений Александрович начал в 1888 году, будучи еще студентом Юрьевского университета, некрологом о своем учителе, профессоре философии Г. Тейхмюллере, в газете „Русские Ведомости“, от 20 мая 1888 года, № 137 т. е. сорок лет тому назад. За это время Евгений Александрович дал русской науке громадное количество, более трехсот, работ в русских журналах по философии, истории русской литературы, истории науки, логике, психологии, педагогике, истории просвещения, свидетельствующих о необычайной эрудиции, широком горизонте научного интереса и исследования, о разнообразии этого интереса и пламенной ревности к своей науке. Будучи специалистом в трех соприкасающихся областях: в области философии, педагогики и истории русской литературы, Е. А. совмещает их в своих исследованиях, в направлении своего исследовательского интереса. Наука интересуется его и своей отвлеченной теоретической стороной, но главное своим конкретным проявлением в „делах и людях“ разных времен. Отсюда у него историческое по преимуществу направление исследования, опора на первоисточники, архивные изыскания, изучение истории науки (философии и литературы), отсюда в его работах галерея воскрешенных из прошлого научных и литературных деятелей и мастерское живое и конкретное их изображение не только с их научными и литературными интересами, но и подробностями их характера и бытовой обстановки. Примером такого рода направления исследования для Е. А., по его собственному признанию, были работы акад. Сухомлинова и Н. Я. Грота.

По складу своего мышления однако Евгений Александрович прежде

всего философ, выработавший здесь определенное мировоззрение и перенесший принцип его потом в другие области своего исследования. Остановимся на этих работах Е. А. только постольку, поскольку они относятся к работам по истории русской литературы. Отличаясь ясностью и трезвостью постановки метафизических, гносеологических, логических и психологических проблем, педагогической простотой изложения и в то же время глубоким по первоисточникам изучением вопроса, эти работы говорят вместе с тем и о самостоятельной философской мысли ученого, примкнувшего с самого начала к историческому и критическому направлению Лейбница, „Монадологию*“ которого особенно выдвигал Е. А. в историческом изложении развития философии, как начало, по его мнению, настоящей критической философии (Фил. и лит. 1,145 сл.). Философия для него была не догмой того или иного направления, однажды и на все время* усвоенной, а живым, связным и преемственным диалектическим процессом развития человеческой мысли, критикующей и ищущей в себе самой „разумной уверенности и обоснования своего поведения“. Благодаря этому историческому и критическому направлению, философские работы Е. А. являются показательным примером того, как своими путями русская философская мысль от иных исходных точек шла к тому, что теперь утверждается в философии диалектического материализма. Свою теорию Е. А. называл „критическим индивидуализмом“, или „персонализмом“. Однако, основанная на идее коррелятивности бытия индивидуального и бытия координального, эта теория уже в изложении его книги: „Бытие индивидуальное и бытие координальное, 1900 года, направлялась в сущности к материализму, являлась в существе дела обоснованием энергетического и социологического принципа. Важно отметить, что и философия, и психология, и логика Аристотеля Е. А. трактовались уже 20 — 30 лет тому назад с точки зрения исторической; последняя, например, в связи с метафизикой Аристотеля, представлялась историческим явлением, а не обнаружением вечных, абсолютных и постоянных приемов человеческого мышления (см. Историч. введение в логику, стр. 7 сл.). Такую логику Е. А. уже

тогда отвергал, как сухую и бесплодную схоластику. Вполне эта мысль почтенного исследователя, предносившаяся ему уже давно, раскрыта только теперь, на основании марксистского метода и мирозерцания, да и то не является общим признанием. Это свидетельствует о глубокой плодотворности принятого Е. А. с самого начала критического направления в философии, с точки зрения которого он в своих работах стремился, как он говорит в одном месте—„сокрушить владычество идеализма". В области философии учителем Евгения Александровича был известный философ, профессор сначала Базельского, потом Дерптского университета, Г. Тейхмюллер, сочинения которого о бытии, о дарвинизме в философии и др. не раз рецензировались Е. А. и редактировались в переводах, хотя Е. А. не следовал слепо во всем теории своего учителя, расходясь с ним по ряду вопросов. Характерно, что своим единомышленником Е. А. называл профессора Киевского университета А. А. Козлова, революционера - каракозовца, члена Ишутинского кружка, дальнего родственника поэта А. С. Пушкина, между прочим изображенного в виде Бибикова в романе Лескова „Некуда" (см. рецензии Е. А. на книги его: „Религия гр. Л. Н. Толстого" в „Вопр. фил. и психол.", XXIX, 1895 г. и на книгу: „Свое слово", в. V, Казань, 1899).

Изучение философии в представлении Е. А. тесно связывается с изучением литературы. Совершенно справедливо он признает для всякого, изучающего литературу необходимость хорошего знакомства с философией и политической экономией. „Философия (говорит Е. А. в своем отзыве на сочинение тогда студента, ныне профессора Сев.-Кавк. Университета И. И. Ягодинского: „Философский элемент в сочинениях В. Г. Белинского"), а затем и политическая экономия играют такую важную роль в умственном обиходе людей, занимавшихся литературной деятельностью XIX в., что изучение литературы этой эпохи становится невозможным без хорошего знакомства с философией и политической экономией. Вот почему большинство уже написанных этюдов по истории русской литературы XIX в. оставляет так много недосказанного. Ученому, занимающемуся лишь одной изящною литературой

и не ознакомленному специально с философскими течениями эпохи, приходится либо оставлять целые группы явлений в стороне и не видеть подземных ключей, питающих реку литературы, либо ограничиться избитыми местами и банальными суждениями". Сказанные почти тридцать лет тому назад, эти слова в настоящее время имеют еще большее значение.

Вследствие этого, громадное количество работ Евгения Александровича по истории философии в России, по истории русской науки и просвещения и по истории русской литературы объединяется в одну группу. Рассеянные прежде по разным журналам и изданиям, эти работы потом в некоторой части были объединены в большие томы под названиями:

Философия и литература, Казань, 1898.

Философия в России, т. т. I, II, III, IV, V, VI. Каз. 1899 —1902.

Литература и просвещение в России, т. т. I, II, III, IV. Казань, 1900—1903.

Мелочи из истории русской литературы, в. I, II, III, IV, V. Варшава, 1903.

Дела и люди. Юрьев, 1910.

Сюда же относятся и наиболее важные не объединенные работы:

Первый русский романтик П. Г. Каменев в Истор. Вестн., 1903, август.

Новые данные о поэте. Полежаеве. Истор. Вестн. 1905, июль.

Заметки по истории русской литературы и просвещения XIX в. Сборник Уч.-Лит. Общ. при Юрьевск. Унив., 1908.

Этюды по истории русской литературы и просвещения, там же, 1909 г.

Этюды о Полежаеве, Варшава, 1913.

Заметки по истории русской литературы, просвещения и культуры* Варшава, 1913.

В этих книгах, размером многие в 10 — 20 печатных листов, содержащих часто по 20 — 30 отдельных исследований, мы имеем живую, в высшей степени интересную и важную летопись русской литературы, науки и просвещения в XIX веке, целую галерею научных и литературных деятелей, воскрешенных из архивных материалов и в живом освещении представленных изучающему. Работы эти главным образом относятся к истории русской науки

и литературы первой половины XIX в. и основаны на изучении старых русских журналов и изданий и на архивных материалах. „Русские журналы прошлого века (говорит Е. А. в одном из предисловий к своему изданию), особенно первой его половины, представляют собой обширное кладбище, которое редко кто посещает, но на котором навеки погребено в безвестии много трудов и много блестящего таланта“. В исследованиях Евгения Александровича мы имеем прежде всего ряд больших монографий о Велланском, Радищеве, Веневитинове, Каменеве, Москотельникове, Полежаеве, Добролюбове, Пушкине, Гофмане, Печорине, Баратынском, Толстом, Худякове. Это все — большие критические монографии, всегда разъясняющие какую-либо новую сторону жизни или деятельности писателей или устанавливающие значение отдельных идеологических или литературных направлений. Так, здесь впервые в свое время освещено было более подробно влияние в России философии Шеллинга (Павлов и его ученики); впервые и по вновь найденной Евгением Александровичем до того неизвестной рукописи изложена теория животного магнетизма Велланского, имевшая большое значение для русской литературы того времени (Филос. в России, III, стр. 1 след.); по новым источникам также были изложены философские взгляды Радищева, создавшего в своих трактатах особую, так сказать, „философию сентиментализма" (Фил. в Р. III, стр. 55 след.); освещена была поэтическая и критическая деятельность Веневитинова, имевшего в 20-х годах такое же значение, как Станкевич в 30-х годах; изучена была впервые поэзия Каменева, „первого романтика в русской литературе"; особенно подробно и специально изучена, далее, жизнь и поэтическая деятельность Полежаева, к которому не раз возвращался Е. А. в своих исследованиях; отмечена поэзия Добролюбова; литературная деятельность немецкого поэта и писателя Гофмана; научная деятельность этнографа Худякова. Впервые тогда Е. А. обратил внимание на оригинальную личность В. С. Печорина, профессора-классика, потом эмигранта и католического священника, начав собирать материалы для его биографии, потом послужившие основой для позднейшей монографии Гершензона. Кроме того,

здесь мы имеем массу небольших заметок биографического, историко-литературного и бытового характера, с критическим освещением каких-либо подробностей, недостаточно, неточно или неправильно установленных в предшествующих работах других исследователей. Среди этих подробностей очень интересно и важно, например, освещение бытового происхождения отдельных литературных сюжетов: а) сюжета „Мертвых душ* Гоголя (Передача от Даля к Пушкину и Гоголю, Из ист. лит., XXVI), б) сюжета о гибели Петербурга от наводнения, отразившегося у Пушкина в „Медном всаднике", у Печорина в „Торжестве смерти" и Огарева в стихотворении „Памяти Рылеева" и в одном стихотворении Лермонтова (Мелочи из ист. лит., XV, Изв. 2 отд. Ак. Наук, XI), кн. И.), в) формы сентиментальных путешествий в русской литературе (Дела и люди, стр. 26 сл.), г) сюжета о попе в козлиной шкуре (Имам-козел Полежаева, Этюды о Полежаеве, также Лит. и проев. III, 171 сл.). Не менее важным мы считаем далее у Е. А. освещение деятельности местных провинциальных литературных кружков, напр.: а) Казанского, начала XIX в. (С. А. Москотельников, П. Г. Каменев, В. Р. Бобровский, С. В. Смирнов, К. С. Орлов и др.), впоследствии примкнувшего к Петербургскому Вольному обществу любителей словесности (Радищев-сын, Попугаев, Востоков, Борн, Остолопов и др.), б) кружка Ибрагимова в Казани конца XVIII выдавшего начало Казанскому Обществу Любителей Отечественной Словесности, в) кружка Саратовского (Варенцов, Белов, Костомаров, Мордовцев), г) Московских философских кружков 30 — 40-х годов (Веневитинова, Станкевича), славянофилов — Немчинова (Фил. в Р , V, 157), д) Московских кружков 50-х годов (Отчет о зан. 1909 г.). Интересуют здесь Евгения Александровича и студенческие корпорации, напр. Ruthenica в Дерптском Университете, основанная поэтом Языковым, интересуют студенческий быт и нравы, поведение и взаимоотношения профессоров, положение университетов (Этюды, стр. 201 сл.). Особенно богато интересными бытовыми подробностями, напр., дело Свечинского, за покушение на профессора прогнанного сквозь строй (Лит. и проев. III, 28 сл.). В настоящее время

важность изучения деятельности провинциальных литературных обществ и кружков особенно, напр., подчеркивается проф. Пиксановым (см. его—Два века русской литературы, Областные культурные гнезда. М. 1927).

Было бы чрезвычайно трудно в краткой заметке исчерпать все богатое содержание работ Евгения Александровича, содержание той з высшей степени интересной и своеобразной летописи русской литературы и просвещения, которую он дал в своих работах. Для общей характеристики этих работ важно отметить, что его заметки и монографии написаны научно, но не безразлично. Это во всех случаях не беспристрастное созерцание историка русского научного и литературного быта, умудренного опытом и спокойно зрящего „на правых и виновных". Это всегда — суд о прошлом русской науки, просвещения и литературы, суд с гуманитарной и критической точки зрения. Это заставляет автора, например, сожалеть об участи Бахтурина, реабилитировать т. н. „архивных юношей"⁴⁴ 20-х годов, сочувствовать Баратынскому с его неразделенным стремлением к освобождению крестьян, оправдывать некоторых цензоров, так как не все же они были гонителями литературы, сочувствовать гр. Воронцовой-Дашковой, бывшей львице петербургских салонов, а потом умершей в нищете и бедности в одной парижской больнице, высказывать упреки Лермонтову за отношение к Лопухиной и вообще за „демоническую беспощадность"⁴⁴, за позу в духе того времени. Этого рода работы Евгения Александровича в высшей степени ценны своей опорой на первоисточники, розысканные автором в библиотеках и архивах университетов: Казанского, Юрьевского, Варшавского, в библиотеках Москвы и Петрограда, наконец, в старых русских и иностранных, главным образом, немецких журналах. Этою своею стороною они не потеряют своего значения, как новый и в свое время во многих случаях первый вклад в науку, знакомство с которым необходимо всякому исследователю русской литературы XIX в., который пожелает, как это по существу дела и требуется, подойти к изучению исторического ее развития не с точки зрения каких-либо априорных отвлеченных положений, а который постарается понять и представить себе этот

процесс литературного развития в его подлинном и конкретном виде, с точки зрения не того, как это могло или должно было быть, а с точки зрения того, как это было в действительности.

По этим и другим работам Евгения Александровича видно, что история русской литературы интересовала и интересуется его во всем ее объеме, во всех ее отделах, произведениях и памятниках, не только во всех, даже и второстепенных, поэтах и писателях, критиках и исследователях, но и других лицах, так или иначе к ней прикосновенных, как издатели газет и журналов и даже цензоры. В своей статье о методах историко-литературного исследования Евгений Александрович прежде всего требует подробного изучения развития писателя или поэта во всех деталях и случайностях этого развития, затем - реального и также подробного изучения эпохи и быта, и, наконец, установления, как он говорит, „равнодействующей этих двух моментов“⁴⁴, их, так сказать, координации (К вопросу о методе. Заметки, № 1 сл.). Этот трудный и кропотливый, но во всяком случае необходимый прием исследования прежде всего был выполнен самим Е. А., и потому история русской литературы в его представлении и изложении вставала и встает во всех своих подробностях и реальных очертаниях. Он одинаково внимательно интересуется всеми ее моментами, не замыкаясь в какую-либо узко отграниченную область, подобно большинству исследователей. Так, по народной словестности (фольклору) Е. А. принадлежит большая работа о Худякове (Ж.М.Н.П. 1908 г.)—этнографе и фольклористе и вместе с тем революционере, члене Ишутинского кружка 60-х годов, о котором и писать то в то время было не безопасно. В ней Е. А. подробно критически рассматривает его сборники былин, сказок, загадок, его исследования о них, изданные им книжки для народа, делая общий вывод, что при иных условиях имя Худякова могло бы занять место среди имен Тихонравова, Гильфердинга и др. знаменитых исследователей нашей литературной и народно-поэтической старины. Сюда же относятся работы Е. А. ча о Варенцове, своем брате Владимире Александровиче, известном исследователе русских сказок о животных; из славянских фольклористов Е. А.

интересовался деятельностью Вука Караджича, известного собирателя сербских песен и реформатора сербского литературного языка и письма. Наконец, Е. А. писал о значении народной поэзии, о колдовстве и заговорах. Не чуждой оставалась Е. А. и область древней письменности, где ему принадлежит работа о „Слове о погибели земли русской“, тогда вновь открытом памятнике. Наконец по русской литературе XVIII в. Е. А. принадлежат работы об одной сатире на пьянство, работа о Каменеве, о Сатире Барсова на Державина, о поэте Хемницере, философах XVIII века.

Такова в главных чертах сорокалетняя научная работа Е. А., ставящая его имя в ряд славных имен основоположников и создателей нашей академической историко-литературной науки. Научные работы всегда только часть того, что знает и думает исследователь, в печати, осуществляется всегда только часть его" намерений. Со всей полнотой и широтой своего научного интереса и своей громадной и редкой даже. для профессора эрудиции, Е. А. раскрывается не в этих работах, а в своих, устных беседах. и лекциях, особенно в своих 'университетских семинариях, постоянно успешное ведение которых также является характерной чертой Е. А-ча', как педагога. Е. А. интересовала всегда не только теоретическая педагогика, но, как и, в других областях, интересовала педагогика в ее практическом применении, при чем он принимал всегда- самое живое и. деятельное участие в практической разработке педагогических Проблем. Сюда относятся его, например, программы по педагогической психологии для летних учительских курсов по гуманитарным наукам (Варш. 1913), положение о курсах для приготовления преподавателей гимназий по русскому языку (Варш. 1910). Особого внимания заслуживает работа Е. А. по организации студенческих научных кружков—в Казани философского, в Варшаве педагогического, в Ростове в настоящее время исследовательского историко- литературного. Деятельность Варшавского педагогического кружка особенно энергична и плодотворна. Под руководством Е. А. кружок этот - работал семь лет (1906—13) и за это время издал несколько выпусков журнала „Вопросы педагогики“ (Варш. 1912—13), два выпуска сборников своих работ

— „Педагогический кружок студентов Варшавского университета" (ч. I—Варш. 1910, ч. II— 1911) и Сборник в честь Пирогова (Варш. 1912). Для этого Е. А. был составлен устав, о работах кружка Е. А. ежегодно давал подробные отчёты, помещавшиеся в Варшавских Университетских известиях (1911—12—13 гг.). Е. А. редактировались, наконец студенческие, работы по педагогике и философии в Варш. Унив. Изв. и в Вопросах Педагогики, работы К. З. Тихоновича, А. А. Яворского, Е.К. Семеновского, И. И. Ягодинского и др. Не менее успешной является деятельность историко-литературного исследовательского семинария в настоящее время- в Северо-Кавказском /Университете, где прежде всего сам Е. А. делает всегда много докладов по разным вопросам истории русской литературы, указывая ими , пути и средства молодым исследователям. К сожалению, из работ этого кружка очень немногое попадает в печать, хотя многое заслуживало бы опубликования и прежде всего доклады самого Е. А., дающие всегда или новый материал, или новые точки зрения.

РАДИЩЕВ Н.А. ЭПИТАФИЯ⁴¹⁶

О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить;
Коль будем жить, то чувствовать нам
должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не
любить.
Надеждой сей себя питая,
И дни в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня:
Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки счастлив
буду!
Но если то мечта, что сердцу льстит, маня,
И ненавистный рок отъял тебя на веки, -
Тогда отрады нет, да льются слёзы реки!..

⁴¹⁶ На смерть первой жены. Этот штрих для понимания личности Н.А.Радищева не менее важен, чем его философские штудии и литературные «путешествия».

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ДВА ПИСЬМА П.Я.ЧААДАЕВА ШЕЛЛИНГУ⁴¹⁷

I.

1932 г. Москва

М.Г.

Не знаю, помните ли Вы молодого человека русской национальности, китораго Вы видели въ Карлсбаде въ 1825 г. Онъ имѣлъ преимущество (avantage) часто беседовать съ Вами о философскихъ предметахъ, и Вы оказали ему честь сказать ему, будто Вы находите удовлетвореше въ томъ, что сообщаете ему свои мысли. Вы говорили ему, между прочимъ, что относительно нѣсколькихъ пунктовъ Вы видоизменили свои идеи, и Вы советовали ему подождать появленія новаго сочиненія (которымъ Вы тогда были заняты), чтобы ознакомиться съ Вашою философіею. Это сочиненіе не появилось, а тотъ молодой человекъ былъ—я. Въ ожиданш, М. Г., я перечиталъ все Ваши сочиненія. Сказать Вамъ, что по Вашимъ слѣдамъ (traces) я поднялся до тѣхъ высотъ, на которыя такимъ прекраснымъ полетомъ (elan) вознесъ Васъ Вашъ гений—это было бы, можетъ быть, съ моей стороны, самонадьянностью (presomption); мне помнится, Вы находили, что Кузень не совсѣмъ Васъ понималъ; а для меня, человека неизвестнаго въ европейскомъ мѣрѣ, было бы неосмотрительно изъявлять притязаніе превзойти (aller en avant) столь великую литературную известность (renomnee); но мне будетъ, думаю, позволено высказать Вамъ, что изученіе Вашихъ сочиненій открыло мне новый мѣрѣ, что при свете Вашего духа я въ области мысли прозрелъ пространства, которыя были всецело скрыты для меня, что это изученіе было для меня источникомъ плодотворныхъ и восхитительныхъ размышленій; мне будетъ позволено сказать Вамъ еще, что при следованіи за Вами въ Вашихъ возвышенныхъ

⁴¹⁷ См.: Бобров Е.А. Шеллинг и Чаадаев//Бобров Е.А. Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Вып.IV/Бобров Е.А.. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1901. – С.4-7, 11-15.

(sublimes) путяхъ мнѣ часто случалось достигать другихъ мѣстъ, чѣмъ те, въ которыя пришли Вы. Теперь я узнаю отъ одного друга, который въ последнее время провел нѣсколько дней около Васъ, что Вы преподаете *философію откровенія*. Этотъ публичный курсъ, Вами читаемый нынѣ, М. Г., какъ я предполагаю (presume), есть именно развитіе той мысли, которая проросла (germait) въ Вашемъ духѣ, когда я видѣлъ Васъ въ Карлсбадѣ. Я не знаю, какова можетъ быть та доктрина, которую Вы нынѣ излагаете въ своей аудиторіи, хотя, уверяю Васъ, я, думалось мнѣ часто, предчувствовалъ, что изъ Вашей системы должна когда-нибудь истечь религіозная философія, но я не могу Вамъ высказать, сколь счастливъ я былъ, узнавъ, что наиглубочайшій мыслитель нашего времени дошелъ до этой великой идеи слить (fusion) во едино философію съ религіею. Съ перваго момента, когда начиналъ я философствовать, эта идея явилась мнѣ, какъ огонь маяка (fanal?) и цѣль всей моей умственной работы. Весь интересъ моего существованія, вся любознательность моего разума оказались поглощенными этою единственною идеею; и по мѣрѣ того, какъ я подвигался въ размышленіи впередъ, я уверялся, что здѣсь же и величайшій интересъ человечества. Всякая новая мысль, какая въ моей головѣ группировалась съ этою первой мыслью, казалась мнѣ камнемъ, который я приносилъ для построенія храма, гдѣ некогда всѣ люди должны будутъ соединиться, чтобы тамъ—въ совершенномъ познаніи—поклоняться очевидному Богу. Затерянный въ интеллектуальныхъ пустыняхъ (solitudes) моей страны, я долгое время считалъ себя единственнымъ, кто изнуряется этимъ трудомъ (labeur), или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что у меня разсеяно по землѣ мало сотрудниковъ; потомъ я открылъ, что весь мыслящій міръ шель по тому же направленію; и то былъ для меня великій день, когда я сдѣлалъ это открытіе. Но въ то же время я былъ пораженъ необходимостью въ высокомъ индивидуальномъ разумѣ, въ великомъ изолированномъ дѣятелѣ (agent), созданномъ на то, чтобы указывать дорогу (guider) всѣмъ разумамъ, всѣмъ дѣятельнымъ силамъ (agens) массы. Съ этихъ поръ я естественно сталъ думать о Васъ. Этотъ человекъ, говорилъ я себе, столь высоко поставленъ въ моральной

сфере міра, это—человѣкъ, которому родъ человѣческой обязанности въ большой части вторичнымъ открытіемъ (*retrouve*) своихъ первыхъ и святыхъ интуицій; возможно ли, чтобы новый свѣтъ, который, наверное, скоро просвѣтитъ всѣхъ насъ, не засветился (*luire*) его очамъ во всемъ своемъ блеске ранее, нежели онъ явится глазамъ всего міра? Онъ согласовалъ уже столько разнородныхъ (*divergents*) элементовъ человеческой мысли: не согласуетъ ли онъ также религіозный элементъ съ элементомъ философскимъ. которые уже соприкасаются? Наконецъ, въ моихъ внутреннихъ (*intimes*) пожеланіяхъ (*vœux*) прогресса и совершенствованія Вамъ предназначалъ я совершить великій переворотъ, къ которому, по моему мнѣнію, стремится новый разумъ; и вотъ говорятъ мнѣ, что Ваше красноречивое слово проповѣдуетъ (*preche*) уже не земную, а небесную науку; и вотъ мои пожеланія, мое предчувствіе нѣкоторымъ образомъ, оказывается, осуществились!

Сначала, М. Г., я хогѣлъ только написать Вамъ, чтобы поблагодарить. Но въ сей часъ я не могу уже противиться желанію узнать кое-что объ этомъ новомъ виде (*face*) Вашей системы; будетъ ли чрезмернымъ требованіемъ (безъ всякаго другого права [*titre*] на эту благосклонность, кроме моей страсти къ успеху человеческого разума и моего качества—гражданина страны, весьма сильно [*grandement*] нуждающейся въ просвѣщеніи) просить Васъ сообщить нѣсколько данныхъ объ общихъ основахъ (*bases*) или объ главной идее Вашего нынѣшняго ученія? Ибо, какъ Вашъ голосъ ни могущественъ, М. Г., онъ не раздастся (*retentit*) до нашихъ широтъ; мы слишкомъ далеко отъ Васъ, М. Г.; мы принадлежимъ къ другой солнечной системе; светоносный лучъ, исходящій отъ какой-либо звезды Вашего міра, долженъ проходить громадный путь, прежде чѣмъ придетъ въ нашъ миръ, и часто теряется въ этомъ переходе (*trajet*).

Если г. *Тургеневъ*, другъ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, стоитъ всегда въ отношеніяхъ съ Вами, то, онъ могъ бы, быть можетъ, сказать Вамъ, что мои занятія и мои труды дѣлаютъ меня достойнымъ Вашего общенія (*convence*). Однако въ этотъ моментъ я не хочу говорить Вамъ о своихъ собственныхъ идеяхъ, или представлять Вашему авторитету то, что

я также называю своею системою; я знаю, что, если въ этотъ разъ я и могу на что-либо рассчитывать, то это единственно на тотъ интересъ, какой Вы сами могли бы найти, вводя въ Вашу философію не одного меня, но чрезъ мое посредство целое молодое поколеніе, бедное настоящимъ, но богатое будущимъ, столь же жадное къ просвещенію, сколь мало оно имѣетъ средствъ удовлетворять свой пылъ (*ardeur*) къ ученію, и коего великое предназначеніе (*les grandes*) не можетъ быть безразлично для мудреца, стремящагося объять всеобщую судьбу всякой вещи. Я очень желаю, М. Г., не ошибиться в моемъ предвиденіи въ этотъ разъ, какъ въ другой: но что бы ни случилось, я никогда не перестану ни удивляться Вамъ, ни сохрауять воспоминаніе о техъ нѣсколькихъ часахъ, въ которые я наслаждался Вашею беседою.

Благоволите, М. Г., принять уверенія въ моемъ глубокомъ уваженіи.

II.

1842 г. Москва, 20 мая (по Лонгинову).

(У Гагарина: 15 апреля 1841 или 1842 г.).

М. Г.

Съ техъ поръ, какъ Вы оказали честь написать мне, много чего произошло въ философскомъ міре, но изо всего этого меня всего живее интересовало видѣть Ваше появленіе на новой сцене (*theatre*), куда призывалъ Васъ владыка, другъ генія. Какъ только узналъ я о Вашемъ прибытіи въ Берлинъ, я испыталъ желаніе обратиться (*adresser*) къ Вамъ свои благопожеланія успеха Вашимъ ученіямъ въ этомъ центре немецкой науки; различныя обстоятельства, не зависящія отъ моей воли, воспрепятствовали мне удовлетворить его: теперь мне остается только поздравить Васъ съ Вашимъ триумфомъ. Я не имею самонадеянности верить, чтобы мои привѣтствія (*compliments*) могли Васъ безконечно тронуть, и если бы у меня не было сказать Вамъ чего-либо другого, то я,

быть может, и удержался бы от того, чтобы писать Вамъ: но я не могъ сопротивляться охоте сообщить Вамъ о мощномъ интересѣ, который связывается для насъ съ Вашимъ теперешнимъ преподаваніемъ, а равно и о глубокихъ симпатіяхъ, которыми небольшая группа нашихъ философскихъ умовъ приветствовала Ваше вступленіе въ этотъ новый періодъ Вашего славнаго пути.

Вамъ небезызвѣстно, безъ сомнѣнія, что умозрительная философія еще съ давняго времени проникла къ намъ, что значительная часть нашей молодежи, жадная до новаго просвѣщенія, поспешила пріобщиться этой совершенной (*toute faite*) мудрости, которой разнообразныя формулы представляютъ нетерпеливому неофиту драгоценное преимущество, освобождая его отъ мучительнаго (*laborieuse*) размышленія,—мудрости, горделивыя замашки (*allures hautaines*) которой такъ нравятся юношескимъ умамъ: но вы, вероятно, не знаете того, что мы теперь находимся посреди особаго рода интеллектуальнаго кризиса, предназначеннаго произвести необычайное вліяніе на будущность нашей цивилизаціи, что мы стали добычею реакціи национальной, страстной, фанатической, ученой—естественное послѣдствіе экзотическихъ тенденцій, подъ властію которыхъ (*sous l'empire des quelles*) мы жили слишкомъ долго; эта реакція, однако, въ своей узкой исключительности стремится не къ меньшей цели, какъ радикальная перестройка идеи страны, таковой, какъ она создавалась,—не въ силу насильственнаго вліянія какого-либо соціальнаго катаклизма, (что могло бы несколько узаконить этотъ насильственное [*violent*] возвращеніе къ прошлому), но совершенно просто въ силу естественнаго хода дѣлъ, вследствие непогрешимой логики вековъ, и особенно въ силу самаго характера націи. Итакъ, философія, низвергнуть которую съ престола (*detroner*) Вы пришли въ Берлинъ, вводясь и у насъ, связываясь съ ходячими у насъ идеями, соединяясь съ духомъ, надъ нами нынѣ господствующимъ, угрожала намъ вполне извратить наше народное чувство, т. е. тотъ принципъ, скрытый у каждаго народа въ глубине его

сердца, который составляем его сознание (conscience),—способъ, каким онъ себя понимает и ведетъ себя на пути, указанномъ ему (assigne) въ общемъ постановленіи вселенной. Чудесная (prodigieuse) эластичность этой философии, которая пригодна (se pręte) ко всѣмъ возможнымъ приложеніямъ, создавала между насъ самыя причудливыя мечты (imaginationes les plus bizarres) относительно нашей роли въ міре, о нашихъ будущихъ судьбахъ; ея фаталистическая логика, которая почти подавляетъ свободную волю, все въ ней устанавливая на свой образецъ, которая повсюду находитъ неумолимую необходимость, должна была, обращаясь на наше прошлое, свести всю нашу исторію на ретроспективную утопію, на высокомерную (arrogante) апофеозу русскаго народа; ея система вселенскаго примиренія съ помощью совершенно новаго хронологическаго приема (procęde), занимательнаго (piquant echantillon) образчика нашихъ философскихъ способностей (saracites), приводила насъ къ вере, будто, предвосхищая ходъ человечества, мы посреди насъ уже осуществили ея честолюбивыя (ambitieuses) теоріи; наконецъ она могла бы, можетъ быть, лишить насъ самаго нрекраснаго наследія нашихъ отцевъ, этой стыдливости (pudeur de lintelligence de la pensee) разума, этого воздержанія мысли (temperance de la pensnee): ея культъ съ сильною печатью созерцанія и аскетисма проникъ ихъ бытіе. Судите же сами, были ли для всехъ техъ изъ насъ, кто серьезно любитъ свою страну, Вы желаннымъ (le bien venu) въ очаге той философіи, вліяніе которой могло стать для насъ столь пагубнымъ (funeste)! И не думайте, что я преувеличиваю это вліяніе! Есть моменты въ жизни народовъ, когда всякая новая доктрина, какова бы она ни была, постоянно окажется облеченною въ необычайное могущество по причинъ необычайнаго движенія умовъ, характерпзующаго эти эпохи. Итакъ, надобно признаться, жаръ, съ которымъ у насъ суется (on sagite) на поверхности общества, чтобы разыскать какую то (je ne saia quelle) потерянную національность,—невъроятень. Шарятъ (on foille) во всѣхъ уголкахъ исторіи страны;

переправляютъ исторіи всѣхъ народовъ міра, имъ опредѣляютъ (inflight) происхожденіе, общее съ привилегированною расою, славянской расою, смотря по ихъ большей или меньшей заслуге; сдвигаютъ всю кору съ земного шара, чтобы открыть тамъ права (titres) новаго народа Божія; и пока (tangis que) эта мятежная національность ускользаетъ отъ всего этого тщетнаго труда, выдѣлываютъ (fabrique) новую, которую имѣютъ притязаніе навязать стране; она, впрочемъ, совершенно безразлична къ лихорадочному изступленію этой безбородой науки. Но лихорадки распространяются, и если бы ученіе о непосредственномъ явленіи абсолютнаго Духа въ человечестве вообще и каждомъ изъ его членовъ въ частности— продолжало царить въ Вашей ученой метрополіи, то мы увидали бы, я въ томъ увѣренъ, какъ весь нашъ литературный міръ скоро обратился бы къ этой системе, courtesan obsequieux человеческого разума, очаровательному льстецу (flatteur charmant) всѣхъ его претензій. Вы знаете, въ деле философіи мы еще въ начале пути (notre point de deprt); и важно знать, отдадимся ли мы порядку идей, вызывающему (provoquant) до высшей степени всѣ роды личныхъ пристрастій или, верные той дороге, какой шли до сего дня, мы будемъ продолжать следовать по путямъ того религознаго смиренія (humilite), той скромности духа, которыя во все времена были отличительною чертою нашего національнаго характера и, наконецъ (en dernierlieu), плодоноснымъ принципомъ нашего особеннаго (singulier) развитія. Продолжайте же, М. Г., торжествовать надъ гордою философіею, которая претендовала вытеснить Вашу. Вы видите, судьбы великаго народа некоторымъ образомъ зависятъ отъ успеха Вашей системы. О если бы мы могли некогда увидѣть созревающими посреди насъ всѣ плоды истинной философіи и быть Вамъ за это обязанными!

БОБРОВ Е.А.:
НЕСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖИЗНИ АВТОРА КНИГИ⁴¹⁸

Густавъ Августовичъ Тейхмюллеръ, сынъ офицера, родился въ Брауншвейгъ 19 ноября 1832 г. Онъ воспитывался въ местной гимназiи и еще на школьной скамьѣ получилъ интересъ къ философіи, главнымъ образомъ, къ эстетикѣ. Съ 1852 г. онъ посвятилъ себя изученiю философіи въ Берлинскомъ университетѣ подъ руководствомъ славнаго Тренделенбурга. Здѣсь же онъ приобрьлъ основательныя познанiя по естественнымъ наукамъ и классической филологiи. Въ 1856 г. онъ получилъ въ Халле степень доктора философіи. Оставшись по смерти отца въ нуждѣ, молодой ученый еще съ 1855 г. поступилъ домашнимъ учителемъ въ домъ генерала Вертера, который въ слѣдующемъ году былъ назначенъ въ Петербургъ германскимъ посланникомъ. Вмѣстѣ съ Вертеромъ Тейхмюллеръ приѣхалъ въ Россiю. Въ Петербургъ ему повезло; черезъ два года онъ покидаетъ свое мѣсто и поступаетъ учителемъ греческаго и нѣмецкаго языковъ въ училище при лютеранской церкви Св. Анны. Въ 1860 г. Тейхмюллеръ, женившійся въ Петербургѣ, вернулся за границу и поступилъ приватъ-доцентомъ въ Гёттингенскiй университетъ, гдѣ свелъ дружбу со знаменитымъ философомъ Г. Р. Лоцце и съ Г. Риттеромъ, тоже небезызвѣстнымъ историкомъ философіи.

Потрясенный смертью своей первой жены, Тейхмюллеръ въ 1862 г. совершилъ большое путешествiе на Востокъ, которое длилось около 1¹/₃ лѣтъ. По возвращенiи въ Геттингенъ онъ возобновилъ свою педагогическую деятельность, и въ 1867 г. добился званiя

⁴¹⁸ Г.Тейхмюллер. Бессмертие души. Философское исследование. Перевод под ред. Е.А. Боброва. – С.198-200.

екстраординарнаго профессора. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ приглашение ординарнымъ профессоромъ въ Базель, гдѣ завязалъ многочисленныя и пріятныя сношенія. О базельской своей жизни онъ всегда впослѣдствіи вспоминалъ, какъ о пріятнейшей поре.

Въ 1871 г. Тейхмюллеръ былъ выбранъ на философскую кафедру при Дерптскомъ, ныне Юрьевскомъ университетѣ; до него это место занималъ Штрюмпель. Въ Юрьеве Тейхмюллеръ оставался уже до конца своихъ дней. Здесь онъ написалъ все свои наиболее замѣчательныя работы, въ томъ числѣ, и предлагаемую книгу «Безсмертіе души». Онъ скончался 22 мая 1888 г. послѣ долговременныхъ жестокихъ страданій отъ рака желудка. Тейхмюллеръ издалъ около 20 томовъ сочиненій, не считая мелкихъ статей и рецензій въ повременныхъ изданіяхъ. Прилагаю при семъ списокъ его главнейшихъ сочиненій:

Литературная деятельность Тейхмюллера распадается на три періода. Тейхмюллеръ, кажется, первоначально не думалъ стать системнымъ философомъ. Все написанное имъ до Юрьева верно тренделенбургской традиціи и посвящено Аристотелю. Въ Юрьеве только онъ и сталъ въ силу разныхъ обстоятельствъ (какъ онъ самъ въ шутку говорилъ, будто бы вследствие отсутствія занимательнаго общества, которое могло бы отвлекать его) темъ великимъ историкомъ и замѣчательнымъ философомъ, какимъ мы его знаемъ. Сначала онъ расширяетъ лишь область своихъ занятій по исторіи философіи на досократиковъ и Платона. Въ этомъ направленіи онъ, какъ известно, достигъ блестящихъ результатовъ: онъ разбилъ господствовавшее целлерово пониманіе платонизма, возсоздалъ философію Анаксимандра и Гераклита. Мало по малу онъ переходитъ и къ системной философіи, правда, высказываясь но случайнымъ поводамъ. Такъ «Безсмертіе души», «Сущность любви», «Эмансипація женщинъ» — циклы публичныхъ лекцій съ благотворительной цѣлью; «Дарвинизмъ и философія» — актовая рѣчь, возникшая изъ споровъ и собесѣдованій съ великимъ естествовѣдомъ К. Э.

Бэрмъ. Только въ «Метафизикъ» Тейх-мюллеръ выходитъ на свою настоящую дорогу. Хотя онъ и послѣ этого отвлекается въ сторону исторіи философіи, но успѣваетъ еще издать «Философію религіи». Въ послѣдніе годы Тейхмюллеръ работалъ надъ обширнымъ трудомъ «Теологикой» или философскимъ ученіемъ о Богѣ. Этой задачи онъ исполнить не успѣлъ.

Что касается общей характеристики ученія Тейхмюллера и историческаго значенія его философіи, то я позволю себѣ отослать читателя къ своей книгѣ «О понятіи искусства», равно какъ и къ прекрасной статьѣ А. А. Козлова въ «Вопросахъ философіи и психологіи» за истекшій годъ.

Въ отношеніи нравственнаго характера надобно признать Тейхмюллера высокопочтенною личностью. Это былъ человекъ, хотя и претерпѣвшій въ жизни немало зла и несправедливостей, но зато самъ никого не обидѣвшій и никому не повредившій. Чуткій къ чужой бѣдѣ, онъ истратилъ цѣлый капиталъ на вспомошествованіе недостаточнымъ студентамъ. Прекрасный и влиятельный ораторъ-учитель, добрый и снисходительный наставникъ, онъ вѣчно будетъ жить въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ счастье вступить съ нимъ въ болѣе близкія отношенія и покороче съ нимъ познакомиться.

Е.А.Б.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

ИЗ «ИНСТРУКЦИИ ДИРЕКТОРУ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА», ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЁННОЙ 17 ЯНВАРЯ 1820 Г.⁴¹⁹

III. О предметах учения в Факультете Нравственно-Философских наук.

Для избежания того смешения идей, которое столь часто замечается в воспитании, от несоображения в совокупности разных Философских систем, Профессор обязан привести их к одному началу и показать, что условная истина, служащая предметом умозрительной философии, могла заменять истину Христианства до пришествия Спасителя мира; ныне же в воспитании допускается, как полезное токмо упражнение разума, для изощрения сил его к принятию прочих наук человеческих, на философских началах основанных.. Слушатели удостоверятся, что всё то, что не согласно с разумом Священного Писания, есть заблуждение и ложь, и без всякой пощады должно быть отвергаемо; что те только теории философские основательны и справедливы, кои могут быть соглашаемы с учением Евангельским: ибо истина едина, а безчисленные заблуждения.

VII. О Факультете Словесных наук.

d) В преподавании Истории не должен Профессор вдаваться в излишняя подробности баснословия отдалённейших времён, всегда ложного и бесполезного. Всё, что в преподавании о сём предмете может быть допущено, есть токмо применение к истинной Истории, из которой то заимствовано... Он покажет, всё то, что в языческой Истории называется великостию и добродетелью, есть токмо высочайший степень гордости человеческой, и ничто перед величием Христианским..

Профессор Истории Российской преподаст её во всей нужной подробности. Он покажет, что Отечество наше в истинном просвещении упредило многие современные Государства, и докажет сие распоряжениями по

⁴¹⁹ См.: Соловьёв И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск первый: университеты до эпохи шестидесятых годов/Соловьёв И.М. – С.-Пб.: Книгоиздательство типо-литографии «Энергия», 1914.

части учебной и духовной Владимира Мономаха, показав в то же время положение других Европейских Государств в сём отношении.

Он распространится о славе, которою Отечество наше обязано Августейшему дому Романовых, о добродетелях и патриотизме его родоначальника и достопримечательных происшествиях настоящего царствования.

**О ВОЗЛОЖЕНИИ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ПРЕПОДАВАНИЕМ
ЛОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ В УНИВЕРСИТЕТАХ И РИШЕЛЬЕВСКОМ
ЛИЦЕЕ НА ГЛАВНЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ ЗА ПРЕПОДАВАНИЕМ
ЗАКОНА БОЖИЯ В СВЕТСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.
(23 АПРЕЛЯ 1852 Г.)⁴²⁰**

Наблюдение за преподаванием логики и психологии, а также как и богословия, в С.- Петербургском и Главном педагогическом Институте, которым занимаются Профессора богословия, возложено Святейшим Синодом на Главного Наблюдателя за преподаванием закона Божия в светских учебных заведениях С.- Петербурга и его окрестностей. Вследствии сего, я просил Святейший Синод о распространении сей меры и на Университеты: Московский, Харьковский, казанский, Св. Владимира и Ришельевский Лицей... Ныне Обер-Прокурор Святейшего Синода уведомил меня, что, согласно предположению моему, наблюдение за преподаванием логики и психологии в сказанных Университетах и Лицее возложено Святейшим Синодом на Главных Наблюдателей за преподаванием закона Божия в светских учебных заведениях тех городов, где означенные Университеты и Лицей находятся.

⁴²⁰ См.: Соловьёв И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск первый: университеты до эпохи шестидесятых годов/Соловьёв И.М. – С.-Пб.: Книгоиздательство типо-литографии «Энергия», 1914.